

ISSN 1993–4750

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

1 (762)
2016

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

HUMANITARIAN SCIENCES

Issue 1 (762)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2016

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Выпуск 1 (762)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2016

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

<i>Н. М. Алиева</i> , д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)	<i>С. С. Кунанбаева</i> , д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
<i>Г. Б. Воронина</i> , канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	<i>Т. В. Медведева</i> , канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
<i>Г. Р. Гаспарян</i> , д-р филол. наук, проф. (Армения)	<i>Л. В. Моисеенко</i> , д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
<i>К. В. Голубина</i> , канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	<i>А. И. Мусаев</i> , д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
<i>М. К. Томес</i> , проф. лингвистики (Кадис, Испания)	<i>Л. А. Ноздрина</i> , д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
<i>И. А. Гусейнова</i> , д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)	<i>Т. В. Писанова</i> , д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
<i>Н. А. Дудик</i> , канд. филол. наук (МГЛУ)	<i>Р. К. Потапова</i> , д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
<i>М. С. Имомзода</i> , д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)	<i>О. А. Радченко</i> , д-р филол. наук, проф. (Россия)
<i>К. М. Ирисханова</i> , канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	<i>М. Н. Русецкая</i> , д-р пед. наук, проф. (Россия)
<i>О. К. Ирисханова</i> , д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)	<i>И. А. Семина</i> , д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
<i>А. Я. Касюк</i> , д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)	<i>Т. С. Сорочкина</i> , д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
<i>И. А. Краева</i> , канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)	<i>И. И. Убин</i> , д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
<i>Г. Ф. Красноженова</i> , д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)	

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Языкознание

И. Васильюк, канд. филол. наук (Польша)
Е. Е. Голубкова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Л. М. Жданова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Е. Б. Карневская, канд. филол. наук, проф. (Беларусь)
Е. Ф. Косиченко, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Н. Б. Кудрявцева, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Л. В. Порохницкая, д-р филол. наук (МГЛУ)
Л. Ш. Рахимбекова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Л. А. Уралова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Г. М. Фадеева, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Э. А. Харитончик, д-р филол. наук, проф. (Беларусь)
Е. Н. Цветаева, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
А. Дж. Ченки, д-р наук по славянским языкам (Нидерланды)
В. Янулевичене, д-р гуманитарных наук, проф. (Литва)

Литературоведение

А. П. Бондарев, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
В. Н. Ганин, д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
О. В. Евтушенко, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф. (Болгария)
Е. В. Сомова, д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
С. П. Толкачев, д-р филол. наук, проф. (литературный ин-т им. М. Горького)
С. Н. Травников, д-р филол. наук, проф. (ин-т рус. яз. им. Пушкина)

Культурология

А. Ю. Евдокимов, академик РАЕН, д-р техн. наук, доц., канд. культурологии (МГЛУ)
Е. А. Осьминина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. А. Полетаева, канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Р. А. Силантьев, д-р истор. наук, доц. (МГЛУ)
В. А. Тёмкин, канд. истор. наук, доц. (МГЛУ)

Философские науки

В. А. Васильев, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)
А. Н. Лоцилин, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)
Ю. А. Сухарев, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Голикова Т. О.</i>	
Культурологический аспект лексики в произведениях П. Г. Вудхауса	9
<i>Даминова С. О.</i>	
Профессиональный жаргон как компонент лингвистической компетенции студентов-нефилологов	18
<i>Климова Г. В.</i>	
Трудности усвоения идиоматики при обучении иностранному языку	31
<i>Соколова Г. А.</i>	
Роль фонетической звукописи в немецких сказках	36
<i>Таунсенд К. И.</i>	
«Последний римлянин» Бозций в первом русском переводе иеромонаха Феофилакта Русанова	44

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Ноздрина Л. А.</i>	
Категория координат в системе глубинных категорий текста	61
<i>Осьминина Е. А.</i>	
Образы мировой культуры в поэзии З. Н. Гиппиус	69
<i>Северина Е. А.</i>	
Фельетон как средство воздействия на общественное мнение	79
<i>Толкачев С. П.</i>	
Мультикультурная литература как «третье пространство»	93

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Полетаева М. А.

Эффективные способы культурной интеграции иммигрантов
(на примере агломерации Большого Лондона) 103

Родионова О. В.

Свой среди чужих 117

Силантьев Р. А.

Богословское моделирование на примере литературы сеттинга
Warhammer 40.000 138

Черномашенцева Ф. А.

Взаимосвязь рационального и иррационального в культуре:
теоретический аспект 147

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Блинова А. С.

Социальная сущность и генезис проблемы теодицеи 155

Васильев В. А.

Плюрализм мнений – важный фактор функционирования
гражданского общества 165

Евдокимов А. Ю.

Проблемы религии и экологии 176

Лоцилин А. Н.

Коллективное использование орудий труда –
основа возникновения и развития сознания, языка
и лингвистической деятельности 195

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Golikova T. O.</i> Cultural Topics in the Vocabulary of P. G. Wodehouse's Works	9
<i>Daminova S. O.</i> Professional jargon as a Component of Linguistic Competence of Non-Philologist Students	18
<i>Klimova G. V.</i> Difficulties in Mastering Idioms in Foreign Language Instruction	31
<i>Sokolova G. A.</i> The Role of Phonetic Sound Selection in German Fairy-Tales	36
<i>Taunzend K. I.</i> "The Last Roman" Boethius in the First Russian Translation by the Celibate Priest Theophilakt Rusanov	44

LITERATURE

<i>Nosdrina L. A.</i> Category of Coordinates in the System of Deep Text Categories	61
<i>Osmnina E. A.</i> Images of the World Culture in Z. N. Hippius's Poetry	69
<i>Severina E. A.</i> Feuilleton as a Special Type of Leveraging Public Opinion	79
<i>Tolkachev S. P.</i> Multicultural Literature as the "Third Space"	93

CULTUROLOGY

<i>Poletaeva M. A.</i>	
Effective Methods of Immigrants' Cultural Integration (on the Example of Greater London Agglomeration)	103
<i>Rodionova O. V.</i>	
At Home Among Strangers	117
<i>Silantjev R. A.</i>	
Theological Modelling on the Example of Literature Setting Warhammer 40.000	138
<i>Chernomashentseva F. A.</i>	
Interrelation Between Rational and Irrational in Culture: Theoretical Aspect	147

PHILOSOPHY

<i>Blinova A. S.</i>	
The Origin of the Theodicy-Problem	155
<i>Vasiliev V. A.</i>	
Pluralism of Opinions as a Spiritual Basis of Civil Society	165
<i>Evdokimov A. Y.</i>	
Religion and Ecology	176
<i>Loshchilin A. N.</i>	
Collective Use of Work Tools as the Basis of Emergence and Development of Consciousness, Language and Linguistic Activity	195

УДК 81'373

Т. О. Голикова

кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка МГЛУ; tel. : 8 (499) 245 31 21

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ П. Г. ВУДХАУСА

В статье рассматриваются слова и выражения, обозначающие реалии, характерные только для Великобритании, в произведениях английского писателя П. Г. Вудхауса. Лексика, связанная с национальными видами спорта и играми, кухней, одеждой, транспортными средствами, деньгами, историческими личностями и литературными героями, за которой стоят знания о мире и юмор англичан, представляется ключевой для понимания британской культуры. Данные слова и выражения становятся «кирпичиками смысла» для атмосферы Англии.

Ключевые слова: лингвокреативная деятельность; знания о мире; говорящие имена.

Golikova T. O.

Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of English Lexicology, the Faculty of English; tel. : 8 (499) 245 31 21

CULTURAL TOPICS IN THE VOCABULARY OF P. G. WODEHOUSE'S WORKS

The article is concerned with words and expressions denoting realia of Great Britain in works of the English writer P. G. Wodehouse. The topical vocabulary of national sports and games, food and drinks, clothes, means of transport, money, historical and literary figures – that shows background knowledge and English humour – seems to be a key to British culture. The words and expressions analysed are bits of information to create an English atmosphere.

Key words: language creating activity; background knowledge; telling names.

По мнению выдающегося лексиколога Г. Ю. Князевой, большой интерес ученых вызывает «национально-культурная специфика членения мира средствами ... английского языка» и «лингвокреативная деятельность его носителей» [1, с. 240]. С этих позиций следует изучать и национальные варианты английского языка. Г. Ю. Князева считает, что если рассматривать особенности британской и американской лексики с точки зрения национально-культурных особенностей членения окружающего мира ... нужно по-новому систематизировать и интерпретировать лексические расхождения разных вариантов английского языка» [там же, с. 238].

Ступенькой к подобному исследованию лексики может стать рассмотрение слов и выражений, несущих информацию о британской или американской культуре. Цель данной статьи – изучение слов, обозначающих реалии, типичные исключительно для Великобритании, в произведениях английского писателя П. Г. Вудхауса. По мнению Г. Ю. Князевой, «большинство только британских или только американских слов обозначают объекты, связанные с историей данного народа, с особенностями государственного устройства страны и ее природных условий, названия географических объектов, титулов, традиций, праздников и т. п.» [там же, с. 238].

Все эти объекты и названия присутствуют в произведениях П. Г. Вудхауса «Дядя Фред весной» и «Брачный период». В данных произведениях автор показывает нам Лондон и английскую провинцию. Перед нами встают площади и улицы Лондона, здания, музеи, концертные залы, а также графства, маленькие городки, усадьбы Англии. Помимо этого, мы узнаем имена великих англичан, встречаем и другие реалии. Такая лексика помогает автору воссоздать колорит Англии. Например, словосочетание *to read for the Bar (to study for the profession of being a barrister: a type of lawyer who is allowed to speak in the higher courts of law* [6]) помогает описать обучение одного из героев. Процесс сравнивается с обучением на адвоката высшего ранга:

Pongo himself was *reading for the Bar* and had sometimes felt like cracking under the strain of it all, but ... Between [this] and teaching dancing to Horace Davenport there was a substantial difference, and it was the person on whom life had thrust the latter task who must be considered to have drawn the short straw [11, с. 6].

Так описывается трудный процесс, что создает юмористический эффект. Дополняя единицы, связанные с историей, географией, государственным устройством Англии, в произведениях П. Г. Вудхауса приобретают новое звучание говорящие имена.

Так, *Galahad* (имя персонажа средневековой легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого стола) становится именем английского аристократа. Имя Галаад определяется словарем «Longman Dictionary of English Language and Culture»:

Galahad – one of King Arthur’s Knights of the Round Table who was very honest and morally good, and who found the Holy Grail. The name Sir Galahad is sometimes used to mean a man who behaves in a morally good and generous way [6].

В романе «Дядя Фред весной» Галаадом зовут одного из героев:

The Hon *Galahad* Threepwood was a man of high standards. He weighed people before stamping them with the seal of his approval, and picked his words before he spoke. If *Galahad* Threepwood said a man was hot stuff, he used the phrase not carelessly but in its deepest sense [11, с. 27].

В данном отрывке показывается не рыцарь, самоотверженный и благородный, а человек резкий и уверенный в себе, называющий вещи своими именами. Это также создает юмористический эффект.

Помимо говорящих имен, в произведениях П. Г. Вудхауса выделяются тематические группы слов, обозначающие типично английские реалии.

Во-первых, в романах «Дядя Фред весной» и «Брачный период» встречается лексика, относящаяся к английским национальным видам спорта и играм. В книге «Дядя Фред весной» присутствуют тематические группы «скачки» и «гольф».

Реалии скачек обозначают слова:

the Derby – a very important yearly horse race held at Epsom in England in May or June, on a day which is known as Derby Day [6];

the turf – the sport or world of horseracing [6];

bookie – a bookmaker;

a bookmaker – a person whose job is to take money (bets), risked on the results of competitions, especially horse races [6];

Silver Ring – an enclosure (трибуна) next to the most expensive and those of the highest status [5];

a punter – (infml) someone who makes a bet on the result of a horse race [6].

К области гольфа относится лексика:

golf-links – a Golf course, especially by the sea [6];

tee – (in golf) a small piece of wood, plastic, etc that a golf player pushes into the ground and uses to support the ball when hitting it from this area [4];
метка для мяча [2];

fairway – the part of a golf course along which one hits the ball in order to get to the green, where the hole is [6];

plus-fours – trousers with loose wide legs drawn in to fit closely just below the knee, used especially in former times in playing golf [6]; брюки гольф [2];

hockey-knockers – informal way of referring to golf equipment [8].

Также имеется единица, относящаяся к академической гребле:

The Boat Race (in the UK) – a rowing race on the River Thames held every year between teams from Oxford University and Cambridge University. The Boat Race is a popular national event and is shown on television [6].

В книге «Брачный период» упоминается состязание академической гребли между Оксфордом и Кембриджем:

...the incident occurred pretty late on *the Boat Race* night when the best of men are not quite themselves” [11, с. 41].

Как видим, скачки и гольф (а возможно, и академическая гребля) занимают определенное место в жизни аристократов. Это подтверждает известное мнение о том, что спорт играет важную роль в культуре англичан.

Во-вторых, в книге «Дядя Фред весной» присутствует тематическая группа слов «транспортные средства»:

Rolls – (infml) Rolls Royce [6];

Rolls Royce – an extremely expensive, comfortable type of car produced in the UK. Rolls-Royces are thought to be the best quality cars in the world [6];

Buffy Porson – a small English sports car [7];

Lincoln – a type of a large, expensive US car made by the Ford company [6];

two-seater – a car with seats for two people [4];

scooter – a low vehicle with two small wheels, an enclosed engine, and usually a wide curved part in front to protect legs [6].

Машины «*Rolls Royce*» и «*Buffy Porson*» – английские реалии.

В-третьих, в книге «Дядя Фред весной» присутствует тематическая группа «деньги». Все наименования разговорные:

bob – infml, old-f, a former British coin; the shilling [6];

quid – (Br. infml) one pound in money [там же];

potato – (в контексте) один фунт;

tenner – (Br. infml) ten pounds or a ten-pound note [там же].

Таким образом можно сделать вывод, что английские аристократы ездят на дорогих, а также на спортивных машинах. При этом они всегда нуждаются в деньгах.

В-четвертых, в анализируемых романах П.Г. Вудхауса присутствует лексика, связанная с национальной кухней. Слова *toast*, *marmalade*, *sandwich* обозначают типично британские реалии. Завтраки и обеды – важная часть повседневной жизни английских аристократов:

the Duke awoke on the morning following his luncheon-party at Bloxham Mansions. For some time he lay gazing at the sunlight that filtered the french windows opening on the lawn, then ... he instructed the footman to bring him *toast*, *marmalade*, a pot of China tea, two lightly boiled eggs and the Times [11, с. 16].

В-пятых, в произведениях обнаружены названия крепких напитков:

On Catsmeat's entry I had provided him with a hospitable *whisky* and splash ...” [10, с. 10];

Champagne of a sound vintage was flowing like water” [там же, с. 41];

Dame Daphne told Esmond Haddock not to be too long over his *port*, and popped off. Uncle Charlie brought the decanter and also popped off. And Esmond Haddock and I were alone together, self wondering how chances were for getting a couple of glassfuls” [там же, с. 42].

Традиционный британский напиток – виски.

Для обозначения меры крепких напитков используются емкости:

magnum – a large bottle for wine and spirits containing about 50 ounces [9] – винная бутылка, вмещающая две кварты [2].

decanter – a container (usually of glass and decorated) for holding alcoholic drinks, especially wine, before they are poured into glasses. It is used for decorative effect and, in the case of wine, to improve the taste [6]; графин [2];

goblet – a cup for wine, usu of glass or metal, with a stem and base but no handle [4].

Также используются единицы *glassful*, *beakerful*, *jugful*, *snootful* и выражения *a spot of port*, *a drop of port*, *just a trickle*.

В-шестых, в романе «Дядя Фред весной» широко представлена тематическая группа «одежда». Описывается повседневная одежда, официальная, спортивная, а также одежда для торжественных случаев.

Официальная одежда в обычной обстановке включает предметы:

lounge suit – a man's suit for wearing during the day, e.g. in an office. In Britain and the US most men who work in a bank, office, etc have to wear a lounge suit when they go to work, even when the weather is very hot or very cold. It is usually in a dark colour, such as grey or black, made of wool or similar material, and is always worn with a shirt and a tie [6];

Homburg hat – a soft felt hat for men, with a wide piece (brim) standing out round the edge [6]; мягкая фетровая шляпа [2].

Одежда из твида и сержа:

tweed – woolen cloth with a rough surface often woven with mixed colours [6];

serge – a strong, usually woolen cloth, used especially for suits [там же].

Расцветка ткани – мелкая полоска (*pinstripe*) и «куриная лапка» (*herring bone*):

pinstripe – a very narrow white line in the design of cloth, esp. of the type used for making formal suits [там же];

herring bone – a zigzag pattern used in sewing and weaving [там же].

Спортивная одежда представлена предметами *golf coat*, *plus fours* и др.

Так герой описывает игру “Clothes Stakes”, где делается ставка на одежду:

Now then, gentlemen, the simple question to have to ask yourselves is – What is the gentleman in the telephone booth wearing? Or putting it another way – What's he got on? Hence the term Clothes Stakes. It might be one thing, or it might be another. He might be in his Sunday-go-to-meetings, or he might have been taking a dip in the Serpentine and be in his little bathing suit. Or he may have joined the Salvation Army. To give you a lead, I'm offering nine to four against *Blue Serge*, four to one *Pin Striped Grey Tweed*, ten to one *Golf Coat* and *Plus Fours*, a hundred to six *Gymnasium Vest* and *Running Shorts*, twenty to one *Court Dress* as worn at Buckingham Palace, nine to four

the fields. And perhaps you, sir," said Mr. Pott, addressing the adjacent Egg, would be good enough to officiate as my clerk [11, с. 43].

Что касается одежды для торжественных случаев, то она включает следующие предметы:

dinner jacket – a man's black and white jacket for very formal evening occasions [6] – смокинг [2].

morning suit – a man's formal suit, worn at formal occasions during the day, e.g. weddings [6] – визитка (парадный мужской костюм, включающий длинный черный или серый пиджак, брюки в полоску, цилиндр) [3];

top hat – a man's tall black and grey silk hat, now worn only on formal occasions [6] – цилиндр [2].

Кроме того, описывается одежда, которую носят за городом. Эта одежда из ворстеда (плотной шерстяной ткани):

worsted – wool cloth woven from a firmly twisted yarn or thread, having a hard, smooth surface and no nap. Worsted is a name of parish in Norfolk where the cloth was made [9].

Главный герой книги «Брачный период» (Берти Вустер) зрительно представляет девушку за городом:

I was trying to sort out his little ball of *worsted* from the mob of aunts and what-have-you of whom Jeeves had spoken [10, с. 10].

В данной тематической группе единицы *dinner jacket*, *morning suit*, *worsted* и другие обозначают реалии, которые типичны только для Великобритании.

Наконец, *в-седьмых*, последнее, но, тем не менее, важное: в анализируемых произведениях присутствует тематическая группа «исторические личности»:

Puritan – usu derog (of a being) a person who has rather hard, fixed standards of behaviour and self-control, and thinks pleasure is unnecessary or wrong [6].

Один из героев называет отца своей девушки пуританином и сожалеет о том, что девушка сказала последнему, что проводит время с героем книги «Дядя Фред весной» :

It wouldn't have done to reveal the actual facts to him. He might have disapproved. There is an odd, *Puritan* streak in old Mustard [11, с. 86].

В целом, можно сделать вывод, что аристократы знают историю и сравнивают друг друга с историческими личностями.

Как видим из рассмотренных примеров, лексика, связанная с национальными видами спорта и играми, транспортными средствами, деньгами, национальной кухней, историческими личностями, часто обозначает реалии и людей, которые типичны только для Великобритании. По структуре слова-реалии Великобритании могут быть простыми, производными и сложными. Многие единицы – имена собственные (имена, топонимы и названия), за ними стоят знания о мире носителей языка. Интересно, что в семантической структуре всех этих единиц присутствует яркая оценка.

Также следует отметить разговорный характер многих слов-реалий. Речь английских аристократов, как и автора, – это живая английская речь.

В заключение можно сделать следующие выводы: произведения П. Г. Вудхауса наполнены бритаизмами, говорящими именами, словами-реалиями Великобритании, которые становятся «кирпичиками» смысла, несущими информацию о британской культуре. Часто они создают юмористический эффект и передают английский юмор. Мы увидели, что данные единицы образно рассказывают о жизни английских аристократов и при этом также помогают автору выразить свое мнение о них и дать оценку. Следовательно, имена, слова-реалии Великобритании отражают не только содержательно-фактуальную, но и содержательно-концептуальную информацию текста и дискурса. Они помогают выразить характер и дух Великобритании, а также авторскую интенцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Князева Г. Ю.* Некоторые новые подходы к изучению национальных вариантов английского языка // Новое в лексикологии: проблемы, методы, изыскания. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. – С. 236–251 (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 549. Сер. Языкознание).
2. Новый большой англо-русский словарь / под ред. Э. М. Медниковой и Ю. Д. Апресяна: в 3 т. – М.: Русский язык, 1993. – Т. 1. – 828 с.; Т. 2. – 831 с.; Т. 3. – 821 с.
3. Мультитран (Англо-русский и русско-английский словарь). – URL: www.multitrans.ru.
4. *Hornby A. S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of the English Language. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 1426 p.

5. Horse Racing terms explained. A free guide to horseracing and betting. – URL: <http://www.bannedsystems.co.uk/systems/raceterms.htm>.
6. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Harlow : Pearson Education Ltd., 2000. – 1568 p.
7. The Buffy-Porson Comes Alive – Cyclekarts. – URL: <http://cyclekarts.com/Buf032103.html>.
8. Uncle Fred in the Springtime – Annotations. – URL: <http://www.madameulalie.org/annots/pgwbooks/pgwufs1.html>.
9. Webster’s Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. – N. J. : Gramercy Books, 1989. – 1854 p.
10. *Wodehouse P. G.* The Mating Season. – London: Penguin Books, 2001. – 221 p.
11. *Wodehouse P. G.* Uncle Fred in the Springtime (A Blandings Story). – L.: Penguin Books, 2000. – 250 p.

УДК 811.11-112

С. О. Дамина

кандидат химических наук, аспирант кафедры лингводидактики МГЛУ;
e-mail: sofiya16s@yahoo.co.uk

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЖАРГОН КАК КОМПОНЕНТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-НЕФИЛОЛогоВ

Статья посвящена особому сегменту английского и русского языков для специальных целей – профессиональному жаргону, как составляющей лингвистической компетенции студентов-нефилологов. Представлено системное описание английских и русских жаргонизмов, относящихся к языку химиков. Анализируются особенности их построения и, в частности, словообразовательные модели, характерные для таких лексем. Особое внимание уделяется семантике профессионализмов, а также функциям, которые такие единицы выполняют в профессиональном общении химиков.

Ключевые слова: лингвистическая компетенция; профессиональный жаргон; словообразовательные модели; семантика профессионализмов.

Daminova S. O.

Ph. D. (Chemistry), Postgraduate Student, Department of Linguodidactics, MSLU;
e-mail: sofiya16s@yahoo.co.uk

PROFESSIONAL JARGON AS A COMPONENT OF LINGUISTIC COMPETENCE OF NON-PHILOLOGIST STUDENTS

The article is devoted to a particular segment of English for special purposes - professional jargon as a component of linguistic competence of non-philologist students. This article represents a systematic description of the English and Russian jargon related to the language of chemists. The author analyzes peculiarities of their construction and, in particular, word-formation patterns that are typical of such lexical units. Much attention is paid to the semantics of professionalisms, as well as to the functions that such units perform in professional communication of chemists.

Key words: linguistic competence; professional jargon; word-formation patterns; semantics of professionalisms.

В связи с развитием науки и техники, проникновением достижений естественно-научных дисциплин во все сферы нашей жизни, языки для специальных целей все больше стали привлекать к себе внимание ученых. Проведение научных работ, в которых исследуются

различные страты языка специалистов, в частности химиков, продиктовано разнообразием материала для его описания, анализа, классификации и систематизации.

Профессиональный язык – это сложное лингвистическое и социокультурное явление, которое охватывает различные сферы коммуникации – профессиональную, общественную, повседневно-бытовую и др. [7].

В рамках учебного курса иностранного языка в вузах нелингвистического профиля большое внимание уделяется изучению научной терминологии, а также, хотя и в меньшей степени, художественно-литературного языка. Как правило студентам приходится изучать иноязычный профессиональный жаргон самостоятельно, участвуя в процессе коммуникации с носителями иностранного языка.

Между тем владение профессиональным жаргоном является для специалиста важным элементом лингвистической компетенции. В частности, изучение профессионального жаргона дает представление о правилах неофициального общения в области избранной специальности. Незнание этого пласта профессионального языка может привести к коммуникативным неудачам в общении с иностранными коллегами.

Нами был проанализирован и сопоставлен профессиональный жаргон химиков в русском и английском языках, систематизированы и описаны структурные, стилистические и семантические особенности каждого. Материалом послужили около 100 лексических единиц, отобранных из словарей, интернет-сайтов, статей научно-популярных журналов по химии, а также личного повседневного общения со специалистами-химиками [3; 4].

Системное описание химической лексики было проведено в работах ученых-филологов (Г.Н. Агапова, Г.А. Дианова и др.). Однако до сих пор не был изучен профессиональный жаргон химиков из-за его специфичности, малодоступности и обособленности от других сегментов языка.

К профессиональному жаргону обычно относят специальные наименования, обладающие яркой, обычно сниженной стилистической окраской, так что их «ненормативность ясно осознается говорящими и пишущими» [2, с.160]. Профессиональные жаргонизмы обычно связаны не только с профессией, но и социальной группой, и по этой причине они, как справедливо указывает О.В. Борхвальдт,

являются средством профессионального общения представителей одной специальности [2]. Единицы профессионального жаргона, как и другие номинативные единицы языка, служат прежде всего для обозначения понятий, в данном случае – используемых в профессиональной среде. Являясь средством познания действительности, профессионализмы также выполняют кумулятивную функцию, т. е. способствуют «накоплению научных знаний и практического опыта» [2, с. 101]. Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов экспрессивность, оценочность и другие элементы коннотации, являющиеся характерным свойством профессионального жаргона. Это обуславливает одну из его важнейших функций – аксиологическую.

Л. В. Прибытова выделяет также объединительную и мировоззренческую функции этого сегмента лексики. Первая заключается в том, что профессиональные жаргонизмы «объединяют профессионалов» и отличают их от людей, чья деятельность не связана с данной профессией [7]. Профессиональный жаргон обычно возникает в процессе совместной деятельности коллектива специалистов и, как правило, бывает понятен только данной общности людей, например, *буква* – нуклеотид, используемый для синтеза фрагментов ДНК и РНК¹.

Вторая функция, мировоззренческая, связана с первой. Она подразумевает, что «профессиональный разговорный язык – это “живой” язык, постоянно пополняющийся новыми единицами, его носители выступают активными участниками процесса словотворчества. Однако объектом номинации становятся лишь те понятия, которые представляют особую актуальность для носителей данного профессионального языка, причем выбор объекта номинации и его интерпретация демонстрируют особенности их мировоззрения, специфику ценностных установок» [там же, с. 28].

Проведенное нами исследование позволяет добавить к названным выше еще две функции: *интерактивную* и *социокультурную*.

¹ Согласно номенклатуре Международного союза теоретической и прикладной химии (International Union of Pure and Applied Chemistry) для обозначения нуклеотидных оснований принято использовать сокращение на латинском или русском языке по начальной букве их наименования, например: аденин (А) – adenine (A), гуанин (Г) – guanine (G), цитозин (Ц) – cytosine (C), тимин (Т) – thymine (T), урацил (У) – uracil (U), отсюда буквенные коды А, G, C, T или U, используемые для обозначения пуриновых и пиримидиновых оснований, на профессиональном жаргоне называются просто буквой.

Во-первых, функция интерактивности профессиональных жаргонизмов проявляется в том, что эти единицы используются в основном в устном общении специалистов, и в них отражается отношение субъекта к объекту. Субъект, т. е. специалист-химик, дает эмоциональную оценку, выражает свое отношение к предмету, с которым он сближается в профессиональной деятельности. Так, многократное использование одного и того же вещества или прибора приводит к тому, что исследователь придумывает для него ласкательное название. Например, жаргонное наименование *Папаша Эрленмейер* было дано конической колбе, названной в честь ее создателя Эмиля Эрленмейера в 1861 г. и используемой в каждой химической лаборатории. Профессионализм *Сокслет* возник в результате частого употребления в речи названия аппарата Сокслета (Soxhlet), предназначенного для непрерывной экстракции нелетучих веществ из твердых материалов.

Во-вторых, профессиональные жаргонизмы являются культурно и социально маркированными единицами, так как они тесно связаны с культурой определенного социума и, шире, с национальной культурой. Анализ языкового материала показывает, что многие единицы профессионального жаргона представляют собой лингвокультуремы, в которых объединяется и языковая форма, и ее содержание, связанное с культурой народа. Чаще всего это наблюдается в названиях, которые дают специалисты химическим веществам. Например: *veronal* (*веронал*) – снотворное, полученное фармакологом Мерингом и названное им в честь города Верона, где происходило действие одной из трагедий Шекспира (в этом городе Ромео и Джульетта «уснули вечным сном»); *draculine* (*дракулин*) – обезболивающий и разжижающий кровь препарат, выделенный из слюны летучей мыши-вампира и названный по имени литературного персонажа графа Дракулы. Химики из американского города Сиракузы синтезировали *bohémamine* (*богемамин*) и дали ему название оперы Дж. Пуччини «Богема», а затем его производные – ряд новых антибиотиков, назвав их именами персонажей оперы: *рудольфомицин* (Рудольф, поэт), *марселломицин* (Марсель, живописец), *мимимицин* (Мими) и *мюзеттамицин* (Мюзетта).

На этих примерах прослеживается также и такое свойство профессионального жаргона, как его динамичность, подвижность и в том числе способность к функциональной переориентации. Так, жаргонные

наименования нередко переходят в собственно терминологическую сферу: зародившийся в разговорном языке специалистов профессионализм с течением времени может перейти в тривиальную номенклатуру химических соединений в связи с частотным употреблением этого наименования в среде специалистов. Например: *отгонка* – удаление растворителя методом перегонки; *кипелки* – кусочки или укороченные полые трубочки из пористого фаянса или фарфора, используемые для равномерного кипения реакционной смеси.

Зарегистрированы случаи, когда химический термин, произошедший из профессионального жаргона, используется наравне с основным, введенным в науку ранее, например: *перегонка* – дистилляция; *хромтик* – бихромат калия ($K_2Cr_2O_7$); *вискоза* – раствор, содержащий ксантогенат целлюлозы, щелочь и воду, применяемый для получения вискозного волокна или целлофана.

Отдельные единицы профессионального жаргона включены в словари и справочники лабораторного оборудования и используются как термины, например: *a three-necked flask – a flask with three stillheads – трехгорлая колба*; *a two-necked flask – a flask with two stillheads – двухгорлая колба* [4].

Профессиональный жаргон может стать объектом заимствования из одного языка в другой, например из английского в русский. Так, вид наночастиц *Janus particles*, названный в честь двуликого римского бога Януса в связи с тем, что гидрофильные и гидрофобные группы, образующие поверхность этих частиц, проявляют два противоположных свойства, в русском языке соответствует ряду кореферентных единиц: *Янус-частицы, двуликие частицы, частицы Януса, Янус-подобные наночастицы*. Появившись сравнительно недавно в английском профессиональном жаргоне, данное наименование пополнило тривиальную номенклатуру и в то же время было калькировано в русскую терминосистему в виде различных структурных вариантов.

Следует отметить, что англоязычные морфемы входят как словообразовательный элемент в профессиональный язык химиков России. Например, лат. морфема *nano* – префикс, используемый в Международной системе единиц (СИ) для обозначения величин порядка 10⁻⁹. Наблюдается практически полное соответствие в английской и русской семиотической системе жаргонных наименований, перешедших

в тривиальную номенклатуру химических соединений: *nano-onion* – нанолуковица, *nanotube* – нанотрубка, *nanohorn* – нанорог, *nanotori* – нанотор, *nanobud* – нанопочка.

Лексика, переходящая из профессионального жаргона в область терминологии, может также претерпевать изменения: образуются новые словосочетания, реже – слова, например: *coined nano-onions* – синтезированные нанолуковицы, *cup-stacked nano-onions* – множество наносфер, вложенных одна в другую наподобие многослойных луковиц, *fullerene cage* – клетка фуллерена, *carbon cages* – наноклетки из атомов углерода.

Следует, однако, отметить, что номенклатура ИЮПАК, представляющая собой международную систему наименований химических соединений, которой пользуются химики всех стран, является закрытой для жаргонизмов.

Вместе с тем динамика профессионального языка обнаруживает и другую тенденцию, особенно в последнее время. Несмотря на упоминавшуюся выше объединительную функцию жаргона, которая приводит к относительному социокультурному обособлению того или иного научного сообщества, наблюдается всё более частое использование профессионализмов и даже терминов за пределами языка для специальных целей.

Взаимопроникновение профессиональной / терминологической лексики и общелитературного языка не раз отмечалось исследователями [8]. Для этого существуют различные причины. С одной стороны, общедоступность высшего образования, интенсивное развитие науки и повышенный интерес к ней в современном обществе, расширение междисциплинарных исследований привели к тому, что «использование терминологии все менее ограничивается чисто научным дискурсом» [8, с. 20]. Действительно, в обыденной жизни используются различные химические термины, входящие в состав тривиальной номенклатуры, например, сода (бикарбонат натрия); уксус (3–15 % водный раствор пищевой уксусной кислоты); марганцовка (перманганат калия); углекислый газ (диоксид углерода); мел (карбонат кальция) и др. С недавнего времени люди стали свободно рассуждать о ДНК, кислотном-щелочном балансе, лактозе и лактобактериях.

С другой стороны, меняются требования к языку науки. Так, наблюдается тенденция использования общеупотребительной лексики вместо профессионального термина в целях упрощения общения в среде специалистов. Частое употребление слов с заниженным

значением приводит к возникновению профессиональных жаргонизмов. Например, варить, а не синтезировать; гнать, а не проводить дистилляцию; *кухня* – лаборатория органического синтеза; *разгонка* – ректификация; *козел* – сгусток, образовавшихся из пастообразной смеси в результате нарушения технологического процесса. Примеры в английском языке: *heat of fusion* – изменение энтальпии при плавлении твердого вещества; *triple point* – тройная точка (температура при которой сосуществуют несколько фаз); *critical point* – критическая точка (температура, при которой две фазы находятся в равновесии); *hybridization* – гибридизация, *buffer* – буфер (буферный раствор).

Профессиональный язык всё чаще обогащается единицами с фигуральным значением и высокой степенью экспрессивности – с целью «повысить эффективность профессиональной коммуникации, что подразумевает ясность изложения и убедительное выражение мыслей доступными способами, которые включают образность, идиоматичность и аналогию» [8, с. 20]. Так, уже упоминавшийся выше перенос единиц из бытового языка в профессиональный с целью экспрессии, выражения своих эмоций (иронии, пренебрежения и пр.), породил такие английские профессионализмы, как *pimple* – пузырек или бугорок на лакокрасочном покрытии; *half life* – период полураспада; *pickup* – захват, приемное устройство; *intermediate* – промежуточное вещество; *excited state* – возбужденное состояние; *cubic* – кубическая сингония; *ground state* – основное состояние. В России в быту люди используют градусник для измерения температуры тела, а в лаборатории химикам необходим термометр с более широкой градуированной шкалой для профессиональных целей. Употребление же слова «градусник» в профессиональной среде обычно передает дополнительное, уменьшительно-ласкательное значение, сопровождающееся положительными эмоциями.

Анализ профессионального жаргона химиков в обоих языках выявил регулярное использование тропов при формировании профессионального / терминологического значения.

1. **Метафоры.** В английском языке *plastic foam* – пенопласт; *fume cupboard* – тяга; *arc-evaporation apparatus* – установка вакуумно-дугового напыления; *zoo of fullerenes* – многообразие фуллеренов (букв. 'зоопарк фуллеренов'); *island of instability* – островок неустойчивости. Сюда же относятся ранее упоминавшиеся наименования *nano-onion* – нанолуковица; *nanotube* – нанотрубка; *nanohorn*

–нанорог. Примеры русской язычных метафор: *бомба гидротермальная* – реактор для проведения гидротермального синтеза, по внешнему виду напоминающий бомбу; *ботва* – побочный продукт (по аналогии с ботвой – листьями корнеплодов и клубневых, остающихся в виде второстепенного сырья при получения корней или клубней). Наблюдаются случаи и стертый метафоры: *aqua regia* – *царская водка*, названная так, потому что золото, являясь царем металлов, растворяется в смеси азотной и соляной кислоты, из которых и состоит царская водка. Как было установлено, в языке специалистов-химиков метафорической основой термина является сходство по физическим (вкус, цвет, запах, внешняя форма, размер и др.) и химическим (реакционноспособность, способность вступать в реакцию с тем или другим веществом и др.) свойствам, а также по используемому методу синтеза и др.

2. **Метонимия.** В английском языке используются буквенные коды А, G, С, Т, U для обозначения соответствующих пуриновых и пиримидиновых оснований, отсюда наименование *letter* – *буква* [6]. Примерами метонимического переноса также являются:

– мокрая химия: 1) *метаф.* групповое обозначение методов получения порошков и других материалов, отличительной чертой которых является использование растворов); 2) *метон.* использование растворов в синтезе веществ;

– свидетель: 1) *метаф.* вещество-стандарт, например в хроматографии; 2) *метон.* колба с раствором, которую используют для сравнения окраски при титровании.

Следует отметить и явление аналогии в профессиональном жаргоне химиков. Так, *мягкая химия* – устоявшееся обозначение совокупности химических методов получения твердофазных материалов при минимальном использовании высоких температур и давления, т. е. в мягких условиях – по контрасту с жесткими методами, в которых применяются высокие температуры, давление, например деструктивная очистка сточных вод.

Ироничное наименование *презренные металлы* появилось, как ни странно, для обозначения драгоценных металлов (ср. англ. *precious metals*). Причем здесь контрастная аналогия базируется на сложной сети ассоциаций как с русскими выражениями (термин *драгоценные металлы*, ФЕ *презренный металл*, т. е. деньги), так и с соответствующими английскими единицами (термин *precious metals*, ФЕ *filthy*

lucre, т. е. деньги). Игра этими смыслами и создает в данной номинации юмористический эффект и, кстати, хорошо иллюстрирует мировоззренческую функцию профессионализмов.

Некоторые единицы профессионального жаргона возникли по аллюзии, например, на имена ученых (*Janus particles*; *bullvalene* – *бульвален*, вещество, названное в честь Уильяма Бул Деринга, который предсказал его свойства; *Lewis acid* – *кислота Льюиса*; *Lewis base* – *основание Льюиса*), имена богов (*morphine* – *морфин*, от имени греческого бога сновидений Морфея), названия планет (*crystals of Saturn* – *хлорид цинка*, по ассоциации с планетой Сатурн), названия растений (*Angelic acid* – *ангеликовая кислота*, от лат. *Angelica archangelica* – *дудник дягиловый*; *miraculin* – *миракулин*, от *Miracle fruit*), а также географические названия (*borneol* – *борнеол*, от названия острова Борнео) и др.

Стоит также отметить химические жаргонизмы, которые возникли на основе сравнения благодаря схожести структуры вещества с каким-либо предметом, например матрешкой (*Russian-doll*) – русской национальной игрушкой: '*Russian-doll*' *fullerenes*, *Russian-doll-like configurations*, *Russian-doll-like arrangements*, *Russian-doll type of multiwall carbon nanotubes*.

Наиболее интересные наблюдения, сделанные в ходе исследования, касаются структуры единиц профессионального жаргона. Примечательно, что отмеченное выше определенное сходство семантических характеристик английских и русских химических профессионализмов «накладывается» на очевидное подобие их построения, несмотря на отличие строя английского и русского языков. Так, проанализированные единицы обнаружили схожие способы образования, в том числе деривационные модели. Ниже приводятся примеры аффиксации в обоих языках:

а) префиксация: *dipole* – *диполь*; *подкисление* – доведение кислотности среды до кислого значения РН (от 6 и ниже); *подщелачивание* – доведение водородного показателя до щелочного значения РН (от 7 и выше);

б) суффиксация: *heater* – *нагреватель*; *holder* – *держатель*, *имитив*; *humidifier* – *увлажнитель*; *аналитик* – специалист в области аналитической химии; *полимерщик* – специалист по химии высокомолекулярных соединений; *неорганик* – специалист по неорганической химии; *органик* – специалист по органической химии; *фосфатчик* –

специалист в области неорганических фосфатов; *углеводчик* – специалист в области химии углеводов.

И в английском, и в русском профессиональном жаргоне химиков широко распространено словосложение (*pickup – захват; still-pot – реактор*, куб перегонного аппарата; *хладагент* – охлаждающее средство; *Шайтан-синтез* – синтез, сопровождающийся бурной реакцией с выделением газа, пара, дыма и т. д.). Заслуживает внимания и тот факт, что различные виды сокращения, например аббревиатуры, акронимы, стяжения-бленды, характерные для английского языка (BARF – БАРФ, от звуковой формы иона $[\text{BArF}_4]^-$; PEPPSI – от *Pyridine-Enhanced Precatalyst Preparation Stabilization and Initiation*; TNT – 2,4,6-trinitrotoluene, от термина тринитротолуол), отмечены и в русском профессиональном жаргоне: *СКОТ* – солянокислый орто-толуидин, $\text{C}_6\text{H}_4\text{CH}_3\text{NH}_2$; *КачАн* – качественный анализ; *КМОЧ* – перманганат калия (от звуковой формы символов химической формулы KMnO_4); *НОКСы* – оксиды азота (NO_x).

В сниженном регистре русского жаргона химиков весьма популярны сокращенные наименования, образованные, например, от тривиального названия вещества, и обычно сопровождающиеся суффиксацией: барбитуровая кислота – *барбитурка*; соляная кислота – *солянка*; хромовая смесь (раствор бихромата калия в концентрированной серной или азотной кислоте) – *хромовка*; гетероциклические соединения – *гетероциклы*. Сюда же можно отнести сокращенные названия приборов: *ротор* – роторный испаритель; *огнеупор* – огнеупорный материал; *водоструйка* – водоструйный насос. Интересны русскоязычные сокращения, навеянные их английскими соответствиями: *микс* – смесь (от англ. *mixture*); *лаба* – лаборатория (ср. англ. *lab*); *суслик* – циклическое органическое соединение (от англ. *cycle – цикл*). Эти словообразовательные модели, как и упомянутые выше виды вторичной номинации, весьма экономичны и вполне согласуются с универсальным законом языковой экономии.

С другой стороны, в профессиональном жаргоне обоих языков не менее распространены словосочетания, представляющие аналитические описания типа прилагательное + существительное: *мягкая химия*; *мокрый катализ*; *boiling stones*; *quick lime* и т. д. Подобные наименования отражают когнитивное усложнение мира и, в частности, дробление исходного понятия [9]. При этом современные наименования этого типа, как отмечают исследователи, отличаются

осложненностью, компрессивностью их семантики, т. е. «более сложной глубинной семантической структурой» [1, с. 98]. Так, значение словосочетаний, возникших в результате образного переосмысления, *boiling stones* (кипелки); *heating pot* (нагревательная ванна); *football-shaped fullerenes* (фуллерены, имеющие форму футбольного мяча); *green house gas* (парниковый газ) и т. п. – не выводится из буквального прочтения их компонентов. Характерная для них идиоматичность делает подобные профессионализмы функционально гибкими и обуславливает их способность к переориентации. Например, выражения *green house effect* – парниковый эффект; *boiling point* – точка кипения; *triple bond* – тройная связь; *presumptuous metal* являются типичными идио-фразеоматизмами (А. В. Кунин) или терминологизмами (Е. А. Никулина), одно из значений которых относится к терминологической или профессиональной сфере, другое является идиоматическим.

В заключение следует также отметить идентичность распределения единиц профессионального жаргона химиков в обоих анализируемых языках по тематическим группам (они, кстати, в целом соответствуют типологии, предложенной в работе А. А. Елистратова) [5]. В качестве иллюстрации приведем несколько примеров:

- 1) обозначение понятия: *triple bond* – тройная связь;
- 2) обозначение химического вещества: *laughing gas* – веселящий газ (N_2O);
- 3) обозначение прибора, аппарата: *cell* – ячейка; *still-pot* – куб перегонного аппарата; *bomb calorimeter* – реактор для определения теплоты сгорания вещества или смеси веществ;
- 4) обозначение синтеза, процесса, реакции: *metathesis reaction* – реакция метатезиса; *wet catalysis* – приготовление серной кислоты из сероводорода.

Список тематических групп профессионального жаргона химиков может быть расширен. Количество лексических единиц в каждой тематической группе разное и может достигать двух десятков.

Итак, подводя итоги проведенного анализа, можно прийти к заключению, что профессиональный жаргон химиков в английском и русском языках обнаруживает определенное подобие как в семантическом, так и структурном плане. Это позволяет говорить о профессиональном языке не только как об особом социолекте, но и как о своеобразном языковом коде, который создается специалистами-

носителями разных языков по схожим моделям. Данный пласт профессиональной лексики отражает фрагменты научной (химической) и одновременно наивной картин мира – посредством простых, общедоступных образов, понятных представителям разных культур. Все это, несомненно, облегчает межкультурный диалог в профессиональной сфере. Вместе с тем знание особенностей профессионального жаргона может иметь и лингводидактический смысл. В частности, возможность проводить параллели между родным и иностранным профессиональным жаргоном может значительно облегчить процесс обучения и ускорить процесс адаптации студентов к иноязычной профессиональной среде и культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бондарчук Г. Г.* Семиотический аспект декодирования английских синтаксических сложных слов // Лексическая система как результат и инструмент познания. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2006. – С. 98–102. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 512. Сер. Лингвистика).
2. *Борхвальдт О. В.* Лексика золотопромышленности в аспекте исторического терминоведения: дис. ... д-ра филол. наук. – Красноярск, 2000. – 513 с.
3. *Витер Н. Т.* Краткий химико-русский словарь или жаргон химиков. – URL: http://chemistry-chemists.com/N6_2009/79-85.pdf
4. *Даминава С. О., Леенсон И. А.* Англо-русский словарь химического лабораторного оборудования: учеб. пособие. – 2-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2015. – 208 с.
5. *Елистратов А. А.* Тематическая группа жаргонных наименований, относящихся к спортивной фармакологии (на материале английского и русского языков): происхождение, словообразование, семантика. – Челябинск: ЧГУ, 2009. – С. 46–51. – (Вестн. Челябинск. гос. ун-та; вып. 41. № 7 (188). Филология. Искусствоведение.)
6. *Михайлов О. В.* Систематика и номенклатура химических веществ : учеб. пособие. – М. : КДУ, 2008. – 308 с.
7. *Прибытова Л. В.* Профессиональный язык шахтеров Кемеровской области: Терминология и жаргон: дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2005. – 221 с.
8. *Рыжкина Е. В.* Некоторые особенности терминологической и фразеологической номинации в аспекте неологии (на материале современного английского языка) // Лексикология и фразеология: актуальные проблемы и решения. – Ч. 2. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 19–29. (Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та; вып. 19 (625). Сер. Языкознание).

9. Рыжкина Е. В. Проблема *stone wall* в неологическом описании // Когнитивное моделирование семантики разноструктурных единиц языка. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 71–82. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 21 (627). Сер. Языкознание).

УДК 811.111

Г. В. Климова

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка МГЛУ; e-mail: gvklm@list.ru

ТРУДНОСТИ УСВОЕНИЯ ИДИОМАТИКИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В статье рассматривается актуальный вопрос методики преподавания иностранного языка, связанный с необходимостью уделять особое внимание идиоматике изучаемого языка, владение которой является не только показателем высокой степени культуры владения языком, но и залогом успешного межкультурного общения.

Ключевые слова: идиоматичность; социокультурный; мировидение; эффективная межкультурная коммуникация.

Klimova G. V.

Associate Professor, Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of English Lexicology, The Faculty of English; e-mail: gvklm@list.ru

DIFFICULTIES IN MASTERING IDIOMS IN FOREIGN LANGUAGE INSTRUCTION

The article deals with a topical question in the theory of foreign language teaching connected mostly with the necessity of acquiring the socio-cultural aspect of the language by means of idioms which, being a reflection of the social and cultural life of a particular nation, serve the purpose of effective cross-cultural communication.

Key words: idiomaticity; socio-cultural; world view; effective cross-cultural communication.

В статье речь пойдет о проблемах усвоения иноязычной идиоматики, причинах их возникновения и возможных способах их разрешения. На современном этапе в методике обучения иностранному языку уделяется большое внимание идиоматичности речи. Это особенно важно на продвинутых этапах обучения, поскольку владение идиоматичной иноязычной речью является необходимым условием осуществления успешного процесса межкультурного общения и представляет собой неотъемлемый компонент, лежащий в основе профессиональной деятельности преподавателя иностранного языка, переводчика, журналиста, специалиста по связям с общественностью.

В лингвистической среде существует несколько подходов к трактовке идиоматики (впрочем, как и любого иного понятия). В «Словаре лингвистических терминов» (под редакцией О. С. Ахмановой) дается два определения идиоматики: во-первых, это «совокупность идиом данного языка», во-вторых, «раздел языкознания, изучающий идиоматизмы языка» [2, с. 162]. Понятие «идиоматика» может рассматриваться достаточно широко, как совокупность устойчивых словосочетаний (Н. Н. Амосова, В. В. Виноградов) или же как наука, изучающая сочетание слов (И. Е. Аничков, О. С. Ахманова).

Относительно термина «идиома» также не существует единого мнения. Например, в западной лингвистической традиции любое устойчивое словосочетание рассматривается как идиома. В отечественной трактовке идиомами считаются *фразеологические сращения*, представляющие собой немотивированные и непроизводные сочетания слов, в значении которых нет никакой связи со значениями компонентов; также к идиомам относят и *фразеологические единства*, которые отличаются от сращений потенциальной выводимостью полного значения выражения и семантической сложностью структуры (Н. Н. Амосова) [1]. В наиболее общей трактовке современная лингвистика рассматривает идиому как устойчивое словосочетание, у которого полностью или частично переосмыслено значение, т. е. которое не соответствует сумме буквальных значений его компонентов.

При освоении идиоматики изучаемого языка возникает достаточно много трудностей. Они обусловлены в основном факторами социально-культурного генезиса. Прежде всего, следует отметить, что обучающегося нужно рассматривать как языковую личность, которая является ключевым звеном в триаде *культура – язык – коммуникация*. Речь языковой личности в различных культурах характеризуется такими качествами, как образность и выразительность, достижение которых возможно за счет употребления в речи специальных выражений (идиоматических выражений, фразеологических единиц, поговорок и пословиц), которые, в свою очередь, не только являются показателем высокой культуры владения языком, но и придают высказыванию определенные оттенки, усиливая речевое воздействие на получателя информации. При этом необходимо четко осознавать, что носители разных языков и культур в своих высказываниях по-разному отражают окружающую действительность, свои мысли, эмоции, чувства, используя эти специальные выражения, которые придают речи

на данном языке не только образность и выразительность, но и ее культурно-специфический характер.

Культура, картина мира и межкультурное общение являются взаимообусловленными понятиями: с одной стороны, культуру принято рассматривать как постоянно развивающееся представление о мире; с другой – картины мира (соответственно и языковые картины мира) различных народов впитывают как общечеловеческую культуру, так и особенности своей культуры, что влияет на взаимодействие и взаимопонимание представителей разных народов. Аналогично, с одной стороны, категории мышления и механизмы познания носят общечеловеческий характер, с другой – в каждом языке отражается специфика мировидения носителей этого языка. Таким образом, в каждом языке представлена своя языковая картина мира, отличающаяся от других. Специфика языковой картины мира предопределяет набор специфических средств, употребляемых в стереотипных для этого видения ситуациях, что обуславливается правилами лексической и синтаксической сочетаемости данного языка, его специфическим узусом.

В связи с этим можно сделать вывод, что идиоматичность характерна для любого конкретного языка и представляет собой культурно-специфический феномен, а факт различного мировидения представителями различных народов (имеющими культурно-исторические основания) не может не сказываться на особенностях межкультурного общения и, безусловно, влияет на эффективность овладения иностранным языком.

Как отмечалось выше, язык, коммуникация и культура представляют собой взаимообусловленные понятия. Коммуникацию вне культурного контекста сложно представить, и поскольку коммуникация между представителями разных языков всегда является межкультурной, то процесс непосредственного взаимодействия культур, или межкультурная коммуникация, неизбежно «осуществляется в рамках несовпадающих национальных стереотипов мышления и поведения, что существенно влияет на взаимопонимание сторон в коммуникации» [3, с. 97]. Таким образом, эффективность коммуникации зависит от того, насколько соотносены / адекватны образы мира, построенные в сознании коммуникантов, и способы их вербального описания [4]. Другими словами, основные трудности на пути эффективной межкультурной коммуникации возникают из-за национально-специфических

особенностей взаимодействующих культур, а несовпадение мировидения, или концептуальных систем, коммуникантов порождает языковые аномалии, которые представляют собой употребление языка, нетипичное для его носителей, т. е. неидиоматичную речь.

Для достижения смыслового контакта и взаимопонимания в рамках межкультурного общения необходимо, чтобы уже на ранних этапах обучения межкультурной коммуникации ее потенциальный участник изучал реалии и особенности жизни иносоциокультурной общности. Обучение общению в рамках межкультурной коммуникации предполагает не только формирование умения адекватно кодировать и декодировать информацию на иностранном языке, но и овладение средствами социокультурной коммуникации, «конвенциональной ориентации» концептуальных систем. Без учета этого факта невозможно усвоение культурных ценностей страны изучаемого языка, успешное овладение иноязычной речью и речевым поведением. Межкультурное общение, диалог культур начинается в сознании человека, который осваивает чужую культуру, сопоставляя ее со своей. Поэтому, размышляя о межкультурном общении, мы говорим о задаче формирования при обучении иностранному языку вторичной языковой личности: «Система языковых средств выражения инокультурного социума ... должна закладываться в интеллектуальный потенциал русскоязычной языковой личности (как «вторичный» вербально-семантический пласт)» [5, с. 60]. Поскольку идиоматичные выражения могут рассматриваться как определенные национально-специфические и культурно обусловленные единицы в сознании языковой личности, несущие в себе отпечаток иносоциокультурной картины мира, обучение им способствует формированию вторичной языковой личности, без чего невозможна успешная межкультурная коммуникация.

Подводя итог, отметим, что обучение идиоматике иностранного языка можно считать одной из актуальных проблем методики преподавания иностранных языков в рамках обучения межкультурной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Амосова Н.Н.* Основы английской фразеологии. – 2-е изд., доп. – М.: Либроком, 2010. – 216 с.

2. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 598 с.
3. *Стернин И. А.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: РАН, Ин-т Языкознания, 1996. – С. 97–112.
4. *Тарасов Е. Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: РАН, Ин-т Языкознания, 1996. – С. 7–22.
5. *Халеева И. И.* Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. – М.: Высшая школа, 1989. – 237 с.

УДК 81-44

Г. А. Соколова

кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры фонетики немецкого языка факультета немецкого языка МГЛУ; e-mail: ga.sokolova@mail.ru

РОЛЬ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ЗВУКОПИСИ В НЕМЕЦКИХ СКАЗКАХ

Статья посвящена рассмотрению звуков при интерпретации литературных произведений; анализируются особенности восприятия немецких гласных звуков, которые являются важной субстанцией в фонетической системе немецкого языка. Во многих немецких сказках с помощью звуков достигаются различные эффекты, например передается душевное состояние персонажей сказок, выражаются особенности речевой характеристики сказочных героев.

Ключевые слова: звук; гласный звук; система гласных звуков; фонетическая система; сказка.

Sokolova G. A.

Ph. D. (Philology), Senior Lecturer, Department of German Phonetics, the Faculty of German, MSLU; e-mail: ga.sokolova@mail.ru

THE ROLE OF PHONETIC SOUND SELECTION IN GERMAN FAIRY-TALES

The article deals with sound selection in literary works. It analyses peculiarities of perceiving German vowels that are the most important substance in the phonetic system of the German language. The sounds help produce different effects in German fairy-tales, e.g. they can reflect emotional state of characters, show some peculiarities of their speech expressions.

Key words: a sound; a vowel; the system of vowels; the phonetic system; a fairy-tale.

Роль фонетической звукописи в немецких сказках

Как известно, для отдельных букв и буквосочетаний характерно различное произношение в зависимости от языка [7, с. 111]. Например, буквосочетание *ch* передает различные звуки: во французском языке звук [ʃ] в слове *chose*, в итальянском языке звук [tʃ] в слове *chao*, в английском языке также звук [tʃ] в слове *chose*. В рамках конкретного языка указанное буквосочетание может произноситься по-разному. Так, буквосочетание *ch* в немецком языке реализуется в словах германского происхождения как звук [ç] в слове *Märchen* или как звук [x] в слове *Buch*.

На сегодняшний день существует большое количество определений понятия «звук». Целесообразно остановиться на наиболее распространенном толковании данного термина: «Звук – это волна, образующаяся посредством человеческого голоса. Каждый звук – это идентифицированная различимая единица в потоке звуков» [2, с. 1].

При рассмотрении простой модели коммуникативного процесса раскрывается вся сущность звуков: производство звуковой волны говорящим, ее распространение в воздушной среде и восприятие слушающим. Все три аспекта представляют отдельные области фонетики: артикуляционная, акустическая, аудитивная [6, с. 54]. При исследовании восприятия звуков наибольший интерес представляет последняя из указанных областей фонетического знания.

Бесспорно, многие лингвистические явления связаны с физическими закономерностями, функционированием нервной системы человека и его другими физиологическими и анатомическими особенностями. Некоторые процессы, рассматриваемые аудитивной фонетикой, остаются не до конца исследованы, например то, как слушающий воспринимает акустический сигнал как конкретный звук или, то, как воспринимаемые аудиоэлементы интерпретируются в звуки языка.

В статье не ставится цель найти возможные ответы на спорные вопросы, а предпринимается попытка проанализировать особенности восприятия отдельных звуков носителями языка.

По мнению немецких лингвистов, гласные звуки являются важной субстанцией в системе языка. Гласные немецкого языка по звучанию условно можно разделить на две группы: светлые гласные и темные гласные [5, с. 16]. К первой группе относятся звуки: [i:], [ɪ], [e:], [ɛ:], [ɐ], ко второй – звуки [o:], [ɔ], [ø:], [œ], [y:], [y], [u:], [ʊ]. Нейтральную позицию при этом занимают звуки [ɑ:], [a]. Примечательно, что во многих музыкальных школах обучение вокалу начинается именно с нейтральных звуков [ɑ:], [a], и одними из первых звуков, которыми легко и естественно овладевает ребенок, также являются звуки [ɑ:], [a].

Среди основных характеристик звуков [ɑ:], [a], воспринимаемых субъективно, можно выделить бесцветный оттенок при образовании ассоциаций, [ɑ:] – это самый длинный звук, который можно естественно произнести, «протянуть». Непринужденное образование звука, меньшая степень напряженности артикуляционных органов, спокойное дыхание позволяют назвать этот звук нейтральным.

В зачине многих детских сказок можно обнаружить скопление звуков [ɑ:], [a]:

Es war einmal eine alte Geiß [3, с. 12];

Es war ein armer Bauersmann [там же, с. 72].

Es war ein Mann, der hatte drei Söhne [там же, с. 92].

При передаче последовательности действий сказочных персонажей глагольные формы могут быть подобраны таким образом, что при описании одной сцены выстраивается цепочка из звуков [ɑ:], [a], например в сказке «Золушка»:

Und als sie in die Küche kamen, lag Aschenputtel da in der Asche [там же, с. 133];

Am dritten Tag, als die Eltern und Schwestern fort waren, ging Aschenputtel wieder zu seiner Mutter Grab und sprach zu dem Bäumchen [там же, с. 133];

Nun warf ihm der Vogel ein Kleid herab, das war so prächtig und glänzend, wie es noch keins gehabt hatte [там же, с. 133].

Преобладание звуков [ɑ:], [a] в речи автора наблюдается при последовательном изложении событий в другой сказке Братьев Гримм «Соломинка, уголек и боб»:

Da fing der Strohalm an und sprach [там же 3, с. 24];

Die Kohle antwortete [там же, с. 24];

Die Bohne sagte [там же, с. 24];

Sie machten sich miteinander auf den Weg [там же, с. 24].

Похожее явление находим в сказке В. Гауфа «Карлик Нос»:

„So, Söhnchen, so“, sprach sie [4, с. 94].

Der Kleine verstand nicht recht, was sie sprach [там же, с. 94].

Sonderbare Träume kamen über ihn [там же, с. 94].

Многие формулы времени, встречающиеся в немецких детских сказках, подобраны таким образом, что позволяют услышать звуки [ɑ:], [a] при передаче темпоральных характеристик:

Bald danach klopfte der Wolf an [3, с. 53].

Als Mitternacht vorbei war und die Räuber von weitem sahen, dass kein Licht mehr im Hause brannte [3, с. 57].

Nicht lange Zeit, nachdem diese jungen Leute mit dem alten Mann über den Scheik Ali Banu gesprochen hatten ... [4, с. 82].

So waren etwa sieben Jahre im Dienste des alten Weibes vergangen, da befahl sie ihm eines Tages ... [там же, с. 95].

Am anderen Tag ging Aschenputtel zu dem Haselbaum [3, с. 132].

Als es nun Abend war [там же, с. 133].

Сказочный мир представляет собой сложную сеть символов, помогающих найти правильный ключ к интерпретации событий в сказке. Среди лингвистических средств, отобранных авторами для построения сказочного пространства, большую роль играют имена существительные с локальным значением. Это может быть лес, вода, в том числе ручей, суша и др. Данные координаты наиболее часто встречаются во многих сказках разных народов мира, в том числе и в детских немецких сказках, где указанные пространственные координаты содержат в своем звуковом составе звуки [ɑ:], [a]:

Sie [Hänsel und Gretel] kamen aus dem Wald nicht heraus und waren so hungrig [там же, с. 16].

Die Kohle rutschte nach, zischte, wie sie ins Wasser kam, und gab den Geist auf [там же, с. 25].

Bald aber kamen sie [Strohalm, Kohle und Bohne] an einen kleinen Bach [там же, с. 32].

Da fuhr ein Wind über das Land [там же, с. 32].

По мнению лингвистов, в сказках лес – отображение мира, куда герой отправляется в поисках тайн и их раскрытия. Лес полон опасностей, но тот, кто «хочет идти своим путем», познает в нем и жизненные радости [1, с. 213]. В детских немецких сказках и лес, и вода, и другие топонимы символизируют пространство, в котором сказочные персонажи либо испытывают трудности, либо их охватывает огромный страх, либо они погибают.

Говоря о звуках [e:], [ɛ:], [ɛ], следует упомянуть, что иногда они рассматриваются как модификации звуков [ɑ:], [a] и звуков [i:], [ɪ], однако также воспринимаются многими носителями языка как светлые звуки [5, с. 22]. Иногда данные звуки могут звучать достаточно пронзительно, особенно в восклицательных репликах на примере глагольных форм:

„Das wäre!“ antwortete das Schneiderlein [3, с. 37].

„Das wäre was für uns!“ sprach der Hahn [3, с. 57].

При передаче динамики действия краткий звук [ɛ] создает особый резкий и импульсивный характер происходящего:

Sie sprangen schnell die Treppe hinauf [4, с. 92].

Звуки [ɛ], [ɛ:] помогают передать бушующий характер природных стихий:

Die Berge bebten, und die Felsbrocken rollten in die See [3, с. 34].

Звук [ē] позволяет читателю почувствовать прерывистый тон повествовании при смене сюжетной линии:

Jetzt war sein Schicksal entschieden, jetzt musste er [der kleine Muck] entfliehen [4, с. 38].

В сказочных срединных присказках данные звуки звучат менее пронзительно и воспринимаются как «светлые» легкие звуки:

Zicklein, meck,
Tischlein, deck [3, с. 94].
Zicklein, meck,
Tischlein, weg [там же, с. 95].

Как видно из приведенных примеров, звуки [ɛ:], [ɛ:], [ɛ] придают немецкому языку неповторимый колорит. При этом в данном звуковом ряду звук [ɛ:] звучит особенно мягко, передавая красоту и величество объекта или лаская слух завораживающим пейзажем:

Sie [die Säule El-Serujah] stand auf einer kleinen Anhöhe in einer weiten Ebene und konnte auf zwei bis drei Stunden gesehen werden [4, с. 58–59].

В распространенных художественных формулах часто встречается звук [ɛ:]

Auf seinem Weg, das Glück zu suchen [4, с. 38].
Die auf der Erde standen [3, с. 19].

К самым «светлым» гласным звукам в немецкой фонетике относятся звуки [i:], [ɪ], которые за счет напряженной артикуляции легко и непринужденно соединяются с согласными звуками [5, с. 26].

Звуки [i:], [ɪ] часто реализуются в детской речи сказочных персонажей. В немецком языке слово *Kind* (ребенок) также включает в свой состав звук [ɪ]. В детских устах произношение звуков [i:], [ɪ] вызывает особое умиление:

Die Kinder [Hänsel und Gretel] antworten:

„Der Wind, der Wind,
das himmlische Kind“ [3, с. 20].

В конечных сказочных формулах также могут быть подобраны слова, содержащие в своем составе звуки [i:], [ɪ]. Это наглядно иллюстрирует конец «Сказки о рыбаке и его жене»:

Und da sitzen sie noch bis heute und auf diesen Tag [там же, с. 35].

Однако несмотря на светлый тон и мягкость звучания, гласные звуки [i:], [ɪ] могут передавать угнетение природных явлений:

Der Himmel war in der Mitte noch so ein bisschen blau, aber an den Seiten ... wie ein schweres Gewitter [там же, с. 33].

Der Himmel war pechschwarz, und es donnerte und blitzte [там же, с. 35].

С одной стороны, звуки [i:], [ɪ] передают позитивные ассоциации сказочных персонажей. Это видно на примере сказочной лексики: быть довольным, стремиться к свету:

Also machten sie [die Bremer Stadtmusikanten] sich auf den Weg nach der Gegend, wo das Licht war [там же, с. 56].

С другой стороны, звуки [i:], [ɪ] могут передавать отрицательный оттенок происходящего, или негативное восприятие, или понятия с темпоральным значением, но негативной коннотацией (Krieg, Finsternis):

Sie war nicht zufrieden [там же, с. 33];

Sie gingen und meldeten es dem König und meinten, wenn Krieg ausbrechen sollte [там же, с. 40];

„Es ist auf dem Acker in der Finsternis so gefährlich gehen“ [3, с. 74].

Среди «темных» гласных в немецкой фонетике выделяются звуки [o:], [ɔ], причем долгий гласный [o:] имеет более «темный» оттенок в силу артикуляционных особенностей своего образования за счет узкого раскрытия рта, краткий гласный [ɔ] звучит «светлее». Примечательно, что при последовательном употреблении обоих звуков (долгого гласного в закрытых слогах, краткого гласного – в открытых слогах) краткий звук [ɔ] все равно звучит «светлее» [5, с. 28].

В сказках Братьев Гримм чаще встречается краткий звук [ɔ]:

An einem Sommermorgen saß ein Schneiderlein auf seinem Tisch [3, с. 36].

Во многих сказках встречаются слова, содержащие краткий гласный звук [ɔ], но обладающие отрицательной окраской (*Mord, Wolf*):

In einem Walde eines Landes hausten zwei Riesen, die mit Rauben, Morden, Sengen und Brennen großen Schaden stifteten [3, с. 41].

Bald danach klopfte der Wolf an und rief [3, с. 53].

Звуки [o:], [ɔ] встречаются в словах, являющихся предвестниками природных ненастий:

Der Mond ward gerade von einer schwarzen Wolke bedeckt [3, с. 115].

Самыми «темными» звуками в системе немецкого вокализма считаются звуки [u:], [ʊ]. За счет артикуляционных особенностей образования в связи с высоким подъемом языка и узким раскрытием рта данные звуки звучат приглушенно, что обуславливает их «темный» характер звучания, хотя краткий гласный [ʊ] иногда приобретает легкий «светлый» оттенок [5, с. 32].

В немецких сказках звуки [u:], [ʊ] употребляются в словах с отрицательной коннотацией (*dumm*):

„Dumme neugierige Gans“, antwortete der Zwerg [3, с. 123].

Отрицательная приставка *un-* также содержит звук [ʊ]: *unglücklicherweise, unmöglich* [там же, с. 124, 134].

Звуки [y:], [y] представляют собой переходный вариант от самых «темных» звуков [u:], [ʊ] к самым «светлым» [i:], [ɪ]. Не случайно в текстах средневерхненемецкого периода развития немецкого языка встречается следующий знак для передачи данных звуков *ui*. В современном немецком языке звуки [y:], [y] встречаются достаточно часто, что позволяет почувствовать утонченное восприятие звуков носителями языка [5, с. 31].

В немецких сказках звуки [y:], [y] употребляются в словах с дентативным суффиксом *-chen* и позволяют передать ласковый характер обращений к сказочным персонажам или изображений сказочных объектов:

Da war aber das Mütterchen ganz geschäftig [там же, с. 108].

Die lebte einsam in einem Hüttchen [3, с. 120].

Звуки [ø:], [œ] также представляют переходный вариант между «светлыми» звуками [e:], [ɛ:], [ɛ] и «темными» звуками [o:], [ɔ] [5, с. 30].

Несмотря на «темный» оттенок звучания, звук [ø:] употребляется в словах с позитивной коннотацией:

Mit schönen Worten sind sie bei der Hand [3, с. 109].

Краткий гласный звук [œ] встречается в словах традиционной сказочной символики, например имени числительном *zwölf*:

Wo haben meine zwölf Töchter ihre Schuhe in der Nacht vertanz? [3, с. 106];

Mit zwölf Prinzen in einem unterirdischen Schloss [там же, с. 107].

Роль звуков в восприятии сказок достаточно велика. С помощью гласных звуков создаются определенные образы, достигаются конкретные акустические эффекты. Звуки способны передать душевное состояние сказочных героев. Фонетическая звукопись также является одним из основных ключей к интерпретации речевой характеристики персонажей немецких сказок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов / пер. с нем. Г. Гаева. – М.: КРОН-ПРЕСС, 2000. – 504 с.
2. Auer P. Sprachwissenschaft. – Weimar: J. B. Metzler, 2013. – 465 S.
3. Brüder Grimm. Die Kinder- und Hausmärchen. – М.: Радуга, 2003. – 288 с.
4. Hauff W. Die Geschichte von dem Kleinen Muck und andere Märchen. – М.: Радуга, 2002. – 320 с.
5. Hey J., Reusch F. Die Kunst des Sprechens. – Mainz : Schott, 2001. – 104 S.
6. Lüdeling A. Grundkurs. Sprachwissenschaft. – Stuttgart: Klett, 2013. – 168 S.
7. Sklobinski P. Grundfragen der Sprachwissenschaft. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014. – 272 S.

УДК 81.119

К. И. Таунзэнд

доцент кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка МГЛУ; e-mail: townsendX@yandex.ru

**«ПОСЛЕДНИЙ РИМЛЯНИН» БОЭЦИЙ
В ПЕРВОМ РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ
ИЕРОМОНАХА ФЕОФИЛАКТА РУСАНОВА**

В статье с позиций современного переводоведения исследуется первый перевод на русский язык латинского сочинения Боэция «Об утешении философией». Анализ лексических, грамматических и стилистических аспектов перевода проводится с учетом широкого контекста переводческой ситуации в России XVIII в. Автор статьи рассматривает предисловие и посвящение перевода, оригинальные сочинения переводчика и его роль в конкретный исторический период.

Ключевые слова: перевод; Боэций; латинский язык; английский язык; русский язык; история языка.

Taunzend K. I.

Associate Professor, Department of English Lexicology, Faculty of English, MSLU; e-mail: townsendX@yandex.ru

**“THE LAST ROMAN” BOETHIUS
IN THE FIRST RUSSIAN TRANSLATION
BY THE CELIBATE PRIEST THEOPHILAKT RUSANOV**

The article is an attempt at the study of the first Russian translation of the Latin book “The Consolation of Philosophy” by Boethius. Lexical, grammatical and stylistic aspects of translation are analyzed in the broad context of the background of the eighteenth century Russia. The author studies the translator’s introduction, his original works as well as his role in the history of the country.

Key words: translation; Boethius; Latin; English; Russian; language history.

Латинское сочинение Боэция «Об утешении философией» является в своем роде уникальным по количеству переводов, выполненных с него в течение 1500 лет после его создания. Как известно, в Средние века произведение Боэция переводили: на древневерхненемецкий – Ноткер и на средневерхненемецкий – Петер фон Каствль; на французский – Жанн де Мен, Пьер де Пари, Фре Рено и два неизвестных автора; на итальянский – Альберте дела Пьяджентина и др.; на греческий – Максим Планид; на испанский – Фра Антонио Гинебрета. История

английского языка сохранила для нас переводы, выполненные в IX в. королем Альфредом, в XIV в. Чосером, в XV в. Уолтоном, в XVI в. Колвилем и королевой Елизаветой I. Кроме этого, история английского языка сохранила факты создания других переводов этого же произведения, которые не дошли до наших дней. Самый последний из английских переводов с латинского оригинала был выполнен в США в 1943 г.

Итак, труд Боэция «Об утешении философией» представляет значительный интерес как одно из немногих сочинений, с которого выполнено большее количество переводов на европейские языки. Ранее наше исследование английских переводов Боэция было посвящено подробному изучению стратегий переводчиков на ранних этапах становления английского национального языка [9]. Однако не меньший интерес представляет история русских переводов этого сочинения, первый из которых был выполнен «с латинского языка Корпуса Чужестранных Единоверцев Учителем Закона иеромонахом Феофилактом в Санкт-Петербурге в 1794 году», как гласит титульный лист [1].

Феофилакт (в миру Феодор Гаврилович Русанов, 1765–1821) – знаменитый иерарх русской православной церкви эпохи Александра I – родился в семье дьячка Онежской округи Архангельской губернии. Он получил образование сначала в Олонецкой духовной семинарии, затем – в Санкт-Петербургской Александро-Невской главной семинарии, которая считалась высшим духовно-учебным заведением. Окончив в 1792 г. курс, «...как лучший и даровитейший воспитанник, оставлен был в семинарии учителем поэзии и риторики» [7, с. 466–467]. Тогда же он принял монашество с именем Феофилакта и исполнял обязанности катехизатора, затем преподавателя Закона Божьего в Греческом корпусе, который впоследствии был переименован в корпус чужестранных единоверцев, а также в сухопутном шляхетном и артиллерийском кадетских корпусах. Этот период жизни иеромонаха Феофилакта был тесно связан с Санкт-Петербургом, где он «возрастал» по церковной иерархии, являясь архимандритом и настоятелем нескольких монастырей, а также членом Священного Синода в звании ассессора. При этом, как свидетельствуют биографические источники, много времени уделял самообразованию, изучал философию, эстетику, историю и новые языки, особенно французский. «Своими обширными познаниями, даром слова и видною величественною наружностью Феофилакт производил сильное

впечатление, был известен придворе и в скорезанял почетное положение» [7, с. 467]. До наших дней сохранились проповеди архимандрита Феофилакта, сказанные им в придворной церкви в присутствии царственных особ и изданные в Санкт-Петербурге в 1796 г. под названием «Поучительные слова при высочайшем дворе Блаженной и вечно достойной памяти Ее Императорского Величества Благочестивейшей Великой Государыни императрицы Екатерины II, говоренные Корпуса Чужестранных Единоверцев Учителем Закона, Троицкой Сергиевой Пустыни Архимандритом Феофилактом» [5].

В 1799 г. архимандрит Феофилакт был рукоположен в епископы вновь учрежденной Калужской епархии. Неудивительно, учитывая его общественное положение, что хиротония прошла в Гатчине в присутствии царской семьи. В новой епархии епископу Феофилакту предстояла большая работа по устройству буквально всех дел с самого начала: от определения границ епархии до устройства семинарии и борьбы с расколом. «Здесь проявилась его энергия и твердая независимость в деятельности, обходительность и справедливость к подчиненному духовенству, которое он стремился поднять на подобающую высоту» [7, с. 467].

За столь успешной деятельностью в Калужской епархии последовало возведение его в сан архиепископа Рязанского и Зарайского в 1808 г., где он главным образом заботился о поднятии умственного и нравственного уровня духовенства, что непременно требовало попечения о семинарии и сближения с рязанской паствой во всех ее условиях. Здесь архиепископ Феофилакт «часто говорил проповеди и охотно беседовал с рязанскими горожанами у себя на дому по разным вопросам» [там же, с. 468]. В отделе редкой книги Российской государственной библиотеки можно найти «Поучительные слова и речи, сочиненные и проповеданные в разных местах синодальным членом, преосвященнейшим Феофилактом архиепископом Рязанским и Зарайским», изданные в двух частях в Москве в Синодальной типографии в 1809 г. [4].

Однако столь активная деятельность во главе разных епархий не смогла воспрепятствовать занятиям самими, возможно, его любимыми делами: преподаванием и словесностью. В 1807 г. Священный Синод назначил преосвященного Феофилакта членом комитета (а впоследствии комиссии) по усовершенствованию духовных училищ. Владыка ревностно взялся за дело, о чем может свидетельствовать перечень

его работ и составленных им документов [7, с. 467]. «Но любовь к делу влекла его еще дальше: после открытия Санкт-Петербургской духовной академии он как бы забывает свой сан и, вопреки установившимся традициям, берет на себя обязанности профессора по классу словесных наук ... решительно и смело читает лекции по новой программе и добивается прекрасных результатов» [там же, с. 468].

Как это нередко случается, на смену яркой, счастливой полосе в жизни пришла череда неудач, когда в 1810 г. произошел разлад в отношениях преосвященного Феофилакта с влиятельными людьми того времени: князем Голицыным и графом Сперанским. «Зараженное» мистицизмом общество «обозвало преосвященного Феофилакта обскурантом, гасителем просвещения и пр.» [там же, с. 468]. Не нашел он понимания и у правящего архиерея митрополита Филарета (Дроздова). Преосвященный Феофилакт попал в опалу, его старались удалить из столицы под благовидным предлогом, который не замедлил представиться: нужно было восстанавливать разоренные Наполеоном епархии. В 1812 г. он был отправлен в Смоленск, Могилев, Калугу, Минск и Волынь, где по поручению Священного Синода раздавал пособие потерпевшим от неприятеля, лишил сана епископа могилевского Варлаама (Шишацкого), присягнувшего Наполеону. В 1817 г. его назначили экзархом Грузии, где предстояло наладить церковное управление, открыть в Тифлисе духовную семинарию и духовные училища. Как и прежде, преосвященный Феофилакт не жалел сил и трудов по устройству духовных дел: добился материального обеспечения для местного духовенства и через благочинных подчинил его дисциплине, вдохнул новую жизнь в миссионерскую деятельность Осетинской комиссии (число новообращенных достигло 47 тыс. человек). Но «тоска по России и сознание опалы тяжелым бременем лежали на его сердце. Не могли утешить его ни сан митрополита, пожалованный в 1819 г., ни орден Владимира I степени ... он просил перевода в Россию» [там же, с. 468]. В 1821 г. во время поездки по церквям Кахетии митрополит Феофилакт скончался от тифа и был похоронен в Бодбийском Сигнагском монастыре.

Итак, перед нами история жизни, безусловно, незаурядной личности, которая внесла значительный вклад в укрепление русской православной церкви и государства. Но для филологических исследований большой интерес представляют оригинальные и переводные труды

Феофилакта Русанова, которых сохранилось немало. Первые включают его проповеди, где «он был проповедником-публицистом и преимущественно рационально-полемиического направления» [7, с. 469]. Вторые составляют большую группу выполненных им переводов: с латинского – «Философское утешение» Боэция (1794); с греческого – «Рассуждение о достоверности книг евангельских и об истинности свидетельства апостолов» (1803); с английского «Созерцание христианства» Женнинса (1803); с французского – «Пастырское наставление о превосходстве религии» Сезара Гильома де Ла Люзерна (1804); «Врачевство от уныния и отчаяния» (1805); «Начала против безверия» Камюзе (1806). Собрание переводов Феофилакта Русанова было издано в четырех частях в Санкт-Петербурге в 1809 г. Кроме того, Феофилакт принимал участие в сочинении книги для государыни – «Мнение о разностях между восточною и западною церковью» (1816); рассматривал книги – «Опыт о красноречии проповедников» (1799); «Опыт славянского словаря» (1808) и др. Под его редакцией сделаны переводы «Эстетических рассуждений» Ансильона и «Сравнительной истории философских систем» Де Жерандо, в трех частях [7, с. 469].

Из столь внушительного списка переводов Феофилакта Русанова для целей нашего исследования интересен прежде всего тот факт, что он первым перевел на русский язык латинское сочинение Боэция «Об утешении философией». Поэтому данный перевод заслуживает внимательного изучения.

При сопоставлении текстов данного оригинала и его русского перевода обращает на себя внимание близкое следование латинскому тексту, с одной стороны, и некоторая художественная переработка оригинала в переводе – с другой. Убедимся в этом на конкретных примерах.

Стремление к точному воспроизведению оригинала проявляется, во-первых, в том, что русский переводчик XVIII в. сохраняет структуру и стилистическое построение латинского сочинения, т. е. передает поэтические метры Боэция поэзией, а прозаические отрывки – прозой, сохраняя соответствующее деление всего произведения на 5 книг (подробное рассмотрение и описание текста оригинала применительно к потенциальной возможности перевода см. [9]). Так, поэтические метры Феофилакт Русанов передает шестистопным ямбом на

протяжении всего перевода, отступая от этого размера лишь иногда и заменяя его четырехстопным ямбом, например:

Безвременной зимой власы мои покрылись,
 Хладнеет в теле кровь, и силы истощились.
 Страшна бывает смерть для любящих сей свет,
 А не стенающих под игом зол и лет [1, с. 2].
 Строитель мудр Небес усеянных звездами!
 Что вечный трон себе поставивши над нами,
 Кружиться вихрем сей громаде повелел,
 И возбранил звездам, свой преступать предел [там же, с. 20].

Данные строки, взятые из первого и пятого поэтических метров первой книги, соответствуют схеме шестистопного ямба:

U -| U -| U -|| U -| U -| U -

с женской клаузулой в первых двух строках и с мужской – в двух последующих. Следует отметить, что все поэтические отрывки русского перевода близко воспроизводят мысли и образы автора оригинала. Для сравнения приведем соответствующие данным строкам латинские отрывки¹:

Intempestivi funduntur vertice cani,
 Et tremit effeto corpore laxa cutis.
 Mors hominu felix, quae nec se dulcibus annis
 Inferit, et maestis saepe vocata venit [10, lib. I m. i].

Безвременные седины изливаются на голову,
 И дрожит на слабом теле дряхлая кожа.
 Смерть человека счастлива, которая нападает не в сладкие годы,
 Приходит часто призываемая торжественными (стихами).

O stelliferi conditor orbis,
 Qui perpetuo nixus solio
 Rapido caelum turbine versas,
 Legemque pati sidera cogis [10, lib. I m. v].

О ты, создатель неба и земли,
 Покоящийся на вечном престоле,
 Ты вращаешь небо быстрым кругом,
 И принуждаешь созвездия повиноваться закону.

¹ Здесь и далее по тексту подстрочник наш. – К. Т.

Приведенные отрывки показывают, насколько точно русский переводчик передал поэтические метры латинского автора, хотя в поэтическом переводе смысловая близость отнюдь не всегда является приоритетом. Что же касается анализа поэтики перевода, то здесь ограничимся лишь указанием, что Боэций использовал в своем сочинении около 26 различных размеров, но большая часть метров была позаимствована им из трагедий Сенеки [9]. Обращался ли Феофилакт Русанов к русским переводам Сенеки или выбрал шестистопный ямб как некое подобие гекзаметра, тоже шестистопного стихотворного размера, остается загадкой. Однако, оставляя за рамками нашего исследования вопросы поэтического перевода, подчеркнем лишь, что приведенные выше примеры перевода стихотворных метров показывают, насколько близко русский переводчик XVIII в. стремился передать латинский оригинал.

Подобную точность в воспроизведении оригинала лучше всего проследить в переводе отрывков прозы Боэция. Здесь Феофилакт Русанов очень часто стремился передать как синтаксическую структуру, так и конкретные лексические значения сочинения Боэция. Рассмотрим отдельные примеры:

At ego cujus acies lacrymis mersa caligarat, ne dignoscere possem, quae nam haec esset mulier tam imperiosae auctoritatis, obstupui, **visuque in terram defixo**, quidnam deinceps esset actura, exspectare tacitus coepi [10, lib. I pr. I].

И я, зрение которого слезами покрытое притупилось, так что я не мог узнать, кто была эта женщина, столь могущественного влияния, остолбенел, и, опустив глаза в землю, молчаливый я начал ждать, что затем она будет делать.

А я, которого глаза и лицо столько были омочены слезами, что никоим образом не мог узнать женщины, **имеющей столь повелительную величественность**, оцепенел весь, и глаза потупив в землю, в глубоком молчании ожидал, что наконец она будет делать [1, с. 4].

Очевидно, что русский переводчик точно передает все синтаксическое построение этого латинского предложения, отображая латинский оборот *Ablativus Absolutus visuque in terram defixo* русским обособленным обстоятельством, выраженным деепричастным оборотом.

На лексическом уровне близкое следование оригиналу находит также отражение в сохранении латинских реалий в русском переводе, таких как: *poeticae Musae* – *Стихотворческие музы*, *Seirenes* – *Сирены*, *Boreas* – *Борей*, *Phoebus* – *Феб* и др. Но одновременно с этим

стремление русского переводчика XVIII века точно передать смысл сочинения Бозция проявляется в прагматической адаптации целого ряда культурных реалий, менее знакомых и понятных получателям перевода. Например:

...Eleaticis atque Academicis studiis... [10, lib. I pr. I]

...учением Зенона и Платона [1, с. 4]

Феофилакт Русанов поясняет, что подразумевалось под занятиями в Элее и в Академии. В другом примере русский переводчик делает сноску в тексте перевода для разъяснения символического смысла одежд Философии:

Narum in extreme margine P, in supremo T vero legebatur intextum [10, lib. I pr. I].

На нижнем крае их (одежд) P, на верхнем T читалось вплетенное.

На нижнем крае ризы сея написана была буква П (*), а на верхнем T – и сноска: (*) Через П букву Греческую, означается Философия Деятельная, а через T Умозрительная [1, с. 3].

Прагматическая адаптация русского перевода охватывает также примеры достижения адекватного эмоционального восприятия перевода получателем:

...quis, inquit, has scenicas meretriculas ad hunc aegrum permisit accedere? [10, lib. I pr. I].

...кто, сказала, позволил, чтобы эти театральные блудницы подошли к этому больному?

...кто, рекла, позволил сим сквернавицам приблизиться к сему недужному [1, с. 3–4].

В данном примере латинское слово *meretricula* происходит от *meretrix* со значением «блудница, проститутка», а в сочетании с уменьшительным суффиксом *-cul*, который придает оттенок пренебрежения, означает «убогая блудница, жалкая проститутка» [2]. Вероятно, русское соответствие «блудница» не передавало оттенок пренебрежения, так как блудницами, о которых повествует христианская церковь, были св. Мария Магдалина и св. Мария Египетская. Поэтому Феофилакт Русанов выбирает в переводе эквивалент «сквернавица» со значением «распутница» [8, с. 184], который адекватно передает соответствующую эмоциональную оценку оригинала.

При этом русский переводчик XVIII века применяет различные трансформации, чтобы русский текст читался привычно и естественно, иными словами соответствовал узусу ПЯ. Здесь нередко встречается смысловое развитие, как в приведенном ниже примере:

...cum caput altius extullisset, ipsum etiam caelum penetrabat, respicientiumque hominum frustrabatur intuitus [10, lib. I pr. I].

...когда голову выше поднимала, самого даже неба достигала, и озирающихся людей обманывал взгляд.

Но несколько приподнявши голову скрывалась в небе; где люди тщетно старались узреть ее [1, с. 3].

В этом примере можно отметить использование переводчиком приема членения предложения, когда приведенный отрывок латинского текста представляет собой лишь завершающую часть более длинного предложения, а русский перевод этого же отрывка является самостоятельным предложением.

Довольно часто русский переводчик прибегает к описательному переводу для толкования различных мест оригинала. Например:

His ille chorus increpitus ... confessusque rubore verecundiam, limen tristis excessit [10, lib. I pr. I]

Этот кричавший хор их (Камен) ... и признавший стыд краской (на лице), печальный вышел за порог.

Таковыми выговорами, до сего беседовавшая со мною Музы, будучи поражены ... и обнаружив стыд через краску в лице появившуюся, в положении означающем их смущение, немедленно удалились из моего покоя [1, с. 4].

Выделенные места перевода были добавлены переводчиком с целью разъяснения отдельных значений и образов оригинала.

Как уже отмечалось выше, при очевидном стремлении Феофилакта Русанова к близкому следованию оригиналу и наиболее точному воспроизведению всех аспектов латинского сочинения Боэция в русском переводе также весьма часто встречаются элементы художественной обработки, которые проявляются прежде всего в добавлении красочных метафор в русский перевод. Приведем наиболее яркие примеры:

Quarum speciem, veluti fumosas imagines solet, caligo quaedam neglectae vetustatis obduxerat [10, lib. I, pr. I].

Вид которых (одежд) словно дымные образы был, какой-то густой туман покрыв (их как) нечто из забытого прошлого.

Красота одежды сея еще затенялась неким мраком древности, в небрежении оставленной; каковой бывает на картинах, от пыли и перемен воздуха попортившихся [1, с. 3].

Здесь очевидно, что при описании внешности и одежд Философии, явившейся Боэцию, упоминание картин, которые портятся от неправильного хранения, явно является анахронизмом, так как в начале VI в., когда был написан оригинал, едва ли можно было говорить о станковой живописи. Значит, эта метафора была привнесена в русский текст переводчиком XVIII в., вероятно, для добавления красочности и наглядности того, с чем можно сравнить такое изображение.

Другой пример еще ярче иллюстрирует масштаб художественного отступления от оригинала в русском переводе:

Quid taces? [10, lib. I, pr. ii].

Что молчишь?

Почто язык, связанный молчания узами, не разрешается от оков сих? [1, с. 6]

В латинском тексте Философия обращается к Боэцию с простым вопросом, состоящем всего из двух слов и имеющем привычное соответствие в русском языке. Но его перевод в XVIII в. был явно перетрансформирован, и вопрос принял возвышенную витиеватую форму. Наряду с подобными метафорами русский переводчик добавляет красочные эпитеты в текст перевода. Например:

Quod si nec Anaxagorae fugam, nec Socratis venenum, nec Zenonis tormenta, quoniam sunt peregrina, novisti... [10, lib. I, pr. iii]

Ибо если ты не знал ни бегство Анаксагора, ни яд Сократа, ни страдания Зенона, так как они чужеземцы...

Если неизвестно тебе самопроизвольное Анаксагорово заточение; если не слышал ты о Сократе, которого жизни чаша еще не упраздненная была ядом отведена от уст его; если не знаешь и лютых Зенона мучений... [1, с. 9].

В данном отрывке латинскому [*fuga Anaxagorae*] соответствует русский перевод XVIII в. с эпитетом *самопроизвольное*, а [*tormenta Zenonis*] – мучения Зенона с эпитетом *лютые*. Что касается [*venenum Socratis*], то здесь, вероятно, речь идет уже не о добавлении эпитета, а о привнесении русским переводчиком витиеватой метафоры.

Помимо красочных метафор и эпитетов, русский перевод Феофилакта Русанова наполнен возвышенной архаичной лексикой, принадлежащей, скорее, к церковно-славянскому, чем к русскому языку XVIII в. Здесь можно выделить следующие лексические единицы:

vultus (лицо) – зрак;

infructuosis spinis (бесплодными терзаниями) – бесплодным тернием;

vidit (увидела) – узрела;

inquit (сказала) – рекла,

...qui nostro quondam lacte nutritus, nostris educatis alimentis... [10, lib. I pr. II]

(который вскормлен был нашим молоком и воспитан на нашем содержании) – ...не ты ли некогда млеком моим быв воздоен, и брашном моим воспитан... [1, с. 6].

Объяснить такой выбор церковно-славянской лексики русским переводчиком несложно, учитывая церковный сан и род занятий Феофилакта Русанова.

Еще одним подтверждением подобного влияния личности переводчика на результат перевода могут служить элементы интерпретации отдельных значений оригинала в религиозном контексте. Например:

...cum deinceps Epicureum vulgus ac Stoicum ceterique (...) molirentur [10, lib. I pr. iii].

(когда затем, подобно эпикурейцу и стоику, и другие кинулись...)

...когда Епикурской и Стоической Секты слепые последователи и другие многие [1, с. 8].

Здесь используемое переводчиком слово «секта» выступает, скорее всего, в переносном значении как «группа лиц, замкнувшихся в своих мелких, узких интересах» с оттенком неодобрения, но при этом все же сохраняет, на наш взгляд, религиозную часть значения, от которого и происходит неодобрительная оценка [3]. Сюда же, к элементам религиозного переосмысления значений оригинала можно отнести использование русским переводчиком соответствий со значением дух / душа при отсутствии подобных сем в латинском оригинале. Рассмотрим такие примеры:

...de nostrae mentis perturbatione...

(на смятение нашего разума) – на смущение духа моего;

...invicta te firmitate tuerentur...

(защило бы тебя непобедимой крепостью) – ...никаких бы себе не нашел препон в уничтожении малодушия;

...lumina ejus, mortalium rerum nube caligantia, tergamus [10, lib. I pr. ii].

(глаза его, покрытые облаком смертных дел, мы отираем) – ...надлежит только отереть его глаза и возвратить зрение душевному оку [1, с. 6].

Очевидно, что русские слова *дух*, *малодушие*, *душевное око* используются русским переводчиком в данных микроконтекстах как часть религиозной трактовки содержания латинского оригинала Боэция. Сочетание подобных вкраплений с обширным употреблением церковно-славянской лексики в русском переводе XVIII в. еще больше усиливает религиозную составляющую русского текста.

Подводя итоги анализа первого русского перевода латинского сочинения Боэция «Об утешении философией», следует сказать, что хотя в целом данный перевод можно охарактеризовать как точный и эквивалентный, указанные черты художественной обработки оригинала в русском тексте подводят нас к вопросу об адекватности перевода Феофилакта Русанова, т. е. к вопросу о целях и задачах создания данного перевода, о его потенциальных получателях и других параметрах переводческого акта. Ответ на этот вопрос, как правило, заключается в предисловии самого переводчика, его личности и деятельности.

В данном случае предисловие к переводу Феофилакт Русанов назвал «Предуведомление» и начал с кратких биографических сведений об авторе оригинала, которые, впрочем, отличаются некоторой неточностью относительно дат и времени жизни Боэция. Свое предуведомление Феофилакт Русанов начинает так: «Аниций, Манлий, Торкват, Северин, Боэций Римлянин, родился в лето от Рождества Христова 455...» [1, с. I] и далее пишет: «Злоба, на 71 год жизни, а заточения на 9, обезглавила Боэция...» [1, с. IV]. На самом деле, более точными датами жизни «последнего римлянина» считаются годы примерно с 480 по 524 или 526, что составляет неполные 50 лет жизни [6]. Тюремное заключение приходится лишь на последнюю пару лет или даже меньше, когда он, как известно, и написал свое

сочинение «Об утешении философией». Согласно современным источникам, «...в 523 г. вместе с сенатором Альбином Боэций был обвинен в причастности к заговору против короля. <...> Точная дата его казни неизвестна; по разным сведениям, она произошла в 524 г. (по датировке бургундского хрониста VI века Мария из Аванша) или в 526 г. (согласно современным исследователям С. Костеру, К. Леонарди и др.)» [6, с. 119]. Подобная неточность в предисловии к русскому переводу 1794 г. объясняется, на наш взгляд, источниками, которые были доступны русскому переводчику и откуда он черпал сведения. В любом случае эта погрешность в хронологии событий жизни автора не является принципиальной, так как назначение предисловия, судя по его содержанию, было совсем иным и не имело целью излагать подробно биографию Боэция.

В этом довольно кратком предисловии (всего 5 страниц) Феофилакт Русанов уделяет большое внимание оценке роли и значения личности «последнего римлянина» как в контексте его эпохи, так и для последующих поколений. Так, упомянув в биографическом описании, что Боэций учился по трудам древнегреческих философов Аристотеля, Платона, Евклида, Архимеда и Птолемея, переводчик тут же переходит к сравнению их вклада с трудами Боэция в пользу последнего. «Все сии говорили языком невразумительным, почти все терялись в бездне умозрений своих. Разум их, прервавши сношение с веществом, парил к странам отвлечений, и обыкши скаком пробегать безмерныя расстояния, своею глубокомысленностию, кажется, больше желал изумить человечество, нежели просветить оное. <...> Науки и художества, которыми изобиловала Греция, все были им облечены в одежду Римскую, и украшены такою приятностию слова, и такою собственностию языка, что и самые творцы не без зависти бы воззрели на плод свой» [1, с. II]. По мнению Феофилакты Русанова, Боэций превзошел в заслугах не только величайших из греков, но и своих знаменитых соотечественников, как, например, Цицерона, который «скорбь о кончине любезной дщери своей облегчал рассуждением о бессмертии душ: а Боэций, чтоб утвердить себя в терпении, все усилия разума своего устремил на существование благо человека» [1, с. IV].

Но, поставив заслуги Боэция выше всех достижений греко-римской Античности, Феофилакт Русанов, безусловно, не мог оставить без внимания неоднозначный вопрос о христианской вере

автора «Об утешении философией». Ведь долгое время считалось, что «автор “Утешения” не был христианином, и поэтому, признавая авторство Боэция, исследователи отрицали принадлежность ему богословских трактатов. После признания аутентичности богословских сочинений Боэция, выдвигались предположения, что вера Боэция была недостаточно глубокой и искренней или даже что перед смертью он отрекся от христианства (А. Момильяно); Р. Картон, Э. Т. Силк, Э. А. Жильсон, напротив, находили в “Утешении” христианский дух и неявные цитаты из Священного Писания» [6, с. 120]. А вот какого мнения придерживался русский переводчик XVIII в.: «Святая вера в нем нашла почти все то, чему удивлялись и удивляются во святых отцах, сих непоколебимых столпах церкви и красоте добродетели» [1, с. III]. Относительно отсутствия в оригинале упоминаний о Христе Феофилакт Русанов полагал, что переводил только первую философскую часть более обширного труда, который либо не сохранился, либо не был завершен автором. Вот как он об этом пишет: «Читателю, не видящему, что сие изящное творение еще не приведено к намеренному концу, надлежит быть крайне не замечательну. Да и вероятно ли, чтоб в темнице защищавший тройственность лиц Божества, опровергаемую его Государем, не утешил себя в несчастьи учением Христовым?» [1, с. IV]. Итак, для Феофилакta Русанова личность Боэция представлялась высшим образцом в обеих ипостасях: античного ученого, писателя и христианского святого.

Что же касается конкретного сочинения Боэция «Об утешении философией», то здесь русский переводчик XVIII в. также ясно выразил свое мнение: «Он на все свои творения положил печать редких дарований; но в утешении Философском, кажется, победил самого себя» [там же, с. IV]. И завершается предисловие такими словами: «Тако ум и воля Боэция, остановившиеся на неизменных благах, соделали его современником всех столетий и гражданином повсеместным» [там же, с. V]. Таким образом, «предупреждение» к переводу Феофилакta Русанова целиком и полностью посвящено рассуждению о заслугах автора и достоинствах его сочинения.

Помимо предисловия русский перевод XVIII в. содержит посвящение церковному начальству, как указано на титульном листе: «Святейшего правительствующего Синода Первенствующему Члену, Великому Господину Высокопреосвященнейшему Гавриилу, митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербуржскому и архимандриту Свято-

Троицкого и Александро-Невского монастыря, Милостивейшему Архипастырю и Отцу» [там же]. Такое посвящение вполне понятно, так как иеромонах Феофилакт не мог издать свой перевод в типографии корпуса чужестранных единоверцев без одобрения церковного руководства. Здесь уместно вспомнить ту неприятность, которая произошла уже с архиепископом Рязанским и Зарайским Феофилактом, когда в 1813 г. он напечатал «Эстетические рассуждения» Ансильона в переводе студентов духовной академии лишь с одобрения гражданской цензуры, не дождавшись отзыва соответствующей церковной комиссии. «Книги к употреблению в академии не допустили, нашли, что перевод заражен пантеизмом, натурализмом и либерализмом» [6, с. 468]. Этот случай тогда только ухудшил опальное положение владыки Феофилакта. Видимо, такое посвящение перевода «Об утешении философией» Бозэция вполне соответствовало действующим правилам.

Изучив подробно предисловие и посвящение русского перевода XVIII в., вернемся к вопросу о целях его создания. При отсутствии прямых указаний самого переводчика мы можем лишь строить предположения. Однако, учитывая проанализированный перевод и предисловие к нему, а также личность и деятельность Феофилакta Русанова, можно с большой долей вероятности заключить, что русский переводчик XVIII в. руководствовался как личными творческими, так и дидактическими целями в создании перевода «Об утешении философией» Бозэция. В пользу такого заключения говорит целый ряд прагматических факторов данной ситуации перевода. Во-первых, в течение всей своей жизни Феофилакт Русанов успешно занимался преподаванием, начав свой путь как учитель поэзии и риторики, а затем Закона Божьего и дойдя до профессора словесности. К этой же сфере деятельности можно отнести его непрестанное попечение о духовных учебных заведениях; о содержании и уровне образования духовенства. Во-вторых, основная мысль предисловия о выдающейся роли Бозэция и об огромном значении его сочинения делает это предисловие рекомендацией самого перевода для прочтения и изучения теми, кто не мог познакомиться со столь великим творением в оригинале. На наш взгляд, в предисловии переводчик убеждает прочитать книгу Бозэция как нравоучительное и душеполезное чтение, которое, возможно, предназначалось для студентов духовных семинарий и академий. В-третьих, неизменная любовь Феофилакta Русанова

к словесности, стремление к самообразованию, самостоятельное изучение европейских языков и обширный перечень его переводов складываются в личностную творческую мотивацию к созданию данного перевода и отражают творческие цели самого русского переводчика. Именно такими целями объясняется, по нашему мнению, и стремление к точности в переводе, и та художественная обработка, которой подвергся латинский оригинал в переводе Феофилакта Русанова.

В этой связи представляется уместным сопоставить красочные метафоры, сравнения и эпитеты, добавленные им в русском переводе, с теми же образными средствами языка, которые он использовал в своих речах и проповедях. Приведем лишь немногие яркие фразы:

(Благочестие) острозрительным, как рысь, делает человека [4, с. 30].

...и кои наконец в обольстительной стране жлесловесия и нововведений и сами теряются, и те легковверные, коих туда завлекли с собою... [там же, с. 48].

Посмотрите на ветреную молодость: едва только откроет свои глаза, едва только начнет ходить без помочей; то и перебегаёт от одного призрака к другому, подобно мотыльку... [там же, с. 49].

Напоследок пасмурная старость наступает... [там же, с. 50].

Идол Арианской ереси с болезнию чувствовал тяжкие удары его ревности. Св. Николай ... успел поколебать сей горделивый дуб в самом его корне [там же, с. 65].

Перед нами яркие, красочные, живые образы, которые создал условно талантливый проповедник, переводчик, поэт и филолог, выходец из простой семьи с севера России и оставивший о себе память как знаменитый иерарх русской православной церкви эпохи Александра I и как первый русский переводчик латинского сочинения Боэция «Об утешении философией».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аниция Манлия Торквата Северина Боэция*. Утешение философское переведено с латинского языка Корпуса Чужестранных Единоверцев Учителем Закона иеромонахом Феофилактом. – СПб. : Импер. Академия наук, 1794. – 176 с.
2. Латинско-русский словарь / сост. И. Х. Дворецкий и Д. Н. Корольков ; под общ. ред. С. И. Соболевского. – М. : Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1949. – 950 с.
3. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Русский язык. – 1990. – 915 с.

4. Поучительные слова и речи, сочиненные и проповеданные в разных местах синодальным членом, преосвященнейшим Феофилактом архиепископом Рязанским и Зарайским. – Ч. I–II. – М., 1809.
5. Поучительные слова при высочайшем дворе ... Великия Государыни императрицы Екатерины II говоренные Корпуса Чужестранных Единоверцев Учителем Закона, Троицкой Сергиевой Пустыни архимандритом Феофилактом. – СПб., 1796.
6. Православная энциклопедия / под ред. Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II : в XLIII т. – Т. VI. Бондаренко – Варфоломей Эдесский. – М., 2003. – 752 с.
7. Русский биографический словарь, издаваемый Императорским Русским Историческим Обществом : в 25 т. – Т. 25: Яблоновский–Фомин. – СПб. : Тип. Главного Управления Уделов, 1913. – 493 с.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 24 (Се – Скорый) / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М. : Наука, 1999. – 222 с.
9. *Таунсенд К. И.* Прагматический аспект переводов античных авторов (на материале ранних английских переводов латинского сочинения Боэция «Об утешении философией») : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 238 с.
10. *Anicii Manlii Severini Boetii.* De consolatione philosophiae // *Patrologiae cursus completus. Series Latina* / Accurante J.-P. Migne. – Tomus LXIII: *Manlii Severini Boetii Opera omnia.* – P., 1847.

УДК 81-2

Л. А. Ноздрина

доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка ФНЯ МГЛУ; e-mail: nosdrina-l@mail.ru

КАТЕГОРИЯ КООРДИНАТ В СИСТЕМЕ ГЛУБИННЫХ КАТЕГОРИЙ ТЕКСТА

В статье речь идет о так называемых глубинных категориях, скрытых в тексте, и их характеристиках, выступающих как важнейшие категориальные признаки: о принадлежности к поэтике в широком смысле, об их глубинном характере, об универсальности категорий, об их системности и когнитивности. Наиболее подробно рассмотрена одна из категорий – категория координат. В статье приведены примеры на русском и немецком языках, из поэтического и прозаического текстов.

Ключевые слова: глубинная категория; поэтика; универсальность; системность; когнитивность; стихотворный текст; лингвистика текста.

Nosdrina L. A.

Advanced Doctor (Philology), Professor, Department of General and Comparative Linguistics, MSLU; Department of Grammar and History of German, The Faculty of German, MSLU; e-mail: nosdrina-l@mail.ru

CATEGORY OF COORDINATES IN THE SYSTEM OF DEEP TEXT CATEGORIES

The article discusses the problem of the so-called “deep categories” that are hidden in the text and considers their most essential features, namely their poetic nature, their inner character, their universal status and cognitive properties. Detailed consideration is given to the category of coordinates. The article provides examples from Russian and German poetry and prose.

Key words: deep categories; poetics; universals; consistency; cognition; poetic text; text linguistics.

Интерпретация мира или действий, высказываний или текстов всегда предполагает известную долю субъективности, поскольку опирается на понимание мира, которое во многом зависит от знаний читателя, его личного опыта, взглядов, ценностной системы. Умение заметить и оценить то или иное явление не только обогащает наше впечатление о мире, но во многих случаях помогает проникнуть в суть авторской картины мира, разгадать заложенный автором замысел.

Ю. М. Лотман определяет искусство как наиболее развитое пространство условной реальности, как «испытательный полигон» для умственного эксперимента. Ученый пишет о парадоксальном свойстве искусства превращать условное в реальное, прошедшее в настоящее [1, с. 62]. Созданный писателем мир, похожий и непохожий на мир реальный, содержит мировидение автора, скрытое в художественных образах.

Проникнуть в его мировоззрение можно, опираясь на некоторые пункты в смысловой структуре текста. Этими пунктами являются: *время* как одна из важнейших философских категорий; *пространство*, которое часто связывается со временем и выступает, как и время, одной из важнейших форм существования материи; *образ автора* как носителя акта художественного видения; герой или описание (референт текста) и *оценка автором художественной действительности*, иначе говоря, модальность в широком понимании как оценка автором того мира, который он создал, с позиций утверждения или отрицания, реальности или ирреальности событий, уверенности в их достоверности или сомнения.

С точки зрения когнитивного подхода эти понятия дают читателю возможность ориентироваться в фикциональном мире произведения и декодировать ту картину мира, которую автор зашифровал в тексте. Таким образом, художественный текст становится важным средством познания человека и мира, того, который увидел автор произведения.

Исследователи, занимающиеся изучением текста, отмечают, что все элементы, его составляющие, тесно взаимодействуют друг с другом. Существует разное понимание взаимодействия:

- видоизменения категорий одного уровня под воздействием двух или нескольких категорий;
- объединения нескольких категорий для передачи иного, более крупного понятия, или категорий разного уровня, например категорий грамматики и лексики, для выражения некоторого понятия;

– объединения категорий с целью выражения определенного намерения говорящего, его желания или просьбы.

Можно выделить категории, сущность которых состоит в том, что они выражают себя в морфологии, синтаксисе и словообразовании и не имеют единых маркеров.

Можно предположить, что темпоральная, локальная, персональная, референтная и модальная структуры также будут взаимодействовать в тексте и объединять отдельные его части в единое целое. У каждой из них будут проявляться свои характеристики в зависимости от функционального стиля или жанра, к которым относится текст. Кроме своей специфической задачи, они выполняют еще ряд задач, характерных для всех этих категорий. Некоторые характеристики можно считать важнейшими категориальными признаками. К ним относятся: принадлежность к поэтике, глубинный характер, универсальность, системность и когнитивность.

Принадлежность к поэтике состоит в том, что эти категории отражают те связи, под которыми понимают поэтику широко, как структуру отношений внутритекстовых элементов, и имеют в виду и поэтический, и прозаический текст. Понимая поэтику именно так, можно признать за глубинными категориями статус поэтического уровня.

Глубинный характер категорий заключается в том, что в художественном тексте существует некая программа, определяющая выбор языковых средств. Эта программа не лежит на поверхности текста, она скрыта в его глубине и не доступна непосредственному наблюдению. Ее можно выявить в тексте, только опираясь на косвенные данные, т. е. на соответствующие поверхностные структуры – на так называемые текстовые сетки, включающие в себя лексические, грамматические и словообразовательные элементы, передающие определенное понятие (например, время или локальность).

Универсальный характер глубинных категорий состоит в том, что они присущи любому художественному тексту, независимо от функционального стиля, жанра и типа текста. В разных жанрах значимость этих категорий будет различной. В исторических текстах особую роль играют время и место действия, образующие хроно-топ. В эссе время и пространство уйдут на второй план, уступая место оценочной категории точки зрения, которая определяет авторскую оценку излагаемого. Однако глубинный характер категории

характерен для каждого текста. Названные категории можно признать универсальными.

Системный характер этих категорий проявляется в том, что они действуют не разрозненно, а «встроены» в единую последовательность, в единую систему. Метод оппозиций здесь не действует: эти категории можно противопоставлять друг другу, что, однако, не дает полноты их описания и взаимодействия в тексте. Тексту тесно в рамках оппозиций. Требуется иной принцип описания текстовых категорий. В этом случае можно предложить принцип включенности: категория, находящаяся в центре (категория хронотопа), обрастая постепенно дополнительными значениями, переходит в новую (категорию координат). Та, в свою очередь, включая ссылку на референт, переходит в следующую за ней категорию (категорию дейксиса), а та, подключив модальную оценку, перерастает в категорию точки зрения. Таким образом, одна категория «вкладывается» в другую, родственную ей по характеру, но более крупную. Возникает единое целое в рамках литературного произведения.

Когнитивный характер категорий состоит в поисках автором истины, в толковании окружающего мира, ориентировании в нем. Цель любого произведения заключается не в поисках особого приема, а в познании мира, в общении между людьми, в самопознании и самопостроении личности. Текст выступает в роли некой «моделирующей системы» (выражение Ю. М. Лотмана), активно формирующей сознание человека. Поэтому глубинные категории рассматриваются с точки зрения их участия в познавательном процессе. Основная задача исследователя в том и состоит, чтобы показать, как человек в процессе коммуникации (а художественная литература и есть особый процесс коммуникации) познает мир [3, с. 58–63].

Параметры текста дают читателю представление о том, как автор текста видит мир, не только через триаду «я–здесь–сейчас», но и оценивая информацию, содержащуюся в тексте, как нечто впервые данное или известное, обобщенное или частное, реальное или ирреальное, желаемое или существующее в действительности.

Всё это исходит из одного из важнейших свойств языка – его антропоцентризма. Он и находит свое выражение в процессе отбора языковых средств, составляющих текст. Та картина мира, которую автор моделирует в тексте, в частности, прибегая к помощи глубинных категорий, проходит через его индивидуальное сознание. «Здесь»

и «сейчас» выступают в роли окружения человека. Через язык показано познание человеком мира. Поэтому глубинные категории рассматриваются не только как формально-смысловые, но и дают глобальную картину видения мира глазами автора текста как субъекта языкового творчества.

Как отмечают И. А. Щирова и Е. А. Гончарова, подчинение анализа человеку приводит его к переосмыслению истины и ее ключевых вопросов, к пересмотру проблем понимания. При прочтении текста расчет идет на соучастие читателя, на активный фактор. Новые смыслы получают и термины «понимание», «интерпретация», «когнитивный» [5, с. 80]. Однако новый подход к этим терминам не исключает и общие принципы научной преемственности как принципы, конкретизирующие развитие науки [там же, с. 81]. Наибольший интерес представляют собой работы, «размывающие» междисциплинарные границы, работы по теории текста, теории дискурса, теории интерпретации [там же, с. 82]. Такой работой, как нам представляется, является и данная статья, находящаяся на стыке двух наук: литературоведения и лингвистики текста.

Итак, категория координат, одна из глубинных категорий, имеет три опорные точки, на которых она основывается. Это уже названные «я», «здесь» и «сейчас», появляющиеся в разных вариантах и указывающие на степень удаленности действия от говорящего. В варианте «я–здесь–сейчас» они указывают на непосредственное участие говорящего в действии, в варианте «ты–около тебя–теперь» – на отдаление говорящего от действия. «Он–там–тогда» означают, что действие еще более отдалено от говорящего.

В стиле художественной литературы это содержательные элементы текста. Человек, время и пространство обязательны для каждого текста и появляются иногда уже в первом абзаце или в первой строке стихотворения, как это видно по тексту О. Мандельштама «Ты прошла сквозь облако тумана»:

Ты прошла сквозь облако тумана,
На ланитах нежные румяна.
Светит день, холодный недужный.
Я брожу свободный и ненужный.

Злая осень ворожит над нами,
Угрожает спелыми плодами,

Говорит вершинами с вершиной
И в глаза целует паутиной.

Как застыл тревожной жизни танец!
Как на всем играет твой румянец!
Как сквозит и в облаке тумана
Ярких дней сияющая рана.

[2, с. 282–283].

Здесь все три составляющие категории координат даны уже в первой строке (категория лица «ты», категория времени «прошла», категория пространства «сквозь облако тумана»).

То же можно увидеть и в стихотворении в прозе, созданном Э. Штриттматтером и записанном в строчку «Wasser im Spätherbst». Здесь преобладание грамматического времени презенс соотносит действие с одним пластом времени художественного – с художественным настоящим. Однородность темпоральной структуры создает смысловую целостность текста, его генерализацию («так было всегда»):

Wasser im Spätherbst

Der Nebel fällt, und die Gräser glänzen. Die Sonne steht schräg, und die Krähen schwärmen. Klar ist das Wasser in Tümpeln und Teichen, rein und durchschaubar, bis auf den Grund. Alles, was sommers im Wasser schwebte, sank in die Tiefe, lebt dort im Sumpf. Sommer und Winter – Steigen und Sinken. Aber im Frühling entfliegen dem Moder blaue Libellen und schweben im Grün [6, с. 29].

Обращение к временной форме презенс может рассматриваться здесь и не только как обобщение, генерализация, но и как описание действия повторяющегося, итеративного. Об этом свидетельствуют временные существительные *Herbst–Winter–Frühling–Sommer*, образующие цепочку и связывающие в единый, повторяющийся годовой цикл четыре времени года.

У О. Мандельштама мы видим лишь одно время года – осень, но глаголы стоят (кроме первой строки) тоже во времени настоящем.

Оно, время, и связывает отдельные предложения в единый текст. Эту же задачу выполняет локальная структура текстов. Она представлена в тексте Э. Штриттматтера именами существительными, проходящими через весь текст и образующими топикальную цепочку. Эта цепочка также связывает воедино отдельные предложения: ...*das*

Wasser in Tümpeln und Teichen ... bis auf den Grund ... im Wasser ... die Tiefe ... im Sumpf ... dem Moder ... im Grün.

У О. Мандельштама читаем: ... *сквозь облако тумана ... на лани-тах ... на всем ... в облаке тумана.* Здесь локальных указателей значительно меньше, но они от этого не теряют своей значимости.

На выполнение этой же задачи – передачу ощущения авторского восприятия времени года – нацелена и персональная сетка. В тексте Э. Штриттматтера она представлена формами 3-го лица единственного и множественного числа и также связывает воедино отдельные предложения.

У О. Мандельштама это и 2-е л. глагола («ты *прошла...*»), и притяжательное местоимение 2-го л. («... *твой* румянец...»), а в основном – здесь «чересполосица» (термин Т. И. Сильман), передающая смятение автора. Наряду со 2-м л. ед. и мн. числа («... *на ланитах нежные румяна ...*») вводится и 3-е лицо («*светит* день ...»), и 1-е л. ед. числа («... *я брожу ...*»).

Здесь же необходимо отметить и разницу в текстовой категории координат, а тем самым и в ее когнитивном аспекте, в восприятии этими авторами мира.

Э. Штриттматтер показывает читателю природу поздней осени. Тем не менее у читателя не складывается отношения к ней как к неизбежности и, тем самым, ощущения подавленности и страха перед миром.

Восприятие же О. Мандельштама, судя по его замечательным, волнующим стихам, всегда отрицательное. Его мир – «маятник», который хочет быть его «судьбой». Мир чужд ему. «Недоволен стою и тих / Я, создатель миров моих...». Читатель не знает, как не знает и сам автор стихов, что перевесит в его сознании: «сегодня», в котором мы живем, «вчера», в которое уходят корнями все наши волнения, тревоги и проблемы, или «завтра» с его мечтами, желаниями и надеждами. Читатель не знает поэтому, будет ли его судьба тем «маятником», о котором говорит автор. Возможно, что отрицательное отношение к миру – это отношение автора стихов. Вполне допустимо, что такое мироощущение выступает свидетельством предчувствия автором всех сложностей своей судьбы, всех трудностей, предназначенных ему будущим. Отсюда и «омут, злой и вязкий», из которого он пришел в этот мир, отсюда и «темница мира», и «скудный луч», и «мороз вечности», и «черный ветер», и «дурной день», и «сумрачных скал сень», и еще многое другое.

Таким образом, три указателя (на время, на пространство и на лицо), объединенные в глубинную категорию координат, определяют и жанровые характеристики приведенных лирических текстов.

Конечно, можно согласиться с И. А. Щириной и Е. А. Гончаровой в том, что субъективность не облегчает понимание сущности текста [5, с. 5] и лингвистика текста рассматривается как часть общих междисциплинарных наук [там же, с. 18]. Однако и эти термины могут быть поняты по-разному. Теория текста, как известно, возникает в XX в. на пересечении текстологии, лингвистики, поэтики, риторики, прагматики, семиотики, герменевтики и других направлений [там же, с. 19], а текст понимается как единство многоаспектное, многомерное и многофункциональное [там же, с. 23].

Закончить статью можно словами И. А. Щириной и Е. А. Гончаровой о коммуникативно-творческой стратегии автора и о функциях, выполняемых повествователем (нарратором) текста, о важности «человеческой составляющей» научного знания. Однако чтение монографии И. А. Щириной и Е. А. Гончаровой [5], равно как прочтение стихов О. Мандельштама [2] и миниатюр Э. Штриттматтера [6], даст читателю значительно больше, нежели рассуждения автора статьи на тему «Как я понимаю стихи».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лотман М. Ю.* Культура и взрыв. – М. : Гнозис; Прогресс, 1992. – 272 с.
2. *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений. – СПб. : Азбука ; Азбука – Аттикус, 2014. – 928 с.
3. *Ноздрина Л. А.* Интерпретация художественного текста. Поэтика грамматических категорий: учеб. пособие. – М. : Дрофа, 2009. – 360 с.
4. *Степанов Ю. С.* В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М. : Наука, 1985. – 335 с.
5. *Щирова И. А., Гончарова Е. А.* Текст в парадигмах современного гуманитарного знания. – СПб. : Книжный дом, 2006. – 192 с.
6. *Strittmatter E.* Wasser im Spätherbst // Vom Geschmack der Wörter. Miniaturen. – Berlin : Buchverlag Der Morgen, 1983. – S. 29.

УКД 82-243

Е. А. Осьминина

доктор филологических наук, профессор кафедры мировой культуры ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: eleosminina@mail.ru

ОБРАЗЫ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЭЗИИ З. Н. ГИППИУС

В статье выделены средневековый замок во Франции, скульптура Медного всадника в Петербурге, образы Офелии, Корделии и Дон-Жуана в поэзии З. Гиппиус. Анализируется их интерпретация исходя из историко-культурного контекста начала XX века. В трактовке «Вечных образов» Гиппиус следует традиции Мережковского, наполняя их иным, религиозно-философским содержанием, а также общей традиции символистского жизнетворчества, используя их как «знаки» в литературной игре.

Ключевые слова: Гиппиус; Мережковский; Медный всадник; Офелия; Корделия; Дон-Жуан; имагология.

Osminina E. A.

Advanced Doctor (Philology), Professor, Department of World Culture, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU;
e-mail: eleosminina@mail.ru

IMAGES OF THE WORLD CULTURE IN Z. N. HIPPIUS'S POETRY

The article highlights the medieval castle in France, the statue of the Bronze Horseman in St. Petersburg, the images of Ophelia, Cordelia and Don Juan in Gippius's poetry. We analyze their interpretation based on the historical and cultural context of the early twentieth century. The interpretation of "eternal images" follows the tradition of Gippius Merezhkovsky, filling them otherwise, religious and philosophical content, and the common tradition of Symbolist zhiznetvorchestva, using them as "signs" in the literary game.

Key words: Gippius; Merezhkovsky; Bronze Horseman; Ophelia; Cordelia; Don Juan; imagology.

В рамках курса «Техника анализа текстов культуры» и «Современные техники анализа текстов культуры» возникает необходимость в конкретных примерах и разборах, демонстрирующих применение той или иной техники. Таким примером и служит предлагаемый ниже анализ: образов мировой культуры в поэзии З. Н. Гиппиус.

Выбор поэта обусловлен следующим. С одной стороны, Гиппиус представляет старшее поколение русских символистов, оказываясь (вместе со своим мужем Д. С. Мережковским), идейным вдохновителем и выразителем целого направления. Именно поэтому коннотация образов ясно соотносится с доктриной символизма, может быть

достаточно четко объяснена. С другой стороны, образов культуры в узком смысле (не как обобщений, касающегося целого города, страны или региона, а как толкований отдельных произведений искусств) у нее не так много, как у других символистов, поэтому не стоит вопрос о «выборке»; можно рассмотреть весь массив стихотворений, изданных при жизни поэта.

Из пространственных искусств в них фигурирует статуя Медного всадника в Петербурге и замок в Приморских Альпах; из временных – Офелия и Дон-Жуан, бегло упоминаются Корделия и Сольвейг.

В основе традиции изображения Медного всадника – одноименная поэма А. С. Пушкина; всякий последующий поэт и писатель учитывает классическую трактовку как силы власти. Для Гиппиус Медный всадник – олицетворение и знак Петербурга, образ появляется в стихах, посвященных городу: «Петербург» (1909), «Петроград» (1914, оп. 1917), «Петербург» (1919, оп. 1923), «Лазарь» («Рыжее кружево», 1922, оп. 1923) – и в связи с революционными событиями. В классических терминах поэтики жанр этих произведений может быть определен как сатира, восходящая к «негодующей» сатире Ювенала.

Первый «Петербург» (1909) связан с истоками русской революции – с движением декабристов. Время написания сатиры совпадает с годами работы Д. С. Мережковского над романом «Александр I», второй частью трилогии «Царство Зверя» (вторая и третья части ее посвящены декабристам, а вся трилогия – смене власти). Эпитеты и метафоры писателя прямо переходят в стихотворение поэтессы.

У Мережковского: «И трупным запахом проникает мутно-желтый, удушливо-едкий туман сквозь окно в комнату, сжимает горло, саднит грудь так, что нечем дышать» [6, с. 310]. «Красные блески, черные тени упали на Медного Всадника, и как будто ожил он, задвигался. Гранитное подножье залило водою; черная вода, освещенная красным огнем, стала как кровь. И казалось, он скачет по кровавым волнам» [там же, с. 340].

У Гиппиус:

«Из скверов тянет трупной мглой», «Река не смоет рыжих пятен // С береговых твоих громад» [4, с. 143].

Петербург изображен негативно как колыбель самодержавия. И в описании Медного всадника, как замечает литературовед Н. В. Королева, нет самого Петра, «есть только медный змей и медный конь» [5, с. 284]:

Как прежде, вьется змеей твой медный,
Над змеем стынет медный конь... [4, с. 143].

Второе обращение Гиппиус к образу статуи и образу города – сатира «Петроград» (1914, оп. 1917), отклик на переименование столицы, также негативный. Сам город уже осознается как «совершенное деянье рук», «создание революционной воли», обличается «растерянная челядь», т. е. чернь. К борьбе с ней и призывается статуя Медного всадника:

На помощь, Медный Вождь, скорей, скорей! [там же, с. 207].

Третья сатира «Петербург» (1919, оп. 1923) отсылает к первой: и названием, и эпиграфом из нее, и первыми строками первой строфы, и повторением некоторых образов, в том числе и характеристика памятника:

Какая мга над змием медным,
Над медным вздыбленным конем [4, с. 237].

Повторен и размер – 4-стопный ямб, два пиона IV, альтернирующий вторичный ритм, и строфика: семь четверостиший, и рифмика: перекрестная рифмовка ЖМ. Для сравнения – «Петроград» написан 5-стопным ямбом, в нем шесть четверостиший, рифмовка та же.

Но адресат сатиры другой – Гиппиус призывает к свержению не самодержавия, а большевистской власти.

И самое совершенное изображение: и Петербурга, и революции (в этой связи и упоминание памятника) дано в последнем обращении к теме – балладе «Лазарь» (первое название «Рыжее кружево», 1922, оп. 1923), получившей высокую оценку в русской эмигрантской критике. Образы и цвета повторяются, но усиливаются. Рыжие пятна – уже не только на камне, но и на досках, и на снегу («Рыжее кружево на снегу»). Они не могут быть ржавчиной – это кровь, которую проливает революция, «пустоглазая» девочка с красной лейкой. Повторяющиеся согласные «р», «ж», «з» создают впечатление скрежета, общей дисгармонии: «Скалится девочка: “Везде побрызжем!” ... а снег дымится кружевом рыжим // рыжим, рыжим, рыжей вина» [4, с. 280–281]. Дисгармония подчеркнута и размером – это 4-иктный расшатанный дольник.

В балладе упомянуты все фигуры памятника:

Петр чугунный сидит молча,
Конь не ржет и змеей ни гу-гу [4, с. 281].

Вместо классического «медного» (хотя в реальности он из бронзы, куда входит и медь) – памятник назван «чугунным». Эпитет создает ощущение тяжести, неподвижности (хотя в реальности медь тяжелее чугуна) и, в конечном счете, бессилия основателя города. Это подчеркивается и обращением с реминисценцией из «Медного всадника» А. С. Пушкина («Добро, строитель чудотворный»):

Ты Строитель, сам пустоглазый,
Ну и добро! Когда бы не истлел ... [там же, с. 281].

То есть сила, обозначенная образом (русская история, русская власть, русская культура), не способна справиться с революцией. Надежда остается только на чудо, на религию. Кто спасет Петербург?

Кто? Не Петр. Не вода. Не камень
Близок Кто-то. Он позовет.
И выйдет обвязанный пеленами.
«Развяжите его. Пусть идет» [там же, с. 281].

Последняя строка – дословная цитата из Евангелия от Иоанна (XI, 44), изменены только знаки препинания. Обе цитаты: и пушкинская, и библейская, – отмечены А. В. Лавровым в комментариях к балладе [там же, с. 524].

Таким образом, Медный всадник сначала олицетворяет пороки, затем надежду и, наконец, бессилие – можно сказать, бессилие Культуры перед лицом людской Стихии.

Второй «пространственный» образ Гиппиус – замок, описанный в эмигрантских элегиях «Гудрон» (1923, оп.1924) и «В старом замке» (оп. 1930). Гудрон – селение в Приморских Альпах, между Ниццей и Грассом (где Мережковские гостили у Буниных летом 1923 г.).

Обе элегии построены противоположно-подобно. В первых двух строках первого и второго четверостишия «Гудрона» упомянуты «Суровый замок», «Бойниц замшелых удивленный камень» [там же, с. 345], а в третьей и четвертой соответственно – голуби, тучи, женщина-монахиня. В первом четверостишии элегии «В старом замке» упомянуты «птичий вскрик», «лунный сверк», а во втором:

Древнее молчанье
Башен тяжелых.
Тень и молчанье
в бойницах полых [4, с. 361].

Замок награждается негативными эпитетами, связан с суровостью, тяжестью, молчаньем; ему противопоставлена живая природа. Но замок олицетворяет Культуру, которая, таким образом, снова оказывается в оппозиции, на этот раз к Природе, и снова несостоятельна – перед живым воспоминанием и чувством (которые упоминаются в последних четверостишиях обеих элегий). Силлаботоника расшатывается: первая элегия – вольные ямбы, во второй: первая строфа – строчный логоэд, вторая и третья – 2-иктный дольник.

Человек для Гиппиус важнее артефакта. Этот ее подход существенно отличается от подхода Д.С.Мережковского (в целом их религиозно-философские системы совпадают). Для последнего оппозиция Природа–Культура понимается как антиномия Материи и Духа, с главенством Духа. Для первой – как противопоставление Жизни и Смерти, с преимуществом Жизни. Гиппиус интереснее были люди, Мережковский охотнее сидел за книгами (хотя он хорошо понимал людей, а она – самые сложные философские построения).

И если Гиппиус обращается к литературным образам, она эти построения использует. Но образы берет себе близкие, понятные, связанные с темой, которая волновала ее более всего. Это женские образы и тема взаимоотношений мужчин и женщин – в диалоге «Женское» (1907, оп. 1910), послании «Напрасно» (1918, оп. 1922), монологе «Ответ Дон-Жуана» (1924, оп. 1926), элегии «Вечноженственное» (оп. 1928). Соответственно упоминаются Офелия, Корделия, Дон-Жуан и Сольвейг.

Наибольший интерес, в том числе и с историко-библиографической стороны, представляет первый диалог. Дело в том, что Офелия в нем прямо не названа, поэтому и не указана А.В.Лавровым в комментариях. Между тем, атрибуция очевидна по ряду признаков и образов.

В «Гамлете» королева рассказывает о гибели безумной Офелии:

Есть ива над потоком, что склоняет
Седые листья к зеркалу волны;
Туда она пришла, сплетя в гирлянды
Крапиву, лютик, ирис, орхидеи...
Она старалась по ветвям развесить
Свои венки...

[7, с. 246].

У Гиппиус:

Где гниет седеющая ива,
Где был и ныне высох ручеек,
Девочка, на краю обрыва,
Плачет, свивая венки ...
Я подумал: это святая,
или безумная ... [4, с. 179].

Но далее «девочка» Гиппиус обнаруживает совершенно иные качества, нежели шекспировская героиня. Настоящая Офелия в разговорах с Гамлетом предстает цельной личностью, обладающей чувством собственного достоинства; ее сводит с ума смерть отца от руки жениха.

«Девочка» Гиппиус – никакая, безлика; ее главные черты – незнание и «небытие». Она несколько раз повторяет: «Я плачу оттого, что меня нет», «меня не будет – и теперь нет», «того, кого нет, – нельзя спасти», «это Бог не дал мне – быть» [4, с. 179–180]. Причем все приведенные строки – последние в третьем, четвертом, шестом и седьмом четверостишии, а для Гиппиус всегда значима и наиболее нагружена смыслом последняя строка (строфы, стиха или цикла). В последних двух четверостишиях ставится под сомнение не только бытие, но и сознание: «Я ни смерти, ни любви не понимаю», «Зачем я плачу – тоже не знаю» [4, с. 180]. Отсутствие смысла подчеркивается и отсутствием упорядоченности в форме: диалог представляет собой акцентный стих с цепной рифмой (она использовала тонику очень рано, хотя, как указывает М. Л. Гаспаров, «в дальнейшем предпочитала более традиционные формы» [4, с. 294]).

Но безумие Офелии – потеря разума, который был. У девочки Гиппиус же – изначальное отсутствие как сознания, так и существование. По другим стихотворениям, посвященным гендерной проблематике, понятно, что имеется в виду: женщина исчезает вообще, когда исчезает для мужчины. Достаточно ясно это объясняется в послании «Тварь» (1907, оп. 1908). «Царица вечно-ясная, Душа моей души» оказывается «рожденною лишь волею моею»; когда же исчезает эта воля, она обречена на гибель:

Шатаясь, отодвинешься, –
Чуть ослабею я...
И молча опрокинешься
Во мглу небытия [там же, с. 181].

Тот же самый смысл имеет и прозаический рассказ, под тем же названием «Тварь» (1905), где дан более негативный аспект «женского».

Поэтому крайне важно, что диалог «Женское» написан от лица героя-мужчины («я увидел», «я подумал»), образ и слова девочки даны в его восприятии и пересказе.

Тот же герой-мужчина предстает в послании «Напрасно» (1918, оп. 1922):

И, может быть, напрасно я
Тебе так верен» [4, с. 230].

И героиня реагирует сходно и получает сходные эпитеты:

Всю душу не тебе ли я
Несу, но тщетно
Как тихая Корделия
Ты неответна [там же, с. 230].

Здесь образ больше соответствует исходному, шекспировскому, который поэтому и назван по имени.

Мужской взгляд на женщину приводится и в монологе «Ответ Дон-Жуана» (1924, оп. 1926). Это отклик на стихотворение Г. Адамовича «Дон-Жуан, патрон и покровитель...», произведения были напечатаны вместе, оба они написаны 5-стопным хореем.

Гиппиус, как при изображении Медного всадника, обнаруживает здесь следование отечественной традиции. Ее Дон-Жуан – не мольеровский, а пушкинский, который ищет свою единственную женщину. Но эта единственная становится одной, а Дон-Жуан превращается, по сути, в «рыцаря бедного». Отсюда и строки:

Кармелитка, донна Анна... Ждало
Сердце в ней найти одну – Ее [там же, с. 52].

Донна Анна – героиня легенды, а под кармелиткой подразумевается или Тереза Авильская, или Тереза Лизьезкая, обе они были монахинями этого ордена, и им обоим посвящали: свою прозу – Мережковский, и свои стихи – Гиппиус. В этой же чередой героинь, как персонификации Одной, дважды упомянута и Сольвейг (героиня пьесы Г. Ибсена «Пер Гюнт») в элегии «Вечноженственное» (оп. 1928): «Сольвейг, Тереза, Мария» [там же, с. 266]. Здесь трактовка Гиппиус полностью соответствует религиозно-философским построениям

Мережковского (до известной степени пытавшегося осуществить синтез язычества и христианства).

Получается, что женский образ в восприятии мужчины двойся: между небытием, неотвечностью – и единственностью, чуть ли не святостью. Источник такого изображения находится по статье Гиппиус «Зверобог» (оп. 1908), где анализируется работа О. Вейнингера «Пол и характер» (1903). Со ссылкой на авторитет австрийского философа, популярного в начале века, Гиппиус описывает мужское видение женщины: как зверя, которого надо поймать, или как богини, которой следует поклоняться, но не как человека, личности. Следующая цитата прямо объясняет вышеприводимые эпитеты из ее стихотворений: «В женском начале нет памяти, нет творчества, нет личности. “Чистая” женщина (“Ж”) не может быть безнравственна, ибо она всегда – вневневнравственна. <...> Мужчина – всегда субъект, женщина – всегда объект ... если она мне никак не нужна – она не существует. Объекта нет, если отходит наблюдающий» [3, с. 324–325].

Второе объяснение женской двойственности у Гиппиус можно найти в «Софианском мифе» Вл. Соловьева, раздваивающейся Софии. Первая – «лучезарное и небесное существо», вторая – «мировая душа», отождествляемая с Хаосом. В своих мемуарах Гиппиус указывает, что читала Соловьева, кроме того, философ оказал большое влияние на младшее поколение русских символистов и похожее толкование «Вечной женственности» можно найти у А. Блока. С одной стороны – это Прекрасная Дама в цикле «Стихи о Прекрасной Даме» (оп. 1903), с другой – «мертвая кукла» [1, с. 151] в статье «О современном состоянии русского символизма. Ответ Мережковскому» (1910).

И в этой связи выделяется еще одно свойство символики Гиппиус. Оно соотносится не только с прошлым, литературной традицией, но и настоящим; знаки становятся кодами в разговоре с современниками. Образ Офелии – реплика в разговорах с Блоком, для которого «Гамлет» был темой и жизни, и творчества (как известно, он играл в домашних спектаклях и посвящал стихи шекспировским героям). И «Зверобог», и «Женское» написаны в девятисотые годы, время частых разговоров Гиппиус с Блоком: нескончаемых полных разговоров, которые упоминаются и в письмах одного, и в мемуарах другой, разговоров о поэзии, о любви (а потом и о революции). И символы «зари», «сада» в послании «Напрасно» – это символы, связанные с «Прекрасной Дамой» Блока.

Судьба подарила Гиппиус не только встречи с талантливейшими людьми своего времени; но и дар критический, оценки этих талантов. Она понимала масштаб личности Блока (на наш субъективный взгляд – самого гениального из ее современников). И продолжала поэтический разговор с ним во многих стихах. Даже после его смерти.

Таким образом, поэзия Гиппиус интертекстуальна по отношению и к прошлому, и к настоящему. Образы Медного всадника и Дон Жуана связаны с поэзией Пушкина и Адамовича, образы Офелии, Корделии, Сольвейг – с произведениями Шекспира, Ибсена, Блока и Мережковского.

Она использует атрибуты художественных образов (части памятника, например, или элементы описания героини, или само имя), но придает образам иное, свое значение. Оно соответствует религиозно-философским идеям кружка Мережковского или согласуется с философскими теориями начала века. Это значение часто двойственно, дуалистично. Или это двойственная трактовка «Вечноженственного», или оппозиция «Природа–Культура». В качестве объяснения предположим восхождение к антиномичности, присущей построениям символизма как неоромантизма (а значит, восходящей к теориям отца романтизма, Ф. Шеллинга).

Таким образом, в образе (символе) выделяется первичный историко-культурный смысл (основное значение), которому дается новое толкование, в духе собственной религиозно-философской системы, с учетом иных толкований и использований символа в свое время. Именно так строит свои образы Д. С. Мережковский (о чем уже писали неоднократно), именно этой схеме и следует Гиппиус.

Но есть у нее и собственная, индивидуальная, особенность такого построения. В свои образы мировой культуры она вкладывает значение, связанное с конкретной ситуацией, разговором с определенным собеседником, личными отношениями с ним; чего у Мережковского гораздо меньше (в «культурологической» прозе). Эту особенность можно встретить у поэтов-символистов, особенно младшего поколения, связанных с Гиппиус взаимными влияниями. Она играет с образами, использует их как знаки, коды, реплики для узкого круга «посвященных» – что является важнейшей чертой символистского «жизнетворчества».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Блок А. А.* Соч.: в 2 т. – Т. 2. – М. : ГИХЛ, 1955. – 848 с.
2. *Гаспаров М. Л.* Русский стих начала XX века в комментариях. – М. : КДУ, 2004. – 312 с.
3. *Гиппиус З. Н.* Собр. соч. – Т. 7. Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899–1916 гг. – М. : Русская книга, 2003. – 528 с.
4. *Гиппиус З. Н.* Стихотворения. – СПб. : Академический проект, 1999. – 592 с.
5. *Королева Н. В.* Зинаида Гиппиус // Русская литература 1920–1930-х гг. Портреты поэтов: в 2 т. – Т. 2. – М. : ИМЛИ РАН, 2008. – С. 271–321.
6. *Мережковский Д. С.* Собр. соч. : в 4 т. – Т. 3. – М. : Правда, 1990. – 557 с.
7. *Шекспир В.* Избранные произведения. – Алма-Ата: Мектеп, 1980. – 736 с.

УДК 81'42

Е. А. Северина

соискатель кафедры лексикологии и стилистики факультета немецкого языка МГЛУ; e-mail: ratriniada@mail.ru

ФЕЛЬЕТОН КАК СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

В статье описываются жанровые признаки фельетона, демонстрирующие особенности его риторической структуры, объективируемой при помощи стилистических средств. Фельетон рассматривается как особый вид очерковой публицистики, воздействующий на читателя через актуальность темы, использование средств выразительности, применение стилистических приемов, иронии, сарказма и др.

Ключевые слова: фельетон; языковые средства и стилистические фигуры; публицистический дискурс; функции фельетона; воздействовать на читателя.

Severina E. A.

Research Student, Department of English Lexicology, The Faculty of English, MSLU; e-mail: ratriniada@mail.ru

FEUILLETON AS A SPECIAL TYPE OF LEVERAGING PUBLIC OPINION

The article describes genre characteristics of the feuilleton that demonstrate specific features of its rhetorical structure using characteristic figurative devices. Feuilleton is a special type of social and political journalism, which influences readers highlighting a topical issue, using figurative devices of fiction and journalistic texts, employing rhetorical devices, irony, sarcasm et al.

Key words: feuilleton; fiction and journalistic style; journalistic discourse; functions of the feuilleton; to influence readers.

Для современной публицистики характерно широкое разнообразие жанров, однако только фельетон способен так сильно воздействовать на читательскую аудиторию. Этот жанр относительно молодой. «Возникший как раздел в газете, назначение которого было приблизить информационное издание к целям печатной публицистики и художественной литературы (необходимость обличать, развлекать), фельетон постепенно становится частью “большой литературы”, жанром сатирическим, бичующим, обуславливает актуальность его

исследования» [13, с. 76]. Для дальнейшего более точного анализа этого жанра возьмем за основу следующее определение: «Фельетон – это художественно-публицистический жанр, в котором комичная сущность негативных явлений и ситуаций действительности раскрывается путем инверсионной, ассоциативной разработки темы с использованием приемов иносказания» [19, с. 19].

На сегодняшний день роль фельетона в общественной жизни настолько велика, что посредством его журналист может воздействовать на общественное мнение. Описывая недостатки в различных сферах социальной жизни (экономической, политической, социально-бытовой, культурной), он подмечает и высмеивает проблемные ситуации, тем самым искореняя их, т. е. суть фельетона раскрывается в цитате великого отечественного классика, Н. В. Гоголя: «Насмешки боится даже тот, кто уже ничего не боится на свете» [5, с. 543]. В этом высказывании отражены назначение, цель и роль фельетона, так как на сегодняшний день фельетон не потерял своей радикальности и решительности. Он по-прежнему остается излюбленным и действенным приемом журналиста. Используя все богатство возможностей этого жанра, фельетонист может не только подметить отрицательные явления общественной жизни, но и повлиять на общепринятое мнение.

Эту функцию подметил М. Ю. Левидов и дал образную характеристику этому жанру: «Статья – артиллерист. Заметка – пехотинец. Фельетон – летчик, бомбометатель. Заметка сообщает о подлости. Статья доказывает ее, осуждая. Фельетон высмеивает, делая ее глупой» [16, с. 23].

Подобным образом определяет Н. Н. Кенжегулова одну из основных задач фельетона – «осмеяние действительности» [12]. По ее мнению, автор не стремится вызвать смех у читателя. Напротив, своей работой он побуждает испытывать негодование сложившейся ситуацией, обращает внимание общественности на «грубые» факты и раскрывает их во всей полноте. То есть «в одном случае сатирик стремится вызвать презрение к людям определенной нравственной категории, в других – возбудить гнев, ненависть, в-третьих, показать ничтожность носителей зла, обреченность и никчемность их методов действий» [там же].

В газете «Аргументы и факты» приведены данные опроса: «Что сегодняшний читатель и телезритель ждет от средств массовой информации» [1]. По данным опроса, около 67% респондентов

ответили, что ждут от СМИ информации, и лишь десятая часть опрошенных согласилась на воспитательную роль так называемой четвертой власти. Тем не менее одной из задач фельетона является формирование общественного мнения. Этот жанр является одним из самых мощных средств формирования мнения широкого читателя. Пожалуй, другие публицистические жанры не могут сравниться с ним в эффективности. Исходя из вышеизложенного, выделим следующие функции фельетона:

– передача социально-важной информации. Нередко журналист выбирает для своего текста темы и сюжеты на назревшие политические, экономические и социокультурные проблемы. Таким образом, фельетонист подбирает для своей работы те факты, которые считает важными, злободневными и заслуживающими внимания читателя. И именно от позиции автора зависит, какие факты и явления, происходящие в общественно-политической жизни общества, будут отобраны для темы или сюжета фельетона. Также имеет большое значение отношение фельетониста к описываемой ситуации, потому что от этого зависит подача и описание заинтересовавших его событий;

– формирование общественного мнения и социальной позиции читателя. Часто фельетон, написанный в легком, ненавязчивом стиле, привлекает и заинтересовывает читателя. Он может даже воспринимать эту информацию не достаточно серьезно и отнестись к данному материалу как к статье развлекательного характера. Но фельетон, написанный живо и остро, может надолго сохраниться в памяти.

Психологами, в том числе Б. А. Грушиным, доказано, что: «СМИ через воздействие на общество в целом воздействуют на каждого человека в отдельности, формируя определенные одинаковые эмоции и действия. Таким образом, благодаря СМИ формируется общественное мнение – состояние массового сознания, заключающее в себе скрытое или явное отношение различных социальных общностей к проблемам, событиям действительности» [7, с. 64–65]. Следовательно, мы можем заключить, что одна из главных задач фельетона – запечатлеться в памяти. Для этого необходимо поразить и/или заинтересовать читателя. Тогда он будет еще ни раз подвергать критике и анализу полученную информацию, тем самым фельетон либо меняет точку зрения читателя, либо укрепляет уже имеющуюся.

Фельетонист во время написания своего произведения отображает в работе наиболее жизненные и занимательные, по его мнению,

вопросы. Важная особенность этого жанра обусловлена, прежде всего, тем, что автор создает зримый образ отрицательного явления, которое может затрагивать интересы некоторых социальных групп, а нередко и всего общества в целом.

Отсюда следует, что написание одной фельетонной статьи требует тщательной подготовки. Е. И. Журбина в своей работе «Искусство фельетона» следующим образом обобщает работу журналиста, которая может привести к успеху фельетона: «Типические конфликты здесь делаются сами “элементом содержания” произведения. Они представлены нам с определенной и строго отграниченной точки зрения, точки зрения художника-публициста. Писатель как бы уже проделал какую-то часть работы за читателя. Он не только выбрал из жизни факты, он соотнес их смысловое наполнение под углом зрения своего замысла и сделал выводы, то есть предъявил жизненные материалы читателя, подчинив их своей “внутренней” задаче» [10, с. 209].

Таким образом, можно утверждать, что при создании фельетона автором была проделана значительная работа:

- отобран факт, актуальный для определенной читательской группы;
- проведен анализ выбранной проблемы на злободневность и остроту ее для современной ситуации;
- использованы определенные стилистические и риторические средства для привлечения внимания читателя. Эта часть работы является наиболее сложной, так как требует от автора особого мастерства.

Помимо этого фельетонист должен хорошо разбираться в сложившейся политической и социокультурной обстановке, что помогает ему тонко высмеивать и отражать действительность. В противном случае, его фельетон может превратиться в едкую и желчную критику.

У фельетона есть некоторые характерные черты, которые и оказывают такое сильное влияние на широкого читателя. Журналист выбирает явление, которое идет вразрез со сложившимися общественными нормами, другими словами, в основе фельетона лежит конфликт. «Конфликт в фельетоне отличает публицистическая насыщенность, это значит, у конфликта присутствует характер внутреннего противоречия, несоответствие того или иного факта с идеалом. Этот эффект достигается путем резкого преувеличения или преуменьшения явления, то есть при помощи нарушения обычных реальных форм явления» [8, с. 35]. Однако не каждый сюжет может быть интересен и воспринят

аудиторией. Журналист перед работой с текстом тщательно выбирает факт, о котором стоит написать. А. А. Тertyчный дает следующее определение факту, на котором фельетонист может заострить и остановить свое внимание: «Для фельетона подходит только особый факт, а именно – содержащий в гипертрофированном виде черты, типичные для явлений того класса, к которому он относится. Причем это должны быть черты, достойные осмеяния (нельзя, например, высмеивать трагические события). Разумеется, фельетон может строиться не на одном факте, а на их совокупности, что чаще всего и происходит. В этом случае типичное выступает как определенная закономерность, связывающая ряд отдельных фактов. А факты, в свою очередь, выступают как опорные точки сатирической типизации, т. е. создания сатирического образа определенного жизненного явления, которое таким путем сводится до уровня ущербного» [20, с. 267].

Этого мнения придерживались разные ученые, среди них И. А. Груздев: «Смысл фельетона в обобщении, типизации факта, в отшлифовке его до размеров общественного явления» [14, с. 163].

А. А. Д'Актиль: «...отправной точкой ... фельетона должен непременно быть сегодняшний случай, последний по времени факт» [там же, с. 163].

В фельетоне достоверность фактов, используемых автором, является обязательным условием. «Чаще всего факты освещаются сатирически. Факты эти не поглощаются замыслом автора, а остаются практически неизменными» [15, с. 14].

Фельетонисты «разбавляют» факты стилистическими средствами, чтобы сделать текст более живым и интересным для читателя. В своих произведениях они заимствуют популярные сюжеты из книг мировой и отечественной классики, пародируют известные произведения. Подобные приемы используются для наглядности и развенчания негативного явления с помощью сатирического образа. Нередко автор обобщает негативные события и, подытоживая их присущими фельетону средствами, акцентирует отрицательную направленность происходящих явлений в обществе. В результате фельетонист подсказывает путь их преодоления или благодаря иронии, сарказму делает невозможным их последующее существование. Рассмотрим пример подобного фельетона:

Es ist daher tief ironisch, dass uns sein Name heute ausgerechnet dann begegnet, wenn von exotisch-exklusiver Urlaubsträumerei die Rede ist. Denn

die einsame Insel, auf der Robinson nach seiner Schiffbruchkatastrophe 28 Jahre ausharrt, ist ein oder Ort, ein Paradies nach dem Sündenfall, wo er im Schweiß seines Angesichts das Überleben üben muss, wo ihn Fieberfröste schütteln und Alpträume plagen und wo er schließlich einen Papagei zum Sprechen bringt, um so etwas wie Kommunikation wenigstens zu simulieren [23].

В этом фельетоне «Unsere Romanhelden. Robinson Crusoe», опубликованном в немецкой газете Frankfurter allgemeine Zeitung речь идет о ныне популярных экзотических курортах. Автор фельетона Т. Деринг посмеивается над рекламодателями турагентств, которые для привлечения туристов расписывают достоинства необычного отдыха. При этом сравнивается этот «эксклюзивные грезы об отпуске» (ср. нем. exklusiver Urlaubsträumer) с приключениями Робинзона Крузо. Однако фельетонист находит в этом сравнении глубокую иронию:

Denn die einsame Insel, auf der Robinson nach seiner Schiffbruchkatastrophe 28 Jahre ausharrt, ist ein oder Ort, ein Paradies nach dem Sündenfall, wo er an Schweiß seines Angesichts das Überleben üben muss, wo ihn Fieberfröste schütteln und Alpträume plagen und wo er schließlich einen Papagei zum Sprechen bringt, um so etwas wie Kommunikation wenigstens zu simulieren.

Ср. рус.: «...так как необитаемый остров, на котором Робинзон пробыл 28 лет после кораблекрушения, где он трудился в поте лица, чтобы выжить, где он трясся в ознобе и терзался ночными кошмарами и где он в конце концов научил попугая говорить, чтобы хоть как-то имитировать общение».

Таким образом, немецкий журналист предлагает рассматривать это сравнение с известным литературным персонажем глубже. Эта метафора как нельзя лучше описывает реальное состояние курорта, где путешественникам придется столкнуться с многими трудностями, о которых они и не подозревали.

Фельетон может предстать в самых разнообразных формах. В современной специальной литературе выделяют несколько видов фельетона: фельетон-статья, фельетон-корреспонденция, фельетон-очерк, фельетон-зарисовка; фельетон в стиле деловых бумаг: фельетон-жалоба, фельетон-заявление; драматические фельетоны: фельетон-пьеса, фельетон-скетч и т. д. [12]. Впрочем, существует несколько классификаций этого жанра. Многие ученые-лингвисты, занимавшиеся анализом жанровой принадлежности фельетона и его типов предлагали свою собственную классификацию. «Среди огромного

корпуса ... отзывов, комментариев, статей по теории фельетона, авторы которых предлагали собственное ... мнение по проблеме, выделяются редкие заметки, только констатирующие те или иные особенности фельетона, избегающие какой либо оценки» [13, с. 76].

Ученые-лингвисты расходятся в систематизации фельетона по видам. М. Ю. Левидов дает следующую классификацию: «фельетон мысли», «фельетон стиля» и «фельетон факта» [17, с. 18–23]; Б. И. Журбина различает фельетон «ориентированный на факт» и «на вывод» [11, с. 18–35]; М. Браз и М. Гус устанавливают деление на фельетоны «с адресом» и «без адреса» [2, с. 145] и т. д. В этих и других классификациях за основу брались различные принципы: по способу раскрытия проблемы, по функции, модальности, использованию элементов других жанров (очерк, статья, рассказ).

В исследовании мы будем придерживаться классификации, представленной в трудах Н. Г. Богданова, Б. А. Вяземского, Л. Ф. Ершоза. Они различают следующие фельетонные типы.

Фельетон документальный, т. е. фельетон с точными именами, адресами, фактами, событиями, которые имели конкретное место. Документальный фельетон называют также адресным, потому что он написан исходя из реальных событий и чаще всего имеет конкретный адрес критики. Требования, предъявленные к адресному фельетону по точности факта и обоснованности оценки, достаточно высоки [3, с. 315].

Фельетон проблемный. В проблемном фельетоне нет подлинных лиц, герои вымышлены, поэтому такой фельетон называется безадресным. В центре такого фельетона стоит значимая проблема на общие социально-политические темы. В проблемном фельетоне журналист раскрывает актуальные проблемы открыто, а не завуалированно [4, с. 64]. Важно отметить, что в таких произведениях фельетонист более раскован в своей фантазии, ассоциациях, в создании конкретных сатирических образов [4, с. 64].

Выделяют также *фельетон сатирико-юмористический*. Такой фельетон требует индивидуального юмористического или сатирического образа, который способствует раскрытию человека или явления негативного плана [9, с. 8].

Вне зависимости от типа фельетона, будь то фельетон документальный, проблемный или сатирико-юмористический, журналист должен мастерски выстроить сюжет и композицию повествования

так, чтобы забавные ситуации и неожиданные подробности выявляли суть конфликта и черты характера героя, а не отвлекали читателя. При всей кажущейся свободе и причудливости композиции, она должна подчиняться определенным законам ясного выражения публицистической темы и требует скрупулезной работы над языком и отточенности стиля.

Журналисту необходимо придерживаться определенной манеры. Использование газетных штампов и стереотипов оправданно в информационных и аналитических материалах, но совершенно неуместно и недопустимо в фельетоне. Тем не менее казенно-деловой стиль широко применяется фельетонистами для пародирования. Это придает их текстам ярко публицистическую направленность, новые краски и определенную «меткость» в описании общественно-политических сюжетов. Рассмотрим пример фельетона «Denkrause» на политическую тему:

So hatte das der Bundeskanzler am Donnerstag im Bundestag zum wiederholten Mal vorgetragen. Es ist aber nun einmal so, daß dieser „Verfassung“ – wie vielen anderen europäischen Verträgen zuvor – alle EU-Mitglieder zustimmen müssen, damit sie in Kraft treten kann. Nachdem Präsident Chirac auf dem Europäischen Rat gesagt hat, die Entscheidung der Franzosen sei „klar und souverän“ gewesen, braucht auch nicht mehr darüber spekuliert zu werden [24].

В работе автор использует такие выражения, как: «zum wiederholten Mai» (ср. рус. *в очередной раз*), «alle EU-Mitglieder zusammen müssen» (ср. рус. *все члены ЕС должны согласиться*), «in Kraft treten» (ср. рус. *вступить в силу*). Данные обороты речи характерны для официально-делового стиля. Журналист намеренно подбирает именно такие выражения, чтобы подчеркнуть значимость ситуации и передать официально-деловой тон читателю.

Но не только отсутствие определенных клише и газетных штампов отличает фельетон от остальных публицистических жанров, композиция текста тоже существенно отличается от других публицистических жанров. В фельетоне читатель не найдет последовательное и развернутое развитие строго определенной темы. Обстоятельная аргументированная концепция также не является обязательной для фельетона. Для того чтобы расставить акценты и ярко раскрыть суть вопроса, фельетонист использует технику ситуационной деформации,

т. е. смещает оценочные акценты из реальной плоскости в комическую, используя при этом преимущественно средства выразительной публицистики. Для усиления эффекта воздействия на читателя фельетонист досконально продумывает и подбирает персонажей для фельетонного текста.

В 1927 г. Л. П. Гроссман в своей статье «Фельетон – влиятельный литературный жанр» заметил, что: «Подлинный фельетон есть своеобразное литературное произведение, имеющее свою поэтику, свои законы построения, свои приемы оформления, свой отчетливый общий стиль, тематический репертуар, эмоциональную насыщенность и определенную установку на возбуждение иронических, гневных и трогательных эмоций в читателе» [6, с. 36].

Рассмотрим более детально выразительные средства, использующиеся в фельетоне для придания ему выразительности, живости и яркости. Одним из важнейших законов данного жанра является ассоциативность. «При ассоциативном зачине автор привносит элемент эмоционально-образного развития темы ввиду того, что тема будет раскрыта не прямо, а опосредованно, косвенно. При переходе к описанию конкретного жизненного факта этот прием часто вызывает комическое противоречие на стыке двух тем» [4, с. 64]. Приведем следующий пример:

Dieses Floten, aieses Pfeifen, dieses Zwitschern, im Oberdeck des Busses, im Ruhewaggon der Bahn, in der Kassenschlange im Supermarkt. Da nisten Vögel in Textilien. Neuerdings besonders viele. Muss mit dem Frühjahr zu tun haben. Flöt flötflöt flöt flöööt [22].

Автор фельетона «Весной мобильные телефоны заливаются соловьем» (ср. нем. «Wenn im Frühling die Handys flöten») использует в своей работе принцип ассоциативности и сравнивает мелодию звонка мобильного телефона с пением птиц: «У тебя чирикает» (ср. нем. «Bei dir piept's»). Повсюду раздаются мелодия / звуки входящих звонков, принятых СМС и различных уведомлений. «На втором / верхнем этаже автобуса, в зале отдыха на вокзале, в очереди в супермаркете» (ср. нем. «Im Obedeck des Busses, im Ruhewaggon der Bahn, in der Kassenschlange im Supermarkt»). Журналист Г. Бартелс описывает, как в довольно короткий срок мобильный телефон стал неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, и что весной в городе можно чаще услышать электронное «чириканье», чем пение настоящих птиц.

Пародийный юмористический элемент в фельетоне играет важную роль. В первую очередь от всех остальных художественных и публицистических жанров его отличают остроумие и комическое изображение действительности. В обычной жизненной ситуации фельетонист обнаруживает скрытое противоречие, «обнажает» его для читателя и высмеивает. Д. Э. Розенталь так объясняет использование сатирических приемов в фельетоне: «Сатирическая направленность фельетона определяет специфику использования в нем языковых средств. Фельетонист обращается к речевым средствам и стилистическим приемам, создающим комический эффект. Это гипербола (преувеличение), гротеск (искажение), фантастичность, ирония, литота (преуменьшение), пародирование. Фельетон основывается на нарочитом разрушении всех языковых норм: семантических, стилистических, грамматических, словообразовательных и фразеологических. Однако нельзя забывать, что эта “необычность” должна быть мотивирована в контексте фельетона. Степень мастерства фельетониста зависит не только от того, насколько неожиданно он разрушает привычные нормы, но и насколько мотивированно он это делает» [18, с. 144].

Сценарий фельетона характеризуется ярко выраженной художественностью. Движение сюжета, как и в произведениях художественной прозы, совершается посредством «перебоев», т. е. автор внезапно переходит от описания спокойного пейзажа к неожиданным сравнениям или эмоциональности. Этот прием придает тексту динамичность и вызывает интерес у читателя, так как в современном мире из-за ускорившегося темпа жизни читатель пропускает длинные описания.

Для того чтобы заинтересовать читателя, журналисту следует подобрать броский и оригинальный заголовок. Нестандартный заголовок в фельетоне, или «игра с заглавием», как называет этот феномен Л. П. Гроссман [6, с. 36–37], часто имеет характер загадки или головоломки. Исходя из заголовка читатель может только догадываться, о чем будет сама работа. Такой заголовок сначала привлекает и заинтересовывает читателя своей оригинальностью, а потом и заставляет задуматься.

Приведем некоторые примеры из немецкоязычной прессы: «Die Not mit dem Brot! Oder: Wahnsinn aus der Backstube» [25]. Автор намеренно использует в своем заглавии аллитерацию «Die Not mit dem Brot!» (ср. рус. «беда с буханкой!»), чтобы увеличить успех своего

фельетона у читателя. У этого заголовка есть и вторая часть «Oder: Wahnsinn aus der Backstube» (ср. рус. «Безумие в пекарне»), из которого следует, что в пекарне произошло нечто неординарное. И если задача первой части заголовка привлечь внимание читателя, то задача второй – заинтриговать и вызвать желание прочесть фельетон.

Е. И. Журбина также обращает внимание на заглавие как на элемент, во многом определяющий художественное своеобразие фельетона [11].

Политика неизменно является темой для множества фельетонов. Для того, чтобы читательская публика выбрала именно этот конкретный фельетон, журналист дает следующий заголовок «Weltpolitik für Anfänger» [26] (ср. рус. *политика для начинающих*). Это заглавие перекликается с ныне популярными пособиями, например по изучению компьютера: «Компьютер для начинающих, или Компьютер для чайников». Читатель знает, что в книгах из этой серии сложные вопросы объясняются доходчиво и часто с юмором. Отсылка в заголовке к этим пособиям должна пробудить интерес читателя, не очень осведомленного или мало интересующегося политикой.

Подобное единство заголовка и самого текста можно наблюдать в следующем примере: «Urlaubsasy! Dramatische Szenen» [27] (ср. рус. «Отпуск как приют для бездомных: драматические сцены»). В фельетоне речь идет о трагических событиях, которые происходили на греческом острове Кос в Эгейском море. Тема фельетона отражена в заглавии.

В. И. Тюпа отмечает, что «заглавие текста неотделимо от сущности произведения, потому оно есть само произведение, т. е. эквивалентно именуемому» [21, с. 8]. Следует отметить, что сила воздействия фельетона напрямую зависит от мастерства и техники автора в использовании им тех или иных стилистических средств и риторических приемов. Фельетон с хорошо продуманной композицией, ярким, живым и образным языком, интересным материалом и глубокой идеей может затронуть читателя и как-то изменить или повлиять на его мнение о происходящем. Однако С. Д. Нариньяни также подчеркивал, что «количество “крепких” фельетонов зависит не только от желания и умения автора, но и от многих других сопутствующих обстоятельств. От материала, который редакция предоставляет в руки фельетониста, от темы, которую сможет разглядеть автор в этом материале, хорошо, если эти тема будет острой, общественно значимой,

и автор найдет для этой значимой темы удачную сатирическую форму. Я не привел и половины тех обстоятельств, счастливое сочетание которых рождает хорошие фельетоны. Как свидетельствует опыт автора, такое сочетание благоприятных условий встречается весьма редко. Однако попадание в цель мишени примерно на десять фельетонных выстрелов» [17, с. 132].

В заключение мы можем сделать вывод, чем богаче будет эрудиция фельетониста, его знания конкретной проблемы и современной ситуации в целом, тем большее доверие будет вызывать его работа. Помимо этого, задачей фельетониста является также «оживить» свою работу различными стилистическими приемами и риторическими средствами. Для этого автору необходимо разбираться в фольклоре и художественной литературе на высоком уровне. Это не только привлечет читателя к выбранному сюжету, но и повлияет на его фантазию. Описывая неожиданные ракурсы проблемы, лучше будет работать его ассоциативная мысль, более оригинальным, эффективным и весомым будет его сатирическое произведение. Помимо высокого уровня эрудиции и широкого кругозора необходимо использование достоверных фактов. Подлинность информации является обязательным условием при создании фельетона, так как от этого напрямую зависит доверие читателя и, следовательно, успех произведения. В фельетонах факты чаще всего освещаются сатирически, тем не менее, остаются неизменными. Часто фельетонист возвышает реальную ситуацию до масштабов общественной проблемы. Н. Н. Кенжегулова также отмечает, что «одно из главных условий успеха фельетона – верное определение социальной сущности рассматриваемых фактов, правильная позиция автора» [12]. Итак, можно сделать вывод, что фельетон имеет большое влияние на читательскую аудиторию, оказывая на нее управленческое и мобилизующее воздействие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аргументы и факты. – М., 2000. – № 43.
2. Браз М., Гус М. Статья и фельетон. – М.: Работник просвещения, 1928. – С. 145.
3. Богданов Н. Г., Вяземский Б. А. Справочник журналиста. – Л.: Лениздат, 1971. – 688 с.
4. Виленский М. Э. Как писать фельетон. – М.: Политиздат, 1982. – 208 с.
5. Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Правда, 1953. – Т. 4. – С. 543.

6. *Гроссман Л. П.* Фельетон – занимательный литературный жанр // Журналист. – 1928. – № 2. – С. 36–37.
7. *Грушин Б. А.* Мнение о мире и мир мнений. – М.: Политиздат, 1967. – 400 с.
8. *Гуревич С. М., Ибрагимов А. Х.-Т., Прохоров Е. П.* Введение в теорию журналистики : учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1980. – 287 с.
9. *Ершов Л. Ф.* Вступительная статья // Избранное. – М., 1978. – Т. 1. – С. 8.
10. *Журбина Е. И.* Искусство фельетона. – М.: Гослитиздат, 1965. – 209 с.
11. *Журбина Е. И.* Современный фельетон (опыт теории) // Печать и революция, 1926. – Кн. 7. – С. 18–35.
12. *Кенжегулова Н. Н.* Массовая коммуникация. – URL : www.unesco.kz/massmedia/pages/4_4.htm
13. *Комаров С. А. В.* Маяковский и проблемы комедии: учеб. пособие по спецкурсу. – Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 1996. – С. 76.
14. *Комаров С. А.* Фельетон: проблемы жанрового определения // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. – 2011. – С. 159–171. – (Сер.: Літературознавство ; вип. 2(1)).
15. *Крынецкий Н. Б.* О красном смехе (к дискуссии о фельетоне) // Красная печать, 1923. – № 20. – С. 14–20.
16. *Левидов М. Ю.* Фельетон в революции // Журналист. – 1923. – № 6. – С. 18–23.
17. *Нариньяни С. Д.* Со спичкой вокруг солнца. – М.: Советский писатель, 1975. – 496 с.
18. *Розенталь Д. Э.* Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды: печать, радио, телевидение, документальное кино. – М., 1980. – С. 144.
19. *Стрельцов Б. В.* Фельетон. Теория и практика жанра. – Минск : Изд-во БГУ, 1983. – 63 с.
20. *Тертычный А. А.* Жанры периодической печати. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 310 с.
21. *Тюпа В. И.* Произведение и его имя. – Литературный тест: проблемы и методы исследования. К 60-летию Натана Давидовича Тamarченко : сб. науч. тр. – Москва ; Тверь, 2000. – С. 9–18. (VI. Аспекты теоретической поэтики).
22. *Bartels G.* Wenn im Frühling die Handys flötenBei dir piept's // der Tagesspiegel. – März, 2015. – URL : www.tagesspiegel.de/kultur/wenn-im-fruehling-die-handys-floeten-bei-dir-piepts/11472798.html/
23. *Döring T.* Unsere Romanhelden. Robinson Crusoe // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – März, 2012. – URL : www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/unsere-romanhelden-robinson-crusoe-11695035.html
24. F.A.Z. Denkpause // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – Juni, 2005. – URL : www.faz.net/aktuell/politik/glosse-politik-denkpause-1226321.html

25. *Meyer F.* Die Not mit dem Brot! Oder: Wahnsinn aus der Backstube // Bankhaus Rott & Frank Meyer. – Juli, 2015. – URL : www.rottmeyer.de/die-not-mit-dem-brot-oder-wahnsinn-aus-der-backstube/
26. *Meyer F.* Weltpolitik für Anfänger // Bankhaus Rott & Frank Meyer. – Januar, 2014. – URL : www.rottmeyer.de/weltpolitik-für-anfänger/
27. *Meyer F.* Urlaubsasyl: Dramatische Szenen // Bankhaus Rott & Frank Meyer. – August, 2015. – URL : www.rottmeyer.de/urlaubsasyl-dramatische-szenen/

УДК 82.091

С. П. Толкачев

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы МГЛУ;
e-mail: stolkachov@yandex.ru

МУЛЬТИКУЛЬТУРНАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК «ТРЕТЬЕ ПРОСТРАНСТВО»

В статье рассматриваются проблемы пространства постколониальной литературы, возникновение которой обусловлено важнейшими историческими реалиями XX в. – распадом колониальной системы и образованием постколониального пространства. Феномен «реактивной» колонизации заселения бывшей метрополии гражданами бывшей империи привело к возникновению особого слоя культуры и литературы, которая и получила название мультикультурной. Предпринимаются попытки дать разносторонний анализ специфике пространства британской мультикультурной литературы, обобщить и вывести закономерности, которые лежат в основе гибридного мировидения авторов неанглийского происхождения, пишущих на английском языке.

Ключевые слова: мультикультурализм; гетероглоссия; гибридность; гибридизация; мультикультурная литература; писатели-мигранты; «пограничная» проза; пороговость; метисация; межпространственность; диаспора.

Tolkachev S. P.

Advanced Doctor (Philology), Professor, Department of Literature, MSLU;
e-mail: stolkachov@yandex.ru

MULTICULTURAL LITERATURE AS THE “THIRD SPACE”

The article touches upon the issues of space in postcolonial literature. This phenomenon was caused by the collapse of the colonial system and creation of the postcolonial space which became one of the most important events of the 20th century. «Reactive Colonization» – the settlement of the former Empire citizens in the territory of the former metropolis – led to the emergence of a particular kind of culture and literature, which is now called multicultural. We make an attempt at conducting a comprehensive analysis of the specifics of British multicultural literature, and generalize and reveal the patterns that underlie the hybrid world view of non-English writers writing in English.

Key words: multiculturalism; heteroglossy; hybridity; hybridization; multicultural literature; migrant authors; «Border» prose; liminality; cross-breeding; interdimensionality; diaspora.

Мультикультурное пространство человеческого существования, истории, культуры и литературы, образ которого получает в трудах

многих представителей постколониальной теории наименование «третьего» пространства – это попытка обустроить новую площадку и обосновать теорию на основе уникального смешения критических пространственных точек зрения всех гуманитарных наук. Здесь необходима ссылка на так называемое третье пространство креативной гибридности и инновационных идей, включая многочисленные отсылки к работам о «третьем пространстве», «третьем мире» и «третьем кинематографе».

Данное, «третье», пространство противопоставлено логике бинарных оппозиций и больших дихотомий, таких как «колонизатор – колонизируемый», «Восток – Запад», «капитализм – социализм», поскольку в этом случае происходит поиск неких альтернативных пространств, некоего «третьего», каких-то иных способов мышления и логических путей, способных объяснить сложность явлений человеческого мира, а также новых путей осмысления постколониального состояния и его непрекращающейся борьбы за вполне реальные колониальные пространства.

Несмотря на это бесконечное концептуальное теоретизирование, постколониальная теория, в общем, и постколониальные пространственные исследования, в частности, всё еще остаются разделенными на два больших дискурсивных лагеря. Один мир благоденствует и преуспевает на пространственных метафорах, таких как *топос*, *топография*, *локус*, *картография* и *пейзаж*, он работает с художественной литературой и отличается тонким и глубоким текстуальным анализом.

Другой мир тяготеет к тому, чтобы возвышать свой откровенно открытый пространственный акцент, остерегается метафорического флера и борется за солидную материалистическую трактовку реальной политики и стратегии угнетения.

Мультикультурные миры и их репрезентации в литературе и искусстве отчасти совпадают, но в то же время во многом остаются независимыми и отличными друг от друга, особенно на уровне глубинных парадигматических смыслов. Оба мира обычно представлены в самом широком контексте в международном исследовательском поле, хотя предпринимаются творческие попытки стимулировать их сближение и даже инициировать между ними гибридный диалог.

Особенно значимым в этом контексте является научный труд американского исследователя Эдварда Соуджа «Третье пространство»

[26], который доказывает, что понятие пространства очень часто использовалось и привлекалось при анализе человеческого опыта, в том числе и в идеологических и, естественно, политических целях. Исследователь отмечает, что невнимание науки к этому концепту в истории человечества, начиная с эпохи Просвещения, приводит к помещению различных феноменов истории в темпоральной последовательности вместо использования более важного и интересного приема – «помещения феноменов рядом друг с другом в пространственной конфигурации» [26, с. 168]. Но только недавно, во второй половине XX в., такому порядку – пренебрежению пространством – был брошен вызов. Данный труд знаменует собой переход к некоему «пространственному ренессансу», который начинает признавать непреходящую важность локуса и соположения феноменов в пространстве.

В области постколониального гуманитарного знания категория пространства, однако, всегда занимала центральное место. С самого первого момента исследователи колониального и постколониального дискурсов идентифицировали пространство во всех его формах как неотъемлемую часть постколониального опыта. В частности, классический труд основоположника постколониальной теории исследователя Эдварда Саида «Ориентализм» тесно связан с пространственными категориями, как иллюстрируют две выдержки из его работ, в частности «Воображаемая география и ее интерпретации: ориентализация ориентализма» в книге «Ориентализм» [25, с. 49–72], а также введение к более поздней книге Саида «Культура и империализм» [23], которое рассматривает взаимоотношения между понятиями империи и географии. Эти вопросы находятся в центре внимания в очерке Э. Саида «География, нарратив и перевод» [24], в котором автор пишет о том, что изучение мультикультурной литературы должно быть укоренено в той же самой «конкретной географии», что определяет тематику работы другого крупного теоретика постколониализма, Реймонда Уильямса с его книгой «Деревня и город» [30, с. 84].

За работами Саида последовала конкретизация и углубление вопросов роли пространства и локуса для конкретизации мультикультурного дискурса в поздних работах, попадающих в сферу компетенции постколониальных исследований. К примеру, работы Дж. К. Нойеса «Колониальное пространство: пространственность в дискурсе немецкой юго-западной Африки» [20], а также Р. Марцека «Экология и постколониальные исследования литературы: от Даниеля Дефо

до Салмана Рушди» [17] чрезвычайно показательны при анализе вопросов корпуса постколониальных исследований по пространству, в то время как разделы в книге И. Чемберса и Л. Курти «Постколониальный вопрос: общее небо – разделенные горизонты» [7], а также сборника работ ряда авторов во главе с Б. Эшкрофтом по постколониальной теории [1] укрепили важность вопросов пространства в определении исследований мультикультурной и постколониальной литератур как дисциплины.

Особенно ярко проявил себя наиболее влиятельный постколониальный критик Хоми Бхаба, который воспринял взгляды на роль пространства Э. Саида и фактически явился его наследником по этим вопросам. И его понимание «третьего пространства» как местоположения гибридности, и его внимание к нации как площадке колониального столкновения [4, с. 1–7; с. 291–322] говорят о географическом, нежели историческом критицизме. В то же время внимание к пространству очень часто выражается через осознание местоположения как фактора, который является крайне важным. Мысль о том, что локус играет значительную роль в процессе определения человеком своей идентичности и как эту идентичность воспринимают окружающие, постоянно присутствует в постколониальных исследованиях. В частности, колониальная манипуляция национальными границами и последующий вызов для постколониальных государств в формировании единого пространства новых постколониальных и мультикультурных идентичностей в рамках терминов этих унаследованных границ сделали вопрос о роли национального центральной темой в обсуждении проблем постколониализма.

Такие работы, как «Вне места: английскость, империя и местоположение идентичности» Я. Баукома [2], «Салман Рушди и третий мир: мифы нации» Т. Бреннана [6], «Пространственные стратегии гегемонии» С. Дешпанде [9], «Зоны нестабильности: литература, постколониализм и нация» И. Земана [28] и «Карты английского: создавая идентичность в культуре колониализма» Саймона Гиканди [13] определяли способы, которыми национальное выстраивалось по отношению к колониальной и постколониальной повесткам дня. Теория по данным вопросам расширилась за счет публикации таких работ, как «Женские сюжеты: гендер и нарратив в постколониальной нации» Э. Бемер [5], «Гендер и колониальное пространство» С. Миллз [19], «Исследование гендера в Индии: женщина и нация в колониальных

и постколониальных нарративах» С. Рей [22], которые добавили гендерную составляющую в исследование вопросов национальной политики. Этот интерес расширяется также за счет исследования вопросов, связанных с выявлением мультикультурной идентичности на уровне более локальных пространств – в городах, в сельских сообществах, в кругу семьи, в школах и другом общественном и частном окружении. Так, в работе Р. М. Джорджа «Политика “домашнего очага”: постколониальное перемещение и литература XX века» [12] рассматривается, как общественные дискурсы империи воспроизводятся в частном масштабе. Монография Дж. Маклафлинга «В урбанистических джунглях: прочтение империи в Лондоне от Конана Дойла до Томаса Стернза Элиота» [18] отслеживает роль городского имперского пространства в виде модели колониального предприятия. Исследовалась и проблема, связанная с тем, как постколониальный опыт преодолевает национальные границы и как они оказываются «переплетены» в современный период с дискурсами глобализации [10]. Работы «Повествования о путешествиях и империя» С. Кларка [8], «Глаза империи» М. Л. Пратт [21], «Риторика Империи: колониальный дискурс в журналистике, травелогах и документах имперской администрации» Д. Сперра [27], «Путешественники по Африке: Британские травелоги 1850–1904 гг.» Т. Янгса [29] и «Этика путешествия: от Марко Поло до Кафки» С. М. Ислама [15] привлекли внимание к путешествию как к возможности передвижения через пространство и исследовали использование этого передвижения для продуцирования колониальной точки зрения. Исследование пространства во всех представленных масштабах раскрывает всеобъемлющее влияние колонизатора на нации, которые он покоряет или в которых оседает, но также и разнообразные способы, которыми постколониальное население может ставить вопросы об идентичности и той роли, которую оно унаследовало от колониализма.

Часто эти проблемы высвечивают многогранные и даже противоречивые концепты «мультикультурного» и «постколониального». Противоречивая политика индивидуального пространства личности, пропущенная через своего рода фильтр новых знаний о гендере, классовости, религии, привлекает внимание к различным проявлениям мультикультурной идентичности. Равным образом эти вопросы касаются и личного, и общественного опыта, и они адресуются сложнейшим взаимосвязям между постколониальным субъектом, семьей,

сообществом, нацией и более глобальными пластами коллективно-бессознательного человечества.

Как уже было отмечено, именно в работе Соуджи наиболее эффективно разрабатывается понятийный, теоретический аппарат, что позволяет мультикультурному пространству занять в постколониальных исследованиях привилегированное место. Исследователь, однако, признает приоритет Мишеля Фуко в данной области, чьи поздние работы становятся примером перенесения пространственных концептов в область философии. Именно Фуко пророчески свидетельствовал, что «грядущая эпоха как никакая другая увидит торжество пространства» [11, с. 22]. Если рассматривать более подробно, Соуджи признает влияние философского контекста французского постструктурализма, который пронизывает исследование Фуко и уже показал свою актуальность в плане анализа пространственных измерений. Подобное влияние также просматривается как действенный фактор в работе Эдварда Саида «Ориентализм», для которого возвеличивание пространства становится центральным понятием по отношению к практике колониального дискурс-анализа. Известно, что на Саида действительно сильно повлияло понимание дискурса в интерпретации Фуко, но не так хорошо известно о том, что теоретизирование Фуко, касающееся темы магии пространства, напрямую повлияло на понимание Саидом колониализма. Эти связи раскрываются в работе Нойеса, чье собственное прочтение колониального пространства сознательно сосредоточивается на постструктуралистской терминологии. Теория колониального пространства Нойеса раскрывает модель постструктуралистских принципов различия (*difference*) и следа, оставляемого этим различием, поскольку «всё более жесткая организация пространства в условиях колониализма постоянно угрожает тем, что может разрушить целостность пространства, которое она же пытается создать» [20, с. 20]. В каждом из этих примеров, «органичная и неотъемлемая пространственноподобность человеческой жизни» [26, с. 1] раскрывается как вдвойне интересная проблема и для постколониальных, и для постструктуралистских специалистов.

Кроме того, в своих научных трудах американский исследователь Э. Саид [23] упоминает о появлении в XX–XXI вв. феномена новых международных, или «паранациональных формаций», ссылаясь на феномен, исследованный Р. Уильямсом в труде «Культура» (1981). Тенденция движения многочисленных мигрирующих масс с периферии

империи заключалась в том, чтобы завоевать лидирующие позиции в центре-метрополии. До некоторой степени такие формации (Париж 1890–1930 гг., Нью-Йорк 1940–1970-х) являются результатом появления новых эффективных рыночных сил, которые интернационализировали культуру. Возникновению феномена «западной музыки», искусства XX в. сопутствовало «соучастие» в авангардистских движениях иммигрантов, носителей локальных национальных культур, провинциальных по отношению к метрополии.

Генезис общественных и исторических образований, сопрягавшихся с топосами города – гильдий, профессий, клубов и движений, с постепенным переходом к более сложным социальным феноменам: школам, фракциям, выступлениям диссидентов и восстаниям масс, рассматривается в другой книге Р. Уильямса «Деревня и Город» [30]. Исследователь подробно говорит о том, что имеет отношение к законам развития в рамках единого национального социального порядка, о «социологии встреч в метрополии и связях иммигрантов» с основными общественными группами, которые создают «особо благоприятные условия поддержки для диссидентствующих групп» [там же, с. 83–85].

О самостоятельных, не нанесенных на карту городских пространств, заселенных национальными меньшинствами, рассуждает в своей книге «Местоположение культуры» Х. Бхаба [4]. Обращаясь в своем исследовании к книге Ф. Джеймисона «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» [16], он замечает: «Никакой другой критик так бесстрашно не указывал на движение материалистической диалектики прочь от ее централизации в лице Государства и его идеализированных эстетических и дисциплинарных категорий по направлению к городским пространствам. Это заставило Джеймисона предположить, что демографическое и феноменологическое влияние меньшинств и мигрантов в пределах Запада может быть решающим в восприятии транснационального характера современной культуры» [3, с. 214].

Картография глобальной мультикультурной сети, опирающаяся на мегаполисы как узловые структуры, также не имеет тенденции к неустойчивости, амбивалентности. Эта амбивалентность свидетельствует как «за», так и «против» теории Ф. Джеймисона, если вспомнить фантастические образы, которые он расположил в центре Лос-Анджелеса. Отношения субъекта с неиндивидуализированной

социальной тотальностью рассмотрены в ряде статей, собранных в вышеупомянутой книге Ф. Джеймисона. Отель «Бонавентюр» у исследователя становится символом постмодернистского паноптикума. Ф. Джеймисон фиксирует мгновенные снимки реальности, столкновение с которой сравнивается со спуском в лифте-гондоле с конечным прибытием в карнавальную атмосферу холла. В гиперпространстве отеля человек полностью теряет порой чувство самосохранения и выдержку. В драматический момент мы оказываемся лицом к лицу с неспособностью нашего сознания «зафиксировать на карте огромную, глобальную мультикультурную и децентрализованную коммуникационную сеть» [16, с. 44].

Мысль исследователя о том, что несинхронная темпоральность глобальной и национальной культур приоткрывает культурное пространство – третье, где переговоры о несоизмеримых различиях создают напряжение, свойственное пограничному существованию», иллюстрируется в главе «Новый мировой порядок»¹. Примечательна фигура театрального художника Гильермо Гомес-Пенья, который живет в пространстве между Мехико и Нью-Йорком, играя с гипотетическим читателем и накаляя его чувства до пределов нового транснационального мира и его гибридных наименований: «Это новое общество характеризуется массовой миграцией и странными межрасовыми отношениями. В результате появляются новые гибридные и переходные идентичности. Пример тому – сумасшедшие *chica-riricua*, которые являются плодом смешанного брака пуэрториканцев-мулатов и метисов-чикано. <...> Понятие плавильного котла, обанкротившееся за последнее время, было заменено моделью, которое является более соответствующей времени. В соответствии с этой моделью большинство ингредиентов действительно плавятся, но некоторые огнеупорные болванки, не исчезая, склонны к существованию на поверхности» [14, с. 74].

Эта взаимосвязь постколониальной теории, поэтики мультикультурного пространства, гибридности и лиминальности современной культуры и литературы оказывает стимулирующее воздействие на современные гуманитарные исследования, которые находятся в центре внимания научных кругов, о чем свидетельствуют многочисленные публикации и научные конференции.

¹ Здесь Джеймисон использует игру английских слов *order* – *порядок* – *граница*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ashcroft B., Griffiths G., and Tiffin H.* (eds.) *The Post-Colonial Studies Reader*. – London : Routledge, 1994. – 526 p.
2. *Baucom I.* *Out of Place: Englishness, Empire and the Locations of Identity*. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1999. – 260 p.
3. *Bhahha H.* *Nation and Narration*. – London : Routledge, 1990. – 352 p.
4. *Bhahha H.* *The Location of Culture*. – London : Routledge, 1994. – 409 p.
5. *Boehmer E.* *Stories of Women: Gender and Narrative in the Postcolonial Nation*. – Manchester & N. Y. : Manchester University Press, 2005. – 239 p.
6. *Brennan T.* *Salman Rushdie and the Third World: Myths of the Nation*. – London : Macmillan, 1989. – 224 p.
7. *Chambers I. and Curti L.* *The Post-colonial Question: Common Skies, Divided Horizons*. – London : Routledge, 1996. – 269 p.
8. *Clark S.* *Travel Writing and Empire*. – London : Zed Books, 1999. – 224 p.
9. *Deshpande S.* *Hegemonic Spatial Strategic: The Nation-Space and Hindu Communalism in Twentieth-century India* // P. Chatterjee and P. Jaganathan (eds.) *Subaltern Studies XI: Community, Gender and Violence*. – London : Hurst, 2001. – P. 167–211.
10. *During S.* *Postcolonialism and Globalization*. – *Cultural Studies*, 2000. – 14 (3/4). – P. 385 – 404.
11. *Foucault M.* *Of Other Spaces*, trans. J. Miskoweic. – *Diacritics*. – 16 (1). – 1986. – P. 22–27.
12. *George R. M.* *The Politics of Home: Postcolonial Relocations and Twentieth-Century Fiction*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – 276 p.
13. *Gikandi S.* *Maps of Englishness: Writing Identity in the Culture of Colonialism*. – N. Y. : Columbia University Press, 1996. – 268 p.
14. *Gomez-Pena G.* *The new world (b)order* // *Third Text*. – Vol. 21 (winter 1992–3). – P. 74–80.
15. *Islam S. M.* *The Ethics of Travel: From Marco Polo to Kafka*. – Manchester : Manchester University Press, 1996. – 256 p.
16. *Jameson F.* *Postmodernism, or The Cultural Logic of Laic Capitalism*. – Durham : Duke University Press, 1991. – 438 p.
17. *Marzec R. R.* *An Ecological and Postcolonial Study of Literature: From Daniel Defoe to Salman Rushdie*. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2007. – 200 p.
18. *McLaughlin J.* *Writing the Urban Jungle: Reading Empire in London from Doyle to Eliot*. – Charlottesville, VA : University Press of Virginia, 2000. – 234 p.
19. *Mills S.* *Gender and Colonial Space*. – Manchester : Manchester University Press, 2009. – 210 p.

20. *Noyes J. K.* Colonial Space: Spatiality in the Discourse of German South West Africa 1884–1915. – Chur : Harwood, 1992. – 317 p.
21. *Pratt G.* Spatial Metaphors and Speaking Positions. Environment and Planning. – D : Society and Space, 1992. – P. 241–244.
22. *Ray S.* En-Gendering India: Woman and Nation in Colonial and Postcolonial Narratives. – Durham, NC : Duke University Press, 2000. – 208 p.
23. *Said E.* Culture and Imperialism. – London : Vintage, 1994. – 380 p.
24. *Said E.* Geography. Narrative. Interpretation. – New Left Review. – I / 180. March-April 1990. – P. 81–97.
25. *Said E.* Orientalism. – Harmondsworth : Penguin, 1995 [1978]. – 365 p.
26. *Soja E. W.* Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. – Oxford : Blackwell, 1996. – 334 p.
27. *Spurr D.* The Rhetoric of Empire: Colonial Discourse in Journalism, Travel Writing, and Imperial Administration. – Durham, NC : Duke University Press, 1993. – 213 p.
28. *Szeman I.* Zones of Instability: Literature, Postcolonialism, and the Nation. – Baltimore, MD : Johns Hopkins University Press. – December 30, 2003. – 264 p.
29. *Youngs T.* Travellers in Africa: British Travelogues, 1850–1900. – Manchester : Manchester University Press, 1994. – 235 p.
30. *Williams R.* The Country and the City. – N. Y. : Oxford University Press, 1973. – 344 p.

УДК 008

М. А. Полетаева

кандидат культурологии, доцент; зав. кафедрой мировой культуры МГЛУ;
e-mail: m.poletaeva@mail.ru

ЭФФЕКТИВНЫЕ СПОСОБЫ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ (НА ПРИМЕРЕ АГЛОМЕРАЦИИ БОЛЬШОГО ЛОНДОНА)

Статья посвящена актуализации феномена этничности в современном мире. Проанализированы основные меры по созданию баланса общегосударственных и общегражданских интересов с интересами этнических меньшинств. Особое внимание уделено культурологическому анализу реализации интеркультурной интеграции иммигрантов в Великобритании в рамках концепции социальной сплоченности общин.

Ключевые слова: миграция; культура; этничность; Великобритания; титульная нация; мультикультурализм; интеркультурализм.

Poletaeva M. A.

Ph. D. (Culturology), Associate Professor, Department of World Culture, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU;
e-mail: m.poletaeva@mail.ru

EFFECTIVE METHODS OF IMMIGRANTS' CULTURAL INTEGRATION (on the Example of Greater London Agglomeration)

The article is devoted to the actualization of the phenomenon of ethnicity in the modern world. The author analyzes the basic steps to establish a balance of national and general civil interests with the interests of ethnic minorities. Particular attention is paid to the implementation of cultural analysis of intercultural integration of immigrants in the UK within the concept of social cohesion of communities.

Key words: migration; culture; ethnicity; UK; titular nation; multiculturalism; interculturalism.

Актуализация феномена этничности на рубеже XX–XXI вв. привела к ее дальнейшей политизации, к усилению роли этнического фактора в жизни общества. Суть данного процесса состоит в превращении этничности из силы социальной и культурной в политическую, что, по мнению Дж. Ротшильда, служит цели изменения и стабилизации уже существующих в конкретном обществе систем неравенства среди различных этнических групп [15, с. 12].

Этничность как политический ресурс актуализируется за счет срабатывания механизма этнической лояльности, который гарантирует формирование политической солидарности представителей того или иного этнического меньшинства. Всего, в соответствии с классификацией профессора Ф. Чуна, выделяется четыре типа этнической лояльности, характерные для этнических меньшинств, проживающих в многонациональных государствах. Первый тип – лояльность к стране, гражданами которой они являются, – так называемое внутреннее притяжение государства (*internal national pull*). Второй тип – лояльность своей этнической группе, которая проживает в данной стране, – «внутриэтническое притяжение» (*internal ethnic pull*). Третий тип представляет собой лояльное отношение к их собственной родине или родине предков (стране эмиграции) – «притяжение государства извне» (*external national pull*), а четвертый, соответственно, предполагает лояльность к этнической группе, проживающей в стране эмиграции, – это «внешнеэтническое притяжение» (*external ethnic pull*)» [15, с. 2].

Соответственно, представляется необходимым создать баланс между общегосударственными и общегражданскими интересами этнических меньшинств, для того чтобы обеспечить этническую лояльность первого типа и гарантировать стабильность в каждой отдельно взятой стране или в каждом отдельном регионе. По этой причине, чрезвычайно важным для государств становится проведение оптимальной этнической политики, представляющей собой «последовательное государственное регулирование отношений между этническими сообществами на общенациональном и региональном уровнях» [1, с. 110].

На национальном уровне этническая политика реализуется через комплекс мер по адаптации и интеграции иммигрантов в принимающее сообщество и является неотъемлемым компонентом миграционной политики. Однако в связи с неоднородностью этнической структуры государств решение всех вопросов межэтнического взаимо-

действия на национальном уровне представляется весьма затруднительным. Этнокультурная специфика как автохтонного населения, так и мигрантов в каждом отдельно взятом регионе не позволяет выработать единую стратегию построения их взаимоотношений. В данном контексте этническая политика выступает как одно из направлений региональной культурной политики государства.

Великобритания, с одной стороны, является примером качественного согласования интересов этнических меньшинств и титульной нации путем предоставления значительной автономии территориям, на которых проживают отдельные этнические группы (Северная Ирландия, Шотландия). Тем не менее политические реалии последних лет свидетельствуют о том, что интересы титульной нации и, к примеру, шотландцев совпадают далеко не в полной мере (45% населения Шотландии проголосовали за создание самостоятельного государства). С другой стороны, активизация иммигрантских сообществ внутри Великобритании, выдвижение ими политических лозунгов говорит о существовании значительных пробелов в регулировании взаимоотношений с иностранными группами. Таким образом, вероятность дестабилизации обстановки в стране и регионах, вызванной разногласиями титульной нации и различного рода этнических меньшинств, представляется весьма высокой.

Таким образом, актуальным представляется вопрос о поиске механизмов согласования интересов этнических групп для обеспечения стабильности и устойчивого развития общественных систем Великобритании. Проблемы взаимоотношений титульной нации с коренными этническими общностями могут быть урегулированы путем дальнейшего расширения автономий отдельных территорий и предоставления им определенных льгот, так как противоречия в основном касаются политической сферы и вопросов управления территориями, являющимися местом компактного проживания валлийцев, шотландцев и северных ирландцев.

Однако решение вопроса о качественном сосуществовании титульной нации и иммигрантских меньшинств Великобритании возвращает нас к проблеме этнической идентичности, к поиску механизма сотрудничества между носителями отличающихся культурных ценностей. Возможным вариантом представляется последовательная интеграция иммигрантов в принимающее сообщество, основанная на идее формирования общebritанской идентичности в рамках

интеркультурной политики. Подобный подход с большой вероятностью позволил бы предотвратить геттоизацию и дальнейшую радикализацию иммигрантских общин.

Политика интеграции иммигрантов, по мнению Т. Чоудхури, должна строиться на четырех основных «столпах», среди которых: «отсутствие любой дискриминации; постоянный сбор, мониторинг и анализ информации для выявления пробелов и оценке эффективности этнической политики; обязательная поддержка и продвижение политики интеграции властными структурами; контроль иммиграции и использование гражданства как механизма создания единой гражданской идентичности и общих ценностей. Соответственно, реализация любых программ и мероприятий по интеграции иммигрантов в принимающее сообщество предполагает наличие должной правовой базы и специальных государственных органов» [14, с. 28].

В свою очередь, идея перехода к единой гражданской идентичности, объединяющей жителей одного государства, вне зависимости от их культурных, языковых и религиозных характеристик, говорит о необходимости применения интеркультурного подхода в реализации интеграционной политики. Существенную роль в достижении этой цели играют базовые меры, такие как церемония принесения присяги на верность государству и правительству, а также тесты на знание языка и образа жизни в Великобритании, которое способствуют выработке чувства гражданской ответственности у иммигрантов.

Следует отметить, что в Великобритании реализация интеграционной политики на современном этапе берет свое начало еще с доклада Т. Кантла «Социальная сплоченность общин. Идеи этого доклада легли в основу дальнейших стратегий по стимулированию «добрых взаимоотношений» между представителями различных этнических групп, большинство из которых разрабатывались на локальном уровне. Самым масштабным документом стали «Программа поиска путей социальной сплоченности общин» («The Community Cohesion Pathfinder Programme», 2003) [4], разработанная Министерством внутренних дел Великобритании в сотрудничестве с компанией VantagePoint, занимающейся управленческим консультированием, и «Руководство к социальной сплоченности общин» («Guidance on Community Cohesion», 2002) [6], представленное Ассоциацией органов местного самоуправления Великобритании (Local Government Association – LGA).

В дальнейшем концепция социальной сплоченности нашла свое отражение в документах Комиссии по интеграции и сплоченности (создана в 2006 г.) и в большом докладе под названием «Наше общее будущее» («Our Shared Future», 2007) [10]. Ведущую роль в продвижении данной концепции играет «Институт социальной сплоченности» (Institute of Community and Cohesion, iCoCo), основанный Тедом Кантлом в 2005 г. при университете Кавентри и преобразованный в «Центр доверия, мира и социальных взаимоотношений» (Centre for Trust, Peace & Social Relations). Мнение правительства Великобритании по вопросу интеграции мигрантов, сфокусированное на создании необходимых условий для этого процесса, изложено в документе «Создавая условия для интеграции» («Creating the Conditions for integration», 2012) Министерства по делам общин и местного самоуправления [3].

Таким образом, можно утверждать, что реализация интеркультурной интеграции иммигрантов в Великобритании идет в рамках концепции социальной сплоченности общин. Несмотря на то что социальная сплоченность не объявлена официальной политикой британского правительства, большое количество стратегических программ и докладов, разработанных различными государственными ведомствами, говорит об активном применении данной концепции для выстраивания взаимоотношений титульной нации и иммигрантских сообществ.

В целом планирование этнокультурного развития Великобритании происходит в рамках Акта о равенстве 2010 г. (Equality Act, 2010), в котором делается акцент на обязательствах государственных органов по недопущению какой-либо формы дискриминации и стимулированию хороших взаимоотношений между людьми. Закон определяет подробный список недопустимых действий против меньшинств, а также их прав и возможностей на рынке труда и в социальной сфере. В соответствии с п. 9 ч. 1 гл. 2 под действие закона попадают все этнические меньшинства, включая иммигрантов [5].

Основные мероприятия по разрешению противоречий и гармонизации отношений титульной нации и мигрантских меньшинств проводятся в самом густонаселенном и привлекательном для иммигрантов регионе Большой Лондон, для которого разрабатываются уникальные региональные программы развития, обязательно содержащие положения этнокультурного характера. Для того чтобы с правовой точки зрения все принятые программы соответствовали Акту о

равенстве, Администрация Большого Лондона (АБЛ) опубликовала в ноябре 2012 г. ряд документов, устанавливающих положения Акта в качестве базовых при разработке любых документов. В частности, в таком документе как «Оценка влияния Администрации Большого Лондона на обеспечение расового равенства» («Assessment of the GLA's Impact on Race Equality», 2012) [2], АБЛ подтверждает, что иммигрантские этнические меньшинства сталкиваются с трудностями, проживая в городе, что обуславливает важность поддержки таких групп властями в целях недопущения дискриминации. Кроме АБЛ, вопросы миграции курируются рядом специально созданных региональных структур, таких как Лондонское стратегическое партнерство по вопросам миграции (London Strategic Migration Partnership, LSMP) или Консультационный совет по вопросам миграции и убежища (The Mayor's Migrant and Refugee Advisory Panel, MRAP).

На данный момент действует несколько программ развития Большого Лондона, наиболее важными из которых выступают уже упомянутый «План развития Лондона» вплоть до 2036 г., опубликованный в новой редакции в марте 2015 г. («The London Plan: the Spatial Development Strategy for London Consolidated With Alterations Since 2011», 2015) [12]. Документ содержит поправки к версии «Плана» 2011 г., но продолжает развитие основных идей, заложенных в ней. Стоит отметить, что в отличие от версии 2004 г., в программы 2011–2015 гг. не включен раздел, посвященный исключительно проблемам меньшинств, под названием «Разнообразие населения Лондона» (п. 3А-2) [13]. Данный факт говорит о том, что вопросы взаимодействия с этническими меньшинствами рассматриваются более подробно, что приводит к разработке специальных узконаправленных программ.

Конкретным вопросам интеграции иммигрантов и взаимодействия различных этнических меньшинств посвящена мэрская стратегия 2009 г. по адаптации беженцев под названием «Обогащенный Лондон: стратегия мэра по интеграции беженцев» («London Enriched: The Mayor's Refugee Integration Strategy»; «London Enriched Implementation Plan», 2009), развитая во второй части программы («London Enriched: The Mayor's Refugee and Migrant Integration Strategy Year 2 Implementation Plan», 2011) и расширенная в 2013 г. («London Enriched: Update», 2013). Подобные идеи содержатся и в городской стратегии «Равные жизненные возможности для всех» 2014 г. («Equal Life Chances for All», 2014).

О стремлении властей наладить взаимодействие различных этнических групп в городе свидетельствует и участие одной из Лондонских бороу – Левишема (Lewisham) – в совместном проекте Совета Европы и Европейской комиссии под названием «Интеркультурные города» («Interculturalcities»), главной задачей которого является разработка эффективных механизмов межкультурной коммуникации и преодоление сегрегации общин [6].

Особую роль в этом процессе играет программа «Обогатившийся Лондон» 2009 г., а также ее обновленные цели и задачи вплоть до 2016 г., сформулированные в последней редакции данного документа, с тем чтобы определить основные методы интеграции мигрантов в принимающее сообщество, применяющиеся властями агломерации. С 2011 г. под действие Программы попадают все группы иммигрантов, в то время как в 2009–2010 гг. основное внимание уделялось интеграции беженцев. Программа «Обогатившийся Лондон» продвигает идею равенства всех этнических групп региона и стремится повысить уровень толерантности в обществе.

Главной задачей Программы является предоставление мигрантам равных возможностей вести достойную жизнь в Лондоне и принимать активное участие во всех сферах развития города (культурной, социально-экономической, гражданской и политической). Кроме того, в Программе указывается, что социокультурная интеграция – процесс двусторонний, предполагающий участие как принимающего сообщества, так и мигрантов, а также развитие социальной сплоченности общин.

Программа «Обогатившийся Лондон» (п. 1.6) определяет семь основных направлений, в рамках которых должна идти интеграция иммигрантов в принимающее сообщество. Каждому направлению присущи определенные цели, выполнение которых вносит вклад в постепенное достижение полной социокультурной интеграции [9]. Ответственность за каждое направление несет отдельный орган или группа органов, распределяющих между собой задачи и ответственность за реализацию поставленных задач.

Реализация мероприятий по семи указанным направлениям производится при соблюдении двух базовых принципов, которые служат более быстрому достижению поставленных целей. Первый принцип предполагает наличие равных жизненных возможностей для всех (equal life chances for all), подразумевая, что абсолютно все группы

мигрантов обладают равными с коренными лондонцами шансами на трудоустройство, охрану здоровья и улучшение благосостояния, безопасности и достойные жилищные условия. При этом мигранты получают доступ к должному консультированию и гарантии на право участвовать в жизни города. Принцип социальной сплоченности (community cohesion) предполагает облегчение интеграционного процесса для мигрантов за счет сближения и налаживания взаимных контактов между представителями различных этнических групп [9].

Первое направление под названием «Английский язык» (English Language) предполагает обеспечение возможности изучать английский язык в качестве иностранного (English for Speakers of Other Languages, ESOL) для всех групп мигрантов. Данное направление считается приоритетным, так как английский язык становится главным объединяющим фактором для мигрантов, прибывающих из разных государств. Кроме того, изучение языка принимающего сообщества способствует более быстрому процессу интеграции, значительно облегчая поиск работы, жилья, налаживание контактов с местным населением.

Одним из главных моментов по данному направлению является налаживание широких возможностей для обучения, которое соответствовало бы нуждам и возможностям иммигрантов. К главным целям относятся продвижение идеи изучения языка, внедрение новейших методов преподавания и предоставление скидок на обучение, а также своевременный сбор и анализ информации для внесения необходимых изменений в программу. Основная задача сводится к обеспечению изучения английского языка всеми мигрантами, вне зависимости от их социально-экономического статуса [10].

Основными результатами, которых удалось добиться за период 2009–2012 гг., стало налаживание и дальнейшее улучшение обучения по программе ESOL на уровнях, необходимых соискателям государственного агентства по трудоустройству Jobcentre Plus для доступа к рынку труда; обоснование необходимости расширения полномочий агентств, финансирующих повышение квалификации, с тем чтобы увеличить количество мигрантов, получивших доступ к ESOL; налаживание механизмов сотрудничества с правительственными учреждениями для стимулирования обучения английскому языку в рамках общин, в том числе мигрантов с низким уровнем знания языка [10]. Задачами на 2013–2016 гг. являются дальнейшее усовершенствование

системы обучения английскому языку по программе ESOL, содействие улучшению языковых навыков наименее обеспеченных мигрантов в целях получения ими более высокооплачиваемых должностей, продвижение инновационных методов обучения в отдельных районах Лондона для стимулирования локальных интеграционных процессов [10].

Второе направление – «Жилищные условия» (Housing) – гарантирует предоставление доступа мигрантам к каналам по решению жилищного вопроса. Наличие достойного места для проживания считается необходимым условием для обеспечения вовлеченности в жизнь принимающего сообщества, повышения уровня благосостояния и здоровья. Главным приоритетом по данному направлению является получение обширных данных для оперативного содействия решению жилищного вопроса иммигрантов. В Программе признается, что жилищный вопрос в Лондоне стоит очень остро, что затрудняет выполнение задач по указанному направлению и может привести в иммигрантской среде к нарастанию трений и противоречий, вызванных соперничеством за получение жилья. Кроме того, проживание большинства иммигрантов в домах, находящихся в коллективной собственности, снижает уровень социальной вовлеченности в общественные дела.

Главными целями Программы по данному направлению являются всеобъемлющее информирование иммигрантов о возможностях разрешения жилищного вопроса, предотвращение бездомности среди мигрантов, а также стремление к повышению доступности жилья для данной категории населения [9]. Среди достижений за 2009–2012 гг. стоит отметить налаживание работы различных правительственных организаций, таких как Служба пограничного и иммиграционного контроля, Совет по делам беженцев совместно с поставщиками помещений для жилья. Примечательным является создание специального раздела для беженцев на сайте благотворительной организации Homeless Link, занимающейся помощью бездомным. В данном разделе публикуется список точек обслуживания (всего в Лондоне их более 250), где можно обратиться за помощью в поиске подходящего жилья. На 2013–2016 г. поставлена задача – решить вопрос с жилищным обеспечением и отсутствием жилья среди иммигрантов в рамках специализированной программы мэра по обеспечению жилищных нужд всех лондонцев [10].

В рамках третьего направления, известного как «Занятость, навыки и предпринимательская инициатива» (Employment, Skills and Enterprise), предполагается расширение возможностей групп мигрантов к трудоустройству, включая его консультационное обеспечение, снижение безработицы, предоставление доступа к курсам по повышению квалификации и поддержка предпринимательства среди иммигрантов. В Программе подчеркивается, что успешная интеграция мигрантов, равно как и их вклад в развитие города возможны только при наличии достойного места работы и соответствующей заработной платы. При этом отмечается, что часто иммигранты обладают более высоким уровнем квалификации, чем англичане, но даже при наличии соответствующих навыков и желания работать, сталкиваются с большими трудностями при поиске работы, причем ведущей проблемой является низкий уровень владения английским языком и незнание трудового законодательства. Более того, многие мигранты не пытаются найти работу, живя на пособие по безработице. Препятствия на пути легального трудоустройства приводят к повышению процента мигрантов в теневой экономике.

Наиболее приоритетными аспектами этого направления стали следующие: обеспечение иммигрантов заработной платой не ниже прожиточного минимума, в том числе с привлечением работодателей частного сектора; обеспечение контроля за соблюдением стандартов найма и соответствующего надзора в сферах с большим количеством субподрядчиков (строительство, гостиничное дело) силами Управления по регулированию деятельности посредников по найму рабочей силы (Gang masters Licensing Authority); тесное сотрудничество с Лондонским бизнес-партнерством (London Enterprise Partnership) для повышения качества профессиональной адаптируемости и оказания соответствующей поддержки иммигрантам [9].

В данной области несомненным успехом считается координация усилий Службы пограничного и иммиграционного контроля с ключевыми Лондонскими бизнес-партнерами, с тем чтобы препятствовать нелегальному найму на работу, а также повышение осведомленности среди работодателей о квалификационных критериях отбора кандидатов среди иммигрантов, что позволяет гарантировать уверенность в найме соответствующих сотрудников из иммигрантской среды. Задачами на 2013–2016 гг. по данному направлению стало дальнейшее создание дополнительных рабочих мест для иммигрантов в Лондоне

путем стимулирования работодателей к найму сотрудников именно из данной сферы. Кроме того, предполагается включение иммигрантов в систему мирового уровня по поиску специалистов с необходимой квалификацией, ориентированную на спрос и способную служить всем лондонцам, включая беженцев и иммигрантов [10].

Такое направление, как «Здоровье» ('Health') сконцентрировано на ликвидации любых помех и неудобств в получении необходимых медицинских услуг и поддержки. В Программе указывается, что иммигранты сталкиваются со специфическими проблемами в области здоровья, связанными с нестабильностью ситуации в местах их происхождения, сложностью переезда и адаптацией в новой стране. Решение отдельно взятых проблем, связанных с предоставлением мигрантам медицинских услуг, предусмотрено в стратегии мэра по борьбе с неравенством в оказании услуг здравоохранения («The Mayor's Health Inequalities Strategy», 2010).

Основными целями данного направления являются повышение осведомленности сотрудников здравоохранения о правах и нуждах иммигрантов в данной сфере, а также обеспечение доступа иммигрантов к службе психологической помощи и должная охрана материнства [10]. К 2012 г. выдающихся достижений по данному направлению достигнуто не было, в связи с чем в период 2013–2016 гг. был взят курс на продолжение борьбы с неравенством в области оказания услуг здравоохранения и выравнивание медицинский показателей здоровья среди всех лондонцев, включая иммигрантов [10].

Направление «Безопасность общин» (Community Safety) гарантирует предоставление услуг высокого качества органами охраны правопорядка в «сплоченных и доброжелательных общинах» [9]. В Программе признается, что иммигранты могут столкнуться с непониманием в новой стране, а также с повышенным уровнем криминальной обстановки в перенаселенных кварталах, где бедность, безработица и социальная исключенность могут провоцировать рост преступлений.

В рамках данного направления главной целью является стимулирование социальной сплоченности как внутри общин, так и между ними, в том числе в бороу «Внешнего Лондона», которые стали новыми контактными зонами. Кроме того, усилия направлены на повышение уровня доверия иммигрантов к правоохранительным органам и предотвращение возможной торговли людьми в целях сексуальной

или трудовой эксплуатации [9]. Задачи на 2013–2016 гг. сводятся к обеспечению безопасности во всех районах Лондона силами специальных органов, в том числе через реализацию программы мэра по борьбе с насилием в отношении женщин и девочек (The Mayor's Violence Against Women and Girls Strategy) [10].

По направлению «Дети и молодежь» (Children and Young People) предполагается преодоление трудностей, с которыми сталкиваются юные и молодые мигранты, включая улучшение состояния здоровья, повышения уровня безопасности и образования, а также предоставление гарантии равенства жизненных возможностей с взрослыми иммигрантами по достижению 18-летнего возраста. Учитывая тот факт, что дети и молодежь обладают самым большим интеграционным потенциалом, данное направление тщательно проработано в Программе. Решение основных проблем, связанных с жизнью иммигрантских детей и молодежи, происходит в рамках партнерства с Форумом детей и молодежи при советах Лондона (London Councils' Children and Young People Forum) и Ассоциации директоров Лондона в сфере детского обеспечения (Association of London Directors of Children's Services). Действие программы Лондонского агентства по развитию «Время действовать: стратегия инвестирования в развитие молодежи» («Time for Action, the London Development Agency's youth investment strategy») также способствует реализации поставленных задач. Лондонские бороу несут ответственность за обучение иммигрантов в возрасте до 19 лет, включая организацию доступа к национальной программе производственных стажировок.

Соответственно приоритетными целями по данному направлению являются обеспечение соответствия специализированных программ нуждам иммигрантской молодежи, налаживание сотрудничества с ключевыми партнерами для организации должной поддержки детям, ищущим убежища и оставшимся без сопровождения родителей, а также стремление к предотвращению торговли детьми. Задачи на 2013–2016 гг. предполагают обеспечение высокого качества школьного образования для детей иммигрантов [10].

В последнем направлении «Развитие и участие общин» (Community Development and Participation) делается акцент на повышение возможностей общин к удовлетворению своих потребностей и эффективному участию в гражданской и политической жизни. Считается, что внутреннее развитие иммигрантских общин играет особую роль

в преодолении бедности и жизненных трудностей, а также в углублении демократических тенденций. В соответствии с программой, развитие общин – это «процесс построения отношений, накопления необходимых ресурсов и уверенности иммигрантскими общинами для их полноценного участия в коллективных действиях по обеспечению равенства возможностей для мигрантов и беженцев города» [10].

Цели по данному направлению предполагают поддержку властей (в том числе финансовую) общинным организациям мигрантов (Migrant and Refugee Community Organisations, MRCOs), которые вносят свой вклад в развитие идей интеграции и гражданского общества внутри общин, а также способствуют эффективной вовлеченности общин в общественные дела. Кроме того, особое внимание уделяется волонтерству и наставничеству в деле продвижения интеграционных тенденций. За период 2013–2016 гг. планируется усилить участие общинных организаций в деле распространения идей программы «Обогащенный Лондон», а также усилить способность общин к самообеспечению и самостоятельному удовлетворению собственных нужд [9].

Таким образом, принимая во внимание тот факт, что Лондон является регионом с наиболее высоким уровнем концентрации иммигрантов по стране, мы рассмотрели последствия расширения влияния иммигрантских общин на все сферы жизни региона, в том числе и на культуру автохтонного населения. В итоге нам удалось оценить роль титульной нации и иммигрантских сообществ в региональном развитии Большого Лондона в контексте трансформации их этнических идентичностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тишков В. А., Шабает Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности: учебник для вузов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011. – 376 с.
2. Assessment of the GLA's Impact on Race Equality / Official website for the Greater London Authority, 2012. – URL: <http://www.london.gov.uk/sites/default/files/ASSESSMENT%20OF%20THE%20GLA%E2%80%99S%20IMPACT%20ON%20RACE%20EQUALITY.pdf>
3. *Creating the Conditions for Integration* / The Department for Communities and Local Government, London, 2012. – URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/7504/2092103.pdf
4. Community cohesion pathfinder programme: the First Six Months. Awaiting New Images. – Home Office and Vantage Point, London, 2003. –URL:

- <http://resources.cohesioninstitute.org.uk/Publications/Documents/Document/Default.aspx?recordId=92>
5. Equality Act 2010. – URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/15/contents>
 6. Guidance on Community Cohesion / Local Government Associations, London, 2002. – URL: <http://resources.cohesioninstitute.org.uk/Publications/Documents/Document/Default.aspx?recordId=9>
 7. Intercultural city: London Lewisham, United Kingdom / Official website of the Council of Europe. – URL: http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/culture/Cities/lewisham_en.asp
 8. *London Enriched: The Mayor's Refugee Integration Strategy* / Official website for the Greater London Authority, 2009. – URL: <https://www.london.gov.uk/sites/default/files/London%20Enriched%20the%20Mayor's%20Strategy%20for%20Refugee%20Integration.pdf>
 9. *London Enriched: The Mayor's Refugee and Migrant Integration Strategy Year 2 Implementation Plan*. – URL: https://www.london.gov.uk/sites/default/files/London_enriched_Year_2.pdf
 10. *London Enriched Update, 2013*. – URL: https://www.london.gov.uk/sites/default/files/London%20Enriched%20update%20September%202013%20FINAL_0.pdf
 11. *Our Shared Future. The Commission on Integration and Cohesion Final Report*. – London, 2007. – URL: <http://resources.cohesioninstitute.org.uk/Publications/Documents/Document/DownloadDocumentsFile.aspx?recordId=18&file=PDFversi>
 12. The Official website for the Greater London Authority. – URL: <https://www.london.gov.uk>
 13. *The London Plan: Spatial Development Strategy for Greater London* / Official website for the Greater London Authority, 2004. – URL: http://legacy.london.gov.uk/mayor/strategies/sds/london_plan/lon_plan_all.pdf
 14. *Choudhury T. Evolving Models of Multiculturalism in the United Kingdom // Interculturalism: Europe and its Muslims in search of sound societal models* / Ed. by Emerson, M.–Brussels: CEPS, 2011. – 190 p.
 15. *Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework*. – New York : Columbia University Press, 1981. – 290 p.

УДК 008

О. В. Родионова

кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры мировой культуры ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: olgavrodionova@yandex.ru

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

Статья посвящена анализу образа Чужого в русской средневековой культуре. Особое внимание уделяется древнерусским летописям – место первого межкультурного взаимодействия. Предпринимается попытка нового прочтения и истолкования образа Чужого в «Хожении за три моря» А. Никитина.

Ключевые слова: межкультурное и межконфессиональное взаимодействие; диалог культур; образы Другого и Чужого в русских летописях; жанр хождений; семантика и интерпретация.

Rodionova O. V.

Ph. D. (Culturology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of World Culture, Institute of International Relations and Social and Political Studies, MSLU; e-mail: olgavrodionova@yandex.ru

AT HOME AMONG STRANGERS

The article is devoted to the analysis of the Alien image in Russian medieval culture. Special attention is paid to old Russian Chronicles – the place of the first intercultural interaction an attempt is made at a new reading and interpretation of the Alien image in «Journey beyond Three Seas» by Nikitin A.

Key words: cross-cultural and interfaith interaction; dialogue of cultures; the images of the Other and the Alien in Russian Chronicles; genre journey; semantics and interpretation.

Анализ иллюстраций к русским летописям позволяет сделать вывод о том, что визуальное монстротворчество на тему Чужака на Руси и в Московии было не развито. В силу того, что дихотомия *свой – чужой* является неотъемлемой частью бытования любой культуры, приходится предположить, что образ Чужого в русской традиции формировался в области книжной (текст) и /или бытовой (фольклор – устный текст). В обоих случаях приходим к элементам устной или письменной речи.

В статье нас будет интересовать образ Чужого преимущественно в сфере религиозной (мусульманин, иудей).

Эпизод в «Повести временных лет» выбора веры князем Владимиром Святославичем (святым равноапостольным и Красно Солнышко) убеждает нас в том, что ислам, равно как и иудаизм, был известен в период Киевской Руси. Источник этого знакомства, по-видимому,

один и тот же – Хазарский каганат (правлящая элита которого исповедовала иудаизм, а подданные, в основном, ислам). Сюжет о хазарской дани, блестяще проинтерпретированный И. Н. Данилевским, говорит нам, что политической целесообразности для принятия иудаизма или ислама на Руси в X в. не было [5]. Помимо каганата сравнительно рано, но позже X в. приняли ислам и другие соседи Руси печенеги (с XI в.) и половцы (принявшие ислам уже в ордынский период); Русь воевала как вместе с ними, так и против них, но религиозного конфликта как, впрочем, и диалога не было. Они были Иными, чужими по образу жизни (кочевье – оседлость), а не по нравственным критериям.

Формирование образа Чужака с точки зрения религии следует, очевидно, связывать с битвой при Калке (1223) и установлением ига (1238–1240). Стоит обратить внимание, что войско Чингиз-хана и Бату-хана мусульманским не было. Ислам в Золотой Орде в качестве государственной религии был принят при хане Узбеке в начале XIV в. «Восприятие монголо-татар было неразрывно связано с морально-нравственными и интеллектуальными исканиями русского общества в рассматриваемый период. В рассказах о “татарах” древнерусские писатели зачастую затрагивали важнейшие для своего времени темы: обретения праведного поведения, служения Русской земле и собственному сюзерену, поиска правды, победы веры над безверием, торжества православия над “поганством”, измены интересам христианства и неминуемой расплаты за предательство, спасения в ситуации грядущего Страшного суда и т. д.» [11, с. 8].

Также показательным, что образ Чужака в его визуализации (монстр) или описании (*chansons de geste*; летописи; сказания; хождения) появляются на Руси и в христианской Европе примерно одновременно (XIII–XIV вв.). «Судя по всему, именно психологическая установка – непроизвольная и часто неосознаваемая самим субъектом форма отношения к действительности – определяет характер и способы восприятия объекта. Обладая крайней устойчивостью в сознании, психологические установки “очень плохо поддаются изменениям под влиянием рациональных доводов”, их эволюция чрезвычайно замедленна, их реакция на “внешние” изменения достаточно низка» [7, с. 13]. Восприятие и изображение «чужих» народов чаще всего облечено в форму субъективной оценки, активно подвержено мифологизации и даже введению фантастического начала. Приписывание «воспринимаемому» этносу несвойственных ему черт или гипербололизация реально

существующих особенностей его поведения в большей степени связаны с процессом самоидентификации «воспринимающего» этноса [11, с. 14]. Фиксация тех или иных сведений о «татарах», тех или иных оценок их поведения, вероятно, осуществлялась согласно творческому замыслу писателей – авторов произведений древнерусской литературы, – потому что это было нужно, именно так они представляли описываемую действительность [там же, с. 15].

В словесном или визуальном творчестве Чужого большое значение имеет его соотносительность с предыдущим культурным опытом, а в данном случае эсхатологической традицией, которая, помимо общеконфессионального контекста, всегда имеет и строго национальные ориентиры. «С принятием христианства святость Руси определяется ее вероисповеданием, обозначение простонародья “христианами”, едва ли не столь беспрецедентно, как и наименование “Святая Русь”» [12, с. 387]. Если говорить об особенностях репрезентации правильного и ложного; своего и чужого (до некоторой степени эти бинарные пары можно назвать синонимичными: свое, правильное / чужое, ложное), строятся на принципах симметрии, или перевертыша. Поведение князя Владимира и княгини Ольги до и после крещения; а также так называемое антиповедение, связанное с потусторонними силами (сельскохозяйственные, бытовые обряды, особенно связанные с погребением; особое место в русском антиповедении занимает юродство и шутовство). Антиповедение, в тех или иных его формах, естественно смыкается с поведением, приписываемым представителям потустороннего мира, и приобретает тем самым специальный магический или вообще сакрализованный смысл [11, с. 464]. Б. А. Успенский выделяет три вида антиповедения: сакрализованное (обряды, ритуалы, нерелексируемо связанные с языческим культом мертвых); символическое (принудительное или разоблачительное приобщение к перевернутому миру; наказание – как символическая смерть); дидактическое (юродство, в котором характеристики антиповедения переносятся с действующего лица на зрителей; поведение юродивого превращает игру в реальность, демонстрируя нереальность, показной характер внешнего окружения) [11, с. 465, 466, 470].

Антиповедение может практиковаться также по отношению к чужому на своей земле и к самому себе в землях «заморских¹» или

¹ Чужие земли, населенные иноверцами назывались «заморскими», они назывались так не потому, что реально находились за морем, но как атрибут

периферийных (пограничных). Русская традиция, несмотря на довольно активную внешнюю политику, к контактам с иноземным (особенно инославным) относилась предельно настороженно. Древнерусский духовник спрашивал на исповеди: «В' татарех или в латынех в' полону, или же свою волею не бывал ли еси?»; «В чюжую землю отъехати не мыслить ли еси?» [12, с. 385]. Само общение с иноверцами считалось опасным и предполагало ритуальное омовение, московский государь XVI–XVII вв. мог омыть руки и умыться после того, как к его руке приложится посол. Также поступали и обычные люди при встрече с похоронной процессией. Таким образом, иноверцы фактически приравнивались к представителям потустороннего мира. При этом к целованию руки допускались только христиане, мусульманам это было не дозволено [12, с. 410].

Все вышесказанное можно отнести и к формированию образа Чужого в литературе и художественной культуре. Рассматривая образ Чужого в русской традиции, необходимо остановиться на основных этапах его становления. В русских летописях (Синодальный список Новгородской первой летописи; Лаврентьевская летопись (20–30 гг. XIII в.); Ипатьевская летопись (60-е гг. XIII в.)) появляется новый противник – «А зовут я Татары, а инии глаголють Таурмены, а друзии – Печенези». Очевидно, что летописцев интересовали прежде всего не этнические, а символические аспекты идентификации [11, с. 43]. Для нас в описании битвы при Калке в большей степени интересно не фактологическое отражение событий, а их оценка летописцем, а также те литературные источники, в которых автор черпает набор эпитетов для всего происходящего. Одним из основных источников является «Откровение Мефодия Патарского», создание которого относят к VI–VIII вв. Обращает на себя внимание отождествление пришельцев с измаильтянами. До XVI в. в европейских и русских источниках термины «ислам» и «мусульманин» практически не использовались, их заменяли этнические характеристики, в том числе измаильтяне. Но в данном случае в соотношении с «Откровением» и русскими летописями контекст будет несколько иной: с исхождения Измаильтян должен начаться отсчет последних времен перед Концом Света [6]. В этой логике особенно интересно, что в изначальном

их отчужденности, оторванности от православного мира. По широко распространенным представлениям, потусторонний мир отделялся от нашего именно водной преградой [13, с. 385].

упоминании «татары не упоминались как безбожные» [11, с. 33]. И только в описании Батыева нашествия «представления о безбожности татар получает широкое распространение» [11, с. 42]. Из «бича Божьего», посланного в наказание за грехи, они становятся элементом эсхатологических ожиданий и приобретают эпитеты «поганых» и «безбожных». Это, несомненно, новый аспект восприятия татар: из пассивного орудия Господнего гнева они превращаются в субъектов, не только наделенных личными негативными качествами, но несущими ответственность перед Богом за совершенное злодейство [11, с. 70]. Характерно, что в тех памятниках, где нашествие «поганых» ассоциировалось только с «казнями Божиими за грехи» (Новгородская, Лаврентьевская летописи), тема сопротивления захватчикам практически не затрагивалась; в Ипатьевской же, где нашествие «безбожных», «льстивых» татар объяснялось их связью с дьяволом, напротив, проблема возможного отпора завоевателям решалась положительно [11, с. 83]. Не воин-защитник, а «новый Иов с терпением и верой» являлся образцом для подражания, первые полтора века после нашествия Батыева было свойственно примирительное отношение к татарскому владычеству [11, с. 85]. Подобный факт И. Н. Данилевский связывает со сменой состава дружинников и с исчезновением старых родов знати¹. Можно также предположить, что на летописный взгляд по отношению к татарам повлияло общее стремление восточного христианства к созерцательности как к средству стяжания Царствия Небесного. Для сравнения можно говорить об образе «поганых» в западноевропейской традиции, где мавры, сарацины, турки, монголы также представлены Божьей карой, противостоять которой, однако, можно и должно, с чем и связан образ крестоносцев как воинства Христова, новых Апостолов и шире – образа Церкви Воинствующей (не только против грехов людских, но и против неверных²).

Положение меняется к 1380 г. Трансформируется и образ Чужого в литературе, теперь это враг православия. Традиционно русско-исламские отношения рассматриваются в категориях вассально-сеньориальных (до XVI в. сюзеренами были ордынские ханы, после –

¹ См. некоторые конструкты отечественной историографии Батыева нашествия // Русские земли глазами современников и потомков XII–XIV вв. – URL: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/22817/ogl.shtml>.

² Лат. *infidelis* – *неверный*, по отношению к иноверцу появляется первоначально в христианской риторике и позже (не ранее времен Салах ад-Дина (1138–1193) переходит в мусульманскую).

московские государи¹). На наш взгляд, эти выводы можно признать справедливыми только с социально-политической, но не с религиозной точки зрения. Базисно-надстроечные отношения по-прежнему являются определяющими в описании межкультурных и межконфессиональных взаимодействий Средневековья, что вряд ли можно считать приемлемым с точки зрения исторического сознания. Так, современник с легкостью называет мусульманами половцев [10, с. 125], очевидно, не различая их с печенегами, в то время как сами половцы оставались язычниками еще некоторое время в период ига, но именно с ними в русских летописях традиционно связывался эпитет «безбожный», что можно понять практически буквально. Как и «сыновья Измаиловы», «безбожность» половцев – не столько указание на этническую принадлежность «от жребия Симова», сколько на их статус эсхатологического знамения – начала Последних времен.

В этом плане очень показательным противопоставлением «безбожных» половцев и татар как бича Божьего (т. е. орудия справедливого возмездия). Только Ипатьевская летопись указывает на негативную конфессиональную характеристику, называя татар Моавитянами. Эту мысль независимо друг от друга высказывают [6; 10, с. 126; 11, с. 121]. Термин, заметим, библейский, никакого отношения к исламу не имеющий. Также стоит обратить внимание, что, по мнению В. Н. Рудакова и И. Н. Данилевского, Ипатьевский свод дает наиболее европеизированный взгляд на события [6; 11]. По справедливому замечанию И. Н. Данилевского, современная историография склонна понимать летописные источники буквально, что приводит к изменению интерпретаций. Стоит вспомнить, что летописи фиксировали особый тип исторической памяти (уникальные события) и предназначались для чтения потомками не столько в напоминание, сколько в назидание. Именно поэтому сводка с передовой может оказаться скрытой цитатой более раннего летописного свода и / или Священного текста. Сравним:

¹ Эту мысль независимо друг от друга высказывают *Журавский А. В.* Православная и миссионерская деятельность среди мусульман России // Россия и мусульманский мир: Инаковость как проблема: Коллективная монография. – М.: Языки славянских культур, 2010. – С. 126; *Рудаков В. Н.* [9, с. 121]; *Данилевский И. Н.* [цит. по: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/22817/ogl.shtml>).

В лето [6748] Приде Батыи Кыевоу в силе тяжце, многомъ множествомъ силы своеи, и окроужи град, и остолпи си Татарьская. И бысть град во обдыржпнии велице. И бе Батыи оу города. И отроци его обьседахоу град. И не бе слышати от гласа скрипания телегь его множества ревеня, вельблудь его, и ржания от гласа стадь конь его (цит. по: [6]).

Маданигяне же и Амаликитяне и все жители востока расположились на долине в таком множестве, как саранча, верблюдам их не было числа, много их как песку на берегу моря¹.

«Поганство» татар как знамение последних времен актуализировало разный контекст европейского и отечественного религиозного сознания. Для европейского контекста более востребованным оказался inferнальный контекст: «Эта ужасная раса сатаны-татары ... рванули вперед, подобно демонам, выпущенным из Таратара (поэтому верно их и назвали «тар-тарамы», ибо так могли поступать только жители Тартара)² [5].

Показательно, что в англо-русских словарях до сих пор для обозначения татарина используются два слова *Tartar* и *Tatar*. Подобные трактовки в сочетании с античной традицией, выраженных картами типа *Marra mundi* (карты мира) и *Portolan charts* (морские карты), породили монстротворчество. В русской версии актуализировались скрытые цитаты, в том числе из Священного Писания. Сравним:

... в лето 6744. Бысть знамень в солнци месяца августа въ 3, в неделю по обедех бысть видети всем акы месяц четыре дни. Тое же осени. Придоша от восточные страны в Болгарьскую землю безбожнии Татари, и взяша славныи Великыи город Болгарьскыи, и избиша оружием от старца и до юнаго, и до сущаго младенца, и взяша товара множество, а город ихъ пожгоша огнем и всю землю ихъ плениша [Лаврентьевская летопись] (цит. по: [6]).

И сказал: сокроу лицо Мое от них и увижу, какой будет конец их; извне будет губить их меч, а в домах ужас – и юношу, и девицу, и грудного младенцу, и покрытого сединою старца³.

Поскольку с исчадием ада можно и должно бороться, а воле Господней даже такой ужасной необходимо покориться, то линия поведения в Европе и на Руси сложилась принципиально разная. Широкое распространение эсхатологических ожиданий, видимо, сыграло далеко не последнюю роль в снижении обороноспособности страны [6]. Крестоносцы же всячески прославлялись хронистами и поэтами.

Только после 1380 г. в тексте «Задонщины» (конец XIV – начало XV вв.) на первый план выходит «беззаконность» татар. Беззаконность

¹ Суд. 7:12, аналогичное описание см. Суд. 6:5.

² Матвей Парижский (1200–1259). Большая Хроника (1242–1259).

³ Втор. 32:20,25.

в данном случае практически синоним безбожности, поскольку основной и, пожалуй, единственный закон средневекового сознания – Закон Божий. Таким образом, татары во главе с их предводителем переводятся в разряд язычников, борьба с которыми всецело оправдана. Показательно, что татары, первоначально пришедшие на Русь, действительно были язычниками, но рассматривались книжниками в категориях Божественного правосудия. Позднейшие же татары-мусульмане, потеряв статус «бича Господня», перешли в глазах русских книжников в разряд «беззаконных». По мнению книжников Куликовского цикла, гибель в бою так же, как и победа, дает гарантии жизни вечной. Вне зависимости от того, сохраняют ли русские воины жизнь во время сражения или же погибнут, им уготован «живот вечный» и «нетленные венцы» [11, с. 140]. Павшие в бою с татарами приравниваются к святым мученикам. Мамаю же как главе «поганых» приписывают огромное число негативных, в том числе и дьявольских черт [11, с. 162].

В данном случае хочется обратить внимание на две детали: первая – аналогичная оценка войны с неверными (как и сам термин) появляется в описании крестовых походов, второе – подобная трактовка явно находит свое отражение в образе шахида.

Тема джихада и шахидов (погибших на путях Аллаха, кстати, совсем не обязательно с оружием в руках, это может быть, к примеру, умерших на пути в Мекку) одна из наиболее сложных в мусульманской доктрине. Ее толкование чаще всего приводит к исламофобии, хотя первоначальная идея говорила скорее о самосовершенствовании. В Коране есть несколько обращений к теме погибших на путях Аллаха; наиболее похожее по трактовке с идеологией крестовых походов: «А те, которые погибли в борьбе на пути Аллаха, – деяния их Аллах не сделает тщетными, а поведет их по прямому пути к раю и исправит их сердца, и введет их в рай, о котором Он возвестил им» (47:6, толкование смыслов Аль-мунтахаб). В Сахих Аль-Бухари теме Джихада отводится целая книга. Само слово «джихад» переводится как «борьба», «приложение всех возможных усилий». Смысл этого слова как шариатского термина Ибн Хаджар аль-Аскани раскрывает следующим образом: «Это слово используется также для обозначения таких понятий, как борьба с собственной душой, борьба с шайтаном (бесами) и борьба с нечестивцами. Если говорить о борьбе с душой, то она выражается в изучении того, что связано с религиозными делами, применении полученных знаний на деле и передаче этих знаний другим. Что касается борьбы с шайтаном, то ее суть состоит в том, чтобы противостоять тому сомнительному, что внушает человеку шайтан, и страстям, удовлетворение которых шайтан делает

привлекательными для него. Что касается борьбы с неверными (кяфир), то она может осуществляться как руками, так и с помощью денежных средств, языка или сердца». Под борьбой руками имеется в виду открытая вооруженная борьба. Борьба с помощью языка или сердца подразумевает собой открытое или тайное осуждение их действий (Сахих аль-Бухари. – М. : Умма, 2007. – С. 454).

Также важно отметить, что в дальнейшем внешние враги (Руси – Московии – России) часто несли на себе inferнальные черты, чем, по-видимому, соединялись друг с другом. Так в изображении Куликовской битвы И. Г. Блиновым (вторая половина 90-х гг. XIX в.) войско Мамайя представлено не то турками, не то поляками. Характерно, что старообрядцы XVII в. называют храмы никониан «костелами» или «мечетями»; а летописец похода Ермака (XVI в.) называет костелами мусульманские храмы [12, с. 193].

Д. Антонов и М. Майзульс в «Анатомии зла» указывают на пламенеющие прически и серые или черные лица бесов, позднее прически сменяются островерхими, «литовскими» шапками [1, с. 67]. Показательно, что эти шапки практически не отличаются от еврейских головных уборов, бытовавших в средневековой Европе, по мнению тех же исследователей, зооморфная комбинаторика русских образов бесов XVI вв., что явилось запоздалым заимствованием образов звериного стиля (примерно XI в.).

Конфессиональный антагонизм проявляется примерно в это же время в трудах преподобного Максима Грека¹ и «Хожении за три моря» Афанасия Никитина. «Ислам в России воспринимался не как совсем иной, чужой, а, скорее, как свой – чужой, не обладающий сколько-либо принципиальной культурной инаковостью и значимостью» [10, с. 126–127]. С этим утверждением можно согласиться только, если речь идет о совместном бытовании (например, город Касимов – место пребывания Симеона Бекбулатовича – разделенный на русскую и татарскую части; наличие татарских слобод во многих городах: в Москве это район Большой и Малой Ордынки, Толмачевских переулков и Татарских улиц). Если говорить об абстрактном восприятии иноверца, в данном случае мусульманина, то картина будет совершенно иной: ислам – ересь, а Мухаммад – ересиарх.

¹ «Слово (Первое и Второе) обличительное против агарянского заблуждения и против измыслившего его скверного пса Магомета».

Остановимся подробнее на «Хожении...» Афанасия Никитина. Во-первых, стоит отметить, что средневековый жанр хожений весьма далек от путевых заметок позднейших времен, например в духе Стерна¹ или Карамзина², где путешествие – повод для изложения своих мыслей, или Рескина³ и Рильке⁴, где речь идет о собственном переживании того или иного произведения искусства или, опосредовано, определенного исторического периода. Еще меньше походят хожения на путеводители, а если и да, то путеводитель этот обязательно включит в себя мир дольний и горний, тот и этот свет. В этом смысле показательны карты с лоциями (portolan charta) времен султана Сулеймана, с нанесенными на нее землями расы монстров, что, впрочем, не мешало османам того времени владычествовать на море.

Итак, пространство воспринималось в Средние века в нравственных ценностных категориях. Местонахождение ада ирая не только имело географическую «привязку», но и напрямую зависело от национальной и конфессиональной принадлежности географа или путешественника. Большое значение в средневековом мировоззрении имеет паломничество. Хождение в святую землю, приобщает к святости, это как бы хождение в рай. Путешествие в грешную землю – неверную и особенно нехристианскую – считалось делом крайне сомнительным в религиозном отношении: в Древней Руси туда избегали ездить, и тех, кто отправлялся за границу, могли оплакивать как покойников [12, с. 384]. Сложность путешествия усугублялась еще и тем, что святость и греховность не были константными свойствами той или земли, а имели тенденцию к трансформации. Если в западной средневековой историографии основной акцент делается на преемственности власти, исторический процесс описывается в терминах «translation imperii», то русская историография подчеркивает скорее преемственность религиозной традиции и, соответственно, описывает исторический процесс в терминах «translation confessions» – основное значение приобретает идея миграции веры (перехода с места на место), а не власти [12, с. 392]. Таким образом, после 1453 г. некогда святая Византия становится областью «безбожных турков ... поганого царя» [10, с. 394]. На этой трансформации во многом строится идея

¹ «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии».

² «Письма русского путешественника».

³ «Прогулки по Флоренции; Камни Венеции».

⁴ «Флорентийский дневник».

русской государственности¹ от «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона; концепция «Москва – Третий Рим»; петровских преобразований, прежде всего, переноса столицы и провозглашение империи² до крылатой фразы Н. А. Бердяева: «Вместо Третьего Рима в России удалось осуществить Третий Интернационал, и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима» [2, с. 118].

Стоит также принять во внимание комментарий Б. А. Успенского о самом названии «Хожения...» А. Никитина о том, что оно имеет как символический, так и географический характер. В средневековой культуре слово «Индия» выступало иногда как общее именование Востока, причем могли различаться три Индии в зависимости от степени удаления; последняя Индия мыслилась на конце света. Замечательно, что сам Афанасий Никитин характеризует свое сочинение именно как «грешное хождение»; полагаем, что перед нами в данном случае не традиционный прием авторского самоуничужения, но очень точное указание на обратный «перевернутый» характер данного «хожения» [12, с. 419, 395].

Эти вводные замечания нам будут необходимы при анализе образа Другого в тексте А. Никитина. До некоторой степени, как кажется, «Хожение...» может быть уподоблено визионерским текстам Средневековья от описания мытарств до «Божественной комедии». Как и Данте Афанасий Никитин тверд в своих убеждениях, но вместе с тем стремится понять и почувствовать видимым персонажам, познать Бога и самого себя.

Излагаемый текст представляет собой причудливую «смесь» бытописания и мифологии; рядом с перечислением цен на базаре («один я человек, а на харч два с половиной алтына в день идет» [7]) появляются рассказы о дивных существах («змеи ползают по две сажени»³ и это в большом, стольном, по словам Никитина, городе); у обезьян есть «язык свой», а непохожих на родителей детенышей обезьяны бросают, их подбирают индустанцы, «да учат всяким ремеслам»; птица гукук

¹ В «Повести временных лет» под 1071 г. есть запись о волхве, который предрекал, что реки потекут вспять, земли перейдут с места на место, и греческая земля станет там, где стоит русская, а русская окажется на месте греческой [цит. по 11, с. 411].

² Подробнее см. ст. *Успенского Б. А.* Восприятие истории Древней Руси и доктрина «Москва – третий Рим» и в соавторстве с *Ю. М. Лотманом*. Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого.

³ Примерно 3–4 м.

приносит смерть («на чьем доме сядет, там человек умрет») и «огонь изо рта пускает». Власть правителей преувеличена и приукрашена («А когда султан выезжает на прогулку с матерью да с женою, то за ним всадников десять тысяч следует да пеших пятьдесят тысяч, а слонов выводят двести, и все в золоченых доспехах, и перед ним – трубачей сто человек, да плясунов сто человек, да ведут триста коней верховых в золотой сбруе, да сто обезьян, да сто наложниц»).

Следует обратить самое пристальное внимание и на принципиальное смешение языков повествования: русского, татарского, персидского, арабского. По мнению многих исследователей (Ю. Н. Завадовского, П. Винтер-Вирца, И. П. Петрушевского, с ними соглашается и Б. А. Успенский), Афанасий Никитин владел татарским, несколько хуже – персидским и не знал арабского, но в тексте «Хождения...» его использовал. Судя по тексту, в арабских заимствованиях можно признать более или менее точные цитаты из обыденной и молитвенной практики, включая цитаты из Корана и хадисов. Можно предположить, что Коран Никитину был так или иначе истолкован, а сам он неоднократно слышал (возможно, присутствовал) мусульманские молитвы и понимал хотя бы частично их смысл. Довольно трудно согласиться с мнением А. В. Журавского о знакомстве Никитина лишь с «несколькими положениями мусульманской веры» [10, с. 127], в «Хождении» вполне четко описаны все столпы ислама, кроме заката. Шахаду А. Никитин воспроизводит в тексте, хотя и в разнобой¹; «бесерменским постом постится» (следовательно, понимает его смысл и особенность); назначение Мекки понимает²; о пятикратной молитве знает. Да и имя выбирает себе весьма примечательное: «а имя ми Офонасей, а бесерменское имя хозя Исуфъ Хоросани». В комментарии 58 Лурье и Семенов передают: «хозя – ходжа (господин)», объясняя это обычаем, распространенным среди европейцев, живших на Востоке, пользоваться восточными именами, созвучными христианским. Если связать Афанасия с Юсуфом фонетически до некоторой степени возможно, то принять ходжу просто за господина – нет. Ни арабские,

¹ «Олло акьбѣрь. А илягаила илелло. <...> Мемет дени разсулял». Способ и неоднозначность используемой автором транслитерации указывает на его незнание арабского языка.

² «А по бесерменскыи Мякъка, а по-русьскы Иерусалим. <...> А на Мякку итти, ино стати в вѣру бесерменскую. Занеже крестьяне не ходят на Мякку вѣры дѣля, что ставят в вѣру».

ни персидские словари (транскрибировано именно персидское произношение) не дают такого толкования. А. Никитин, очевидно, имея полное представление о степени уважения, которое оказывается вернувшемуся из паломничества в Мекку, приписывает себе статус хаджи.

Еще труднее согласиться с мнением Я. С. Лурье и Л. С. Семенова [9, комментарий 99] – основных авторов комментариев к переводу текста – и А. В. Журавского [10, с. 127–128] о понимании «правой веры, сводимой к единобожию и чистоте», которую комментаторы называют синкретическим монотеизмом. На наш взгляд, пристрастный интерес путешественника никоим образом не выводит его из православия; а социальный статус купца, а «не церковного человека», и вовсе не является определяющим в жанре хождений и паломничеств, в том числе и визионерского толка. Стоит указать, что многие визионеры духовным чином не обладали (от Данте до пастушков Фатимы).

Объясняя индуизм, Никитин, где это возможно, использует христианские аналогии: «Их туто Иерусалимь ... а по-индѣйскыи Порват. Пошел или пришелъ, ини ся кланяют по чернеческыи». Вместе с тем конфессиональная иерархия представлена довольно четко, в этом плане самая примечательная фраза: «А намаз же их на восток, по-русьскыи», т. е. молятся они на восток, как и русские¹, но молитва их русской не чета, от того и использует рассказчик персидский термин «намаз». Греховность места обуславливает применение заведомо неправильного, «нечистого» языка. Применение «неправильного» языка может быть обусловлено в одних случаях непристойным содержанием (обычно, когда речь идет о проституции. – *О. Р.*), а в других – ненормальным местом (ситуацией) [12, с. 396, 398].

В конструировании Никитиным образа Другого следует обратить внимание на три фрагмента.

1. «Мене залгали псы бесермены ... а на море разбойников много. А разбивают все кафары, ни крестьяне, не бесермене; а молятся каменым болваном, а Христа не знают, ни Махмета не знают».

Выделим два аспекта для анализа: «псы бесермены» и понятие «кафар». Начнем со второго. В продолжение разговора о достаточно развернутых знаниях Афанасия Никитина об исламе следует сказать, что термин употреблен здесь с мусульманской точки зрения совершенно

¹ Здесь, становится очевидно, что Никитин понимал разницу молитвенных направлений православных и индусов, с одной стороны, и мусульман – с другой.

правильно: кафирами (неверными) названы идолопоклонники, язычники. В комментарии 34 Лурье, Семенова сказано, что так сначала Никитин называл индусов, пользуясь термином, принятым среди мусульман; позднее он называл их «гундустанцами» и «индѣянами» [9]. В случае с морскими разбойниками указание именно на индусов выглядит несколько сомнительно, поскольку индуизм налагает определенные запреты на плавание в море (нельзя плавать вне видимости берегов). В Южной Индии морское дело было почти синонимом ислама [8, с. 21–22].

Словосочетание «псы-бесермены» вновь возвращает нас к кинологическим проблемам визуализации и речевой атрибуции Чужого. Б. А. Успенский в статье «Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии» указал пса не только как субъекта матерной брани, но и причину ее появления «жидовское слово»; «татарское слово» [12, с. 77]. Связь пса и иноверца восходит, по мнению Успенского, к Святому Писанию. Особого внимания в нашем случае заслуживают стихи (см. табл., курсив наш. – *О. Р.*).

Евангелие от Марка 7:25-30	Откровение свт. Иоанна Богослова 22:14-15
25 Ибо услышала о Нем женщина, у которой дочь одержима была нечистым духом, и, придя, припала к ногам Его	14 Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами
26 А женщина та была язычница, родом сирофиникиянка; и просила Его, чтобы изгнал беса из ее дочери	15 <i>А вне – псы и чародеи, и любодеи, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду</i>
27 Но Иисус сказал ей: дай прежде насытиться детям, ибо <i>нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам</i>	
28 Она же сказала Ему в ответ: так, Господи; но и псы под столом едят крохи у детей	
29 И сказал ей: за это слово, пойдиди; бес вышел из твоей дочери 30 И, придя в свой дом, она нашла, что бес вышел и дочь лежит на постели.	

В то же время отношение к собаке как нечистому животному встречается у большинства индоевропейских (за исключением персов благодаря зороастризму) народов, а также у евреев и арабов [15, с. 154]. Существовал и существует до настоящего времени особый Чин на очищение церкви, *егда пес вскочит в церковь, или от неверных ввидет кто* (курсив наш. – О. Р.), или от пьяных проказ, или от младенца скверна [3, гл. 9]. Сам Ад осмыслялся как псиглавец, в греческой и скандинавской мифологии страж ада – Цербер сочетал в себе черты пса и змея [15, с. 132]. Показательно, что в старообрядческом лубке конца XIX в. адовое чудовище визуализируется собакой, а описывается как змей¹. По русскому поверью: «У татарина, что у собаки – души нет» [14, с. 119]²; песьей верой называли словенцы веру турок. В апокрифическом «Сказании, како сотвори Бог Адама» сотворение собаки предстает как очищение человека (после осквернения еще не оживленной глины Сатаной): человек и пес таким образом оказываются противопоставленными – в самом акте творения – как чистое и нечистое создание [15, с. 149].

2. «Мамет дени иариа. А расъ дени худо донот – а правую вѣру Богъ вѣдает. А праваа вѣра Бога единаго знати, и имя его призывати на всяком мѣсте. чисте чисто». В комментарии Лурье, Семенова читаем: «Никитин считает обязательным свойством «правой веры» только единобожие и моральную чистоту. В этом отношении его мировоззрение сближается со взглядами русских еретиков конца XV в., утверждавших, что «приятным Богу» может стать представитель любого «языка», лишь бы он «творил правду» [9, комментарий 99]. Оценка Никитина, таким образом, сводится к русским ересям XV в. Возникает вопрос: какая ересь имеется в виду? Как ни странно, хотя и закономерно, русский мир был небогат на ереси, можно согласиться с мыс-

¹ Русский рисованный лубок конца XVIII – начала XX вв. – М.: Русская книга, 1992. – 258 с. Рисунок на с. 67, описание с. 205; рис. на с. 74, описание на с. 210, а также многочисленные рисунки из Анатомии Ада Д. Антонова, М. Майзульса, в частности, с. 148, 166, 176. На с. 154 «Четвертый всадник Апокалипсиса выезжает из пасти ада» // Апокалипсис королевы Марии. Англия первая четверть XIV в. – Ад визуализируется псом, Всадник – Салах ад-Дином.

² Следует отметить, что татары – расширительное имя для всех мусульман, в таком виде употребляется в произведениях Лермонтова (см. повесть «Бэла») и Л. Толстого (см. рассказ «Набег»).

лю¹, что отсутствие масштабного еретического течения в России во многом связано со слабой школой отечественного богословия, получившей, так сказать, готовый продукт из Византии. Если говорить об интересующей нас тематике, то первое слово против ислама находят в 101 главе трактата «О ересях» Иоанна Дамскина (сейчас совершенно не принципиально, является ли это авторство подлинным; главное – время появления – VIII в.). Для сравнения в традиции русского православного богословия «Первое слово против агарянского заблуждения и против измыслившего его скверного пса (обратим внимание: опять пес. – *О. Р.*) Магомета» написано Максимом Греком (греком, это тоже важно) в XVI в.

Лурье и Семенов не называют ереси, но очевидно, что речь может идти или о стригольниках², но, по официальной версии, она исчезла к началу XV столетия, или о жидовствующих, ересь 80-х гг. XVI в., но она была распространена преимущественно в Новгороде, после 1478 г. в Москве, носила, скорее, характер тайного общества интеллектуалов³. Афанасий Никитин никак не попадал в целевую аудиторию сторонников ереси, не только потому, что был из Твери, но и, что самое главное, его путешествие пришлось, по разным данным, на 1466/68 – 1472/74 гг. Б. А. Успенский в комментарии сопоставляет суждение А. Никитина с идеями И. С. Пресветова в «Сказании о Магмете салтане» из Большой челобитной, с общей идеей, что правда выше веры. С этим мнением также трудно согласиться, поскольку взгляды И. Пресветова сложились в XVI в., и названные произведения справедливо связывают с годами реформ первых лет царствования Ивана Грозного. В любом случае ни одна из этих идей не может претендовать на звание русского протестантизма. Даже если была мысль об упразднении церкви – посредника, она никак не увязывается с «чисте чисто» – ритуальной чистотой для совершения молитвы. Если бы это было ритуальное омовение рук, как у иудеев, думается, что Никитин бы его упомянул в логике подробного описания Парвата индусов. Так что, по-видимому, фразу: «А права вѣра Бога единого знати, и имя его призывати на всяком мѣсте чисте чисто», – следует

¹ Сердечно благодарю за эту идею моего учителя М. В. Левита.

² Довольно мало изученная в силу отсутствия достаточного количества документов ересь XIV в.

³ Подробнее см. *Карташев А. В.* История русской церкви // Московский период // Ереси.

читать в привязке к предыдущим – о султанах бесерменском и подходящей мухаммедовой вере. Сама фраза: «А правую вѣру Богъ вѣдает», – Никитин дает как перевод предыдущей, которая, по всей видимости, восходит к устоявшейся формулировке, завершающей многие хадисы¹, раскрывающие какие-то спорные ситуации: «А Аллах знает лучше»². Да и первая фраза, скорее всего, должна восприниматься через призму мусульманского учения о религиозной терпимости и многообразии³. В этой же логике стоит расценивать: «Дале Богъ вѣдает, что будет». Комментаторы считают, что религиозное мышление Афанасия Никитина, выраженное разбираемыми нами сейчас фразами, «не может быть сведено к простой идее веротерпимости: слова “Бог ведаёт” в другом месте у Никитина означают неуверенность – “Дале Богъ вѣдает, что будет” [9, комментарий 99]. Однако, несмотря на свое сложное положение и многократные жалобы, неуверенность в подобных словах высказывается единожды и тоже в «бесерменском» отрывке⁴. По-видимому, эти слова, как и предыдущие, также являются калькой с очень распространенной в мусульманском быту фразы: «Ин шаа-Лааһ», – дословно, скорее «дай Бог», но и вариант Афанасия Никитина вполне приемлем.

3. «Милостию Божию преидох же три моря. Дигерь худо доно, олло переводигерь дано. Аминь! Смилна рахам рагим. Олло акъбирь,

¹ См., например, говорится в хадисе, который приводит аль-Баззар. Сообщается, что Ибн Мас‘уд, да будет доволен им Аллах, сказал: «(Как-то раз) я произнёс (эти слова «Нет силы и мощи, кроме как у Аллаха»)), когда находился у посланника Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, и он спросил меня: «Знаешь ли ты, каков смысл этих слов?» Я сказал: «Аллах и посланник Его знают об этом лучше». (Тогда) он сказал: «(Это значит:) только с помощью Аллаха можно избежать послушания Аллаха и только Он даёт силу, позволяющую проявлять покорность Ему».

² Вполне заменимо на Бог, см. Тауфик Ибрагим Аллах или Бог // На пути коранической толерантности. – Н. Новгород : Медина, 2007. – С. 260–268.

³ Ср. Св. Коран 5:48; хадис из собрания Аль Бухари от Абу Хурайра: «Пророки – братья (от одного отца): матери у них разные, а религия одна».

⁴ В молитве после разговора с бесерменином Маликом, который «много понудил в вѣру бесерменьскую стати. Аз же ему рекох: «Господине! Ты намаз киларьсенъ, мен да намаз киларьмень; ты бешь намазъ кыларьсиз, мен да 3 калареман; менъ гарипъ, а сенъ инчай». (Ты молитву совершаешь и я также молитву совершаю. Ты молитву пять раз совершаешь, я – три раза. Я – чужестранец, а ты – здешний») Он же ми рече: «Истинну ты не бесерменин кажешися, а крестьянства не знаешь».

акши худо, илелло акшь ходо. Иса рухоало, ааликъсолом. Олло акъ-берь. А илягаила илелло. Олло переводигерь. Ахамду лилло, шукур худо афатад. Бисмилнаги размам ррагим. Хуво могу лези, ля лясайльля гуя алимуль гяйби ва шагадити. Хуя рахману рагиму, хубо могу лязи. Ля иляга иль ляхуя. Альмелику, алакудосу, асалоуму, альмумину, альмугамину, альазизу, алчебару, альмутаканъбиру, алхалику, альбариию, альмусавирию, алькафару, алькальхару, альвазаху, альрязаку, альфатагу, альалиму, алькабизу, альбасуту, альхафизу, альрравию, алмавизу, алмузилю, альсемилу, албасирию, альакаму, альадилю, алятуфу».

Прежде всего необходимо отметить, что иноязычные вставки произведения изучались менее подробно, чем весь остальной текст¹. Выводы, к которому пришли исследователи еще в начале XX в. не подвергались сомнениям и изменениям во все последующие годы. Так, Н. С. Трубецкой называет последнюю молитву – «обычная мусульманская молитва *асма-уллаһ*» [12, с. 422]. Но, во-первых, к перечислению Прекрасных имен Бога Афанасий Никитин переходит только во второй части молитвы, указывая далеко не все 99 имен, а во-вторых, *асма-уллаһ* не относится к ежедневной молитвенной практике. Подобные молитвы широко распространены в суфийской практике: и как самоценные в практике вазифы (молитвенные упражнения для концентрации), и как составная часть зикра (молитвенная практика, направленная на единение суфия с Всевышним). В обоих случаях необходимы особые знания и подготовка.

Форма молитвы в целом также не может быть признана как «обычная мусульманская молитва». Кстати, довольно трудно определить, что такое обычная мусульманская молитва. Кроме открывающей суры (Фатиха), которая включается в большинство молитв жизненного цикла и во все молитвы дня, оставшаяся часть ежедневной и любой прочей молитвы обладает значительной степенью вариативности. Творческое прочтение мусульманских священных текстов (в данном случае мы говорим не о чтении как таковом), транслитерация арабских слов с убедительностью наводит нас на мысль, что Афанасий Никитин арабским не владел, об этом постоянно говорили исследователи и

¹ Указанной теме посвящены всего две работы: *Трубецкой Н. С.* «Хождение за три моря» Афанасия Никитина как литературный памятник; *Винтер-Вирц П.* «Иностранные слова в “Хождении за три моря Афанасия Никитина”». Все остальные исследования так или иначе согласуются с вышеперечисленными, не вынося в заглавие инокультурный компонент текста.

раньше; а именно о переработке и прочтении в семиотическом смысле слова и мусульманской традиции в целом. Первая часть молитвы является произвольным сочетанием цитат из Корана и хадисов, т. е. представляет собой фрагмент живой ткани мусульманской культуры, используемой для самоактуализации. Идея Б. А. Успенского о том, что Афанасий Никитин обращается к Троице [12, с. 401], заслуживает самого пристального внимания и поддержки. Однако трудно согласиться с тем, что исходит Никитин из устойчивой мусульманской молитвенной формулировки. Так, «Иса рухоало, ааликъсолом» (традиционно переводимое, как «Иисус, Дух Божий, мир тебе») является устойчивой, но не коранической формулировкой, как это трактуют вслед за Н. С. Трубецким все. В самом деле, название Исы (Иисуса) – Дух Божий в Коране встречается¹, но Коран никогда не включает в себя форму ритуального приветствия Бога и пророков. Необходимое добавление при упоминании пророка – «мир ему» – встречается только в хадисах и относится к Сунне.

Надо сказать, что не существует и православной молитвы похожей формы. Практика перечисления имен Бога или Его свойств (в ипостаси Иисуса), Богородицы, святых характерна для католической литургической и паралитургической традиции и восходит к ранней практике сирийских и александрийский песнопений². Самая ранняя известная молитва такой формы – Литания всех святых – не несет нужного нам контекста. Литания Пресвятой Богородицы развивалась с XII в. и утверждена Папой Сикстом V в 1587 г. Литания Святейшему имени Иисуса, более всего похожая на *асма-уллаһ*, утверждена в 1862 г.

Таким образом, перед нами лингвокультурологическое творчество Афанасия Никитина, которое, с одной стороны, несколько снижает существующий антагонизм с «бесерменами», а с другой – напротив, дополнительно подчеркивает его использованием непонятного читателю языка, что призвано лишний раз промаркировать противоположное, антикультурное, антиподное пространство, в котором находится автор.

¹ Св. Коран 4:171–172; остальные цитаты, приводимые Трубецким (2:81,87; 5:109), не подтверждаются по толкованиям смыслов Крачковского и Кулиева.

² Подробнее см. Литания // Католическая энциклопедия. – Т. 2. – М., 2005. Ст. 1673–1676.

Что меняет проведенный семиотический анализ в логике рассмотрения нашей темы?

1. Неизменным остается аксиологический посыл «пса-бесермена», врага православия, который сложился в русских источниках после Батыева нашествия и особенно актуализировался в текстах куликовского цикла. Иной по-прежнему остается существом сказочным до inferнальности. В случае с Афанасием Никитиным вполне применима идея Б. А. Успенского о антипаломничестве с использованием в этой логике антиязыка и антиповедения. Другой, в данном случае Чужой (враждебный), что позволяет использовать его язык для описания непотребного.

2. Тем не менее выстраивается и определенная иерархия Других: от Бича Божьего до безбожных «поганых» в русских летописях, с одной стороны. С другой – иерархия ценностей Никитина. Очевидно, что православие в ней – вне конкуренции, но за ними следуют «бесермены» (они и есть антиподы, как их представлял Льюис Кэрролл в «Алисе в стране чудес», т. е. ровно такие как мы, но наоборот, у Кэрролла ходящие на руках¹. Именно поэтому и происходит контаминация мусульманских и христианских молитв. В силу противоположности миров православные молитвы здесь не работают, а бесерменские как раз наоборот, потому и Бог здесь имеет одну ипостась (Бога-Отца, которого Афанасий Никитин «теологически совершенно правильно отождествляет с мусульманским Аллахом» [12, с. 399]).

3. Таким образом, как и в европейской традиции сталкиваемся с понижением бинарной оппозиции Свой – Чужой, уменьшением ксенофобии при опыте непосредственного совместного бытования. Чужой становится Иным даже в рамках антагонизма Средневековья. Здесь, правда, должно быть высказано одно важное замечание: совместное бытование должно быть мирным, исторически сложившимся или, как в случае с Афанасием Никитиным форс-мажорным. Если же быт связан с завоеванием, насильственным видоизменением идентичности, то здесь даже самые спокойные отношения нагнетаются до экзистенциального противостояния, так татаро-монгольское иго «побудило русский дух к сознанию своей христианской национальности в противоположность поганым варварам» [4, с. 181].

¹ «А не пролечу ли я всю землю насквозь? Вот будет смешно! Вылезаю – а люди вниз головой!», цит. по: http://lib.ru/CARROLL/carroll_1.txt

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов Д. И., Майзульс М. Р. *Анатомия зла: Путеводитель по древнерусской визуальной демонологии.* – М. : ФОРУМ ; НЕОЛИТ, 2015. – 240 с.
2. Бердяев Н. А. *Истоки и смысл русского коммунизма.* – М. : Наука, 1990. – 224 с.
3. Большой Потребник гл. 9. – URL: http://samstar-biblio.ucoz.ru/load/bolshoj_potrebnik/bolshoj_potrebnik/199-1-0-837
4. Буслаев Ф. И. *История русской литературы (Лекции, читанные Его Императорскому высочеству наследнику цесаревичу Николаю Александровичу 1859–1860).* – Вып. 2. – М. : б/и, 1905. – б/с.
5. Данилевский И. Н. *Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов.* – М. : Аспект Пресс, 2004. – 370 с.
6. Данилевский И. Н. *Источники смысла летописных сообщений о битве при Калке // Русские земли глазами современников и потомков XII–XIV вв.* – URL : <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/22817/ogl.shtml>
7. Кон И. С. *Психология предрассудка (О социально-психологических корнях этнических предубеждений).* – URL: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/22817/ogl.shtml>
8. Котин И. Ю. *Ислам в южной Азии: мечом и молитвой.* – СПб. : Азбука-классика ; Петербургское Востоковедение, 2005. – 256 с.
9. Никитин А. *Хожение за три моря.* – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5068>
10. *Россия и мусульманский мир: Инаковость как проблема: Коллективная монография.* – М. : Языки славянских культур, 2010. – 528 с
11. Рудаков В. Н. *Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XII–XV вв.* – М. : Квадрига, 2009. – 248 с.
12. Успенский Б. А. *Антиповедение в культуре Древней Руси // Избранные тр.: в 2 т. – Т. 1.* – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 606 с.
13. Успенский Б. А. *Дуалистический характер русской средневековой культуры // Избранные труды: в 2 т. – Т. 1.* – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 606 с.
14. Успенский Б. А., Лотман Ю. М. *Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого (к проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Избранные тр.: в 2 т. – Т. 1.* – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 606 с.
15. Успенский Б. А. *Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Избранные тр.: в 2 т. – Т. 2.* – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 780 с.

УДК 215

Р. А. Силантьев

доктор исторических наук, профессор кафедры мировой культуры ИМО
и СПН МГЛУ; e-mail: rsilantiev@mail.ru

БОГОСЛОВСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ НА ПРИМЕРЕ ЛИТЕРАТУРЫ СЕТТИНГА WARHAMMER 40.000

В статье рассматривается вопрос богословского моделирования в форме переосмысления христианской эсхатологии на примере вымышленной вселенной Warhammer 40.000. Автор статьи отмечает растущий интерес к религиозной тематике в современных произведениях фантастического жанра и прогнозирует появление новой научной дисциплины – теологии вымышленных миров.

Ключевые слова: богословское моделирование; фантастика; Warhammer; хилиазм.

Silantjev R. A.

Advanced Doctor (History), Professor, Department World of Culture, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU;
e-mail: rsilantiev@mail.ru

THEOLOGICAL MODELLING ON THE EXAMPLE OF LITERATURE SETTING WARHAMMER 40.000

The article discusses the issue of theological modelling in the form of a rethinking of Christian eschatology on the example of the fictional universe of Warhammer 40.000. The author notes the growing interest in religious themes in modern works of fiction and predicts the emergence of a new scientific discipline of fictional worlds theology.

Key words: theological modelling; fiction; Warhammer; chiliasm.

Типичной особенностью фантастических произведений является моделирование. Их авторы обычно пытаются смоделировать новые социумы, экономические модели, военное дело и науку, однако периодически моделирование затрагивает и религиозную тему, как например в произведениях: Станислава Лема, Клиффорда Саймака или Сергея Лукьяненко. В некоторых случаях подобное моделирование перерастает в нечто большее, например, в возникновение нового религиозного движения. Самым ярким примером здесь является «Религия рыцарей джедай» (Jedi Knights religion, Jedi church), которая

получила официальный статус в Великобритании (вошла в десятку крупнейших религиозных традиций) и Новой Зеландии¹. Данный феномен привлекает определенное внимание ученых как российских, так и зарубежных, однако степень его изученности остается незначительной [1–5; 7; 10; 11].

Первоначально вымышленные вселенные описывались в книгах, которые «обрастали» сиквелами, приквелами и спин-оффами, экранизировались и ложились в основу сюжета компьютерных игр. Затем появился альтернативный путь их развития – вселенная сначала целенаправленно придумывалась в коммерческих целях, а затем писателями, режиссерами или игроделами заказывались соответствующие продукты.

В 1980-х гг. в игровой индустрии появилось новое имя. Английская компания «Games Workshops» (GW) представила новую линейку солдатиков, базовые правила игры в которых когда-то разработал сам Герберт Уэллс. До появления общедоступных компьютерных игр конкуренция в этой сфере была достаточно большой и помимо красивых фигурок требовалось придумать интересный мир, в котором бы они жили. Игоделы GW подошли к этому вопросу добросовестно и придумали целых два мира – условную средневековую вселенную «Warhammer fantasy battle» и футуристический «Warhammer 40.000» (WH).

В первом случае успех оказался посредственным из-за серьезного конкурента в лице вселенной «Warcraft», где фигурировали те же рыцари, орки и гномы, а вот WH стал ярким и самобытным проектом, блеснув оригинальностью даже на фоне сверхпопулярных «Звездных войн» и множества других «космических опер».

Причиной успеха WH можно назвать в первую очередь исключительную мрачность далекого будущего, в котором есть место только войне. На первый взгляд, этот мир выглядит пафосно и демонстрирует величие человеческой мысли – миллионы обитаемых планет, миллиардные армии, двадцатикилометровые звездолеты, однако при ближайшем рассмотрении он умирает – врагов становится всё больше и они всё сильнее, в то время как технологии, материальные и человеческие ресурсы расходуются быстрее, чем воспроизводятся.

Именно этот факт подчеркивается в большинстве книг об этой вселенной, если с хаоситами, орками, агрессивными космическими

¹ См., например официальный сайт Церкви джедаев <http://www.jedichurch.org/>

эльфами и гражданскими войнами человечество еще как-то справлялось, то появление гораздо более опасных полуроботов-некронов и похожих на космическую саранчу тиранидов свело их шансы выживания к нулю. Главное государство Империи умирает мучительно и медленно – в течение тысячелетий.

«Идет сорок первое тысячелетие. Вот уже более десяти веков Император неподвижно восседает на своем Золотом Троне. По воле богов Он стал лидером всего Человечества, а с мощью своих неутомимых армий – повелителем миллионов миров. Его тленная оболочка незримо подпитывается энергией изобретений, дошедших из Темной Эры Технологий. Он – Владыка Империи, которому ежедневно приносят в жертву тысячи душ, поэтому Он никогда не умрет до конца.

И в этом бессмертном состоянии Император несет свою бдительную стражу. Могущественные флоты курсируют в зараженных демонами миазмах варпа, на этой единственной тропе, соединяющей далекие звезды. Их путь освещает Астрономикон, физическое воплощение воли Императора. Огромные армии сражаются в бесчисленных мирах с Его именем на устах. Величайшими из Его солдат стали Адептус Астартес, космические десантники, генетически модифицированные супервоины. У них есть и братья по оружию – к примеру, Имперская Гвардия и бесчисленные планетарные защитные силы, вечно бдительная Инквизиция и техножрецы Адептус Механикус. Но даже при всей своей громадной численности они едва ли смогут сдержать натиск извечной угрозы чужих, еретиков, мутантов и еще более ужасных врагов Человечества.

Быть человеком в такие времена означает быть песчинкой в огромной пустыне. Это значит жить под властью самого кровавого и жестокого режима из всех существующих. Нужно забыть о власти технологии и науки, ведь уже многое было потеряно и никогда не возродится. Забыть обещания прогресса и разума. Во мраке будущего есть только война. Нет мира среди звезд, есть лишь бойня и смех ненасытных богов», – именно такой текст предваряет большинство книг и сборников рассказов по вселенной WH [8].

Мир «Warhammer 40.000» подчеркнуто эклектичен. Его создателей вдохновляли многие реальные и вымышленные культуры – Византийская империя (двуглавый орел-аквила как символ Империи), мир «Дюны» Фрэнка Херберта (Бог-Император, навигаторы), мир Средиземья Д. Р. Р. Толкина (человекообразные орки, гоблины, эльфы

и гномы-скваты), «Звездный десант» Роберта Хайнлайна (космодесантники против агрессивных насекомых) и сотни других. Герои Кармазов, Кадыров, Эйзенштейн и Владимир Пу, корабли «Бородино» и «Экклезиарх Невский», планеты Сталинваст и Лубянка выдают также русское влияние.

Вышеупомянутая эклектика формирует свой особый стиль, в котором органично уживается множество вроде бы несовместимых сюжетов. Так, на одной планете WH может разворачиваться драма в декорациях фильма «Чужие», а на соседней персонажи действуют в духе героев Эриха Марии Ремарка из романа «На западном фронте без перемен».

Конечно, не только мрачность и реалистичная безысходность привлекают внимание к WH. Создатели этой вселенной добросовестно подошли к ее устройству, внося в него определенную логику, которой часто не хватает в таких вымышленных мирах. Мотивы героев WH не выглядят искусственными и происходит это во многом благодаря продуманной модели религиозных верований этого мира.

Авторы бэкграунда WH и произведений по его мотивам вряд ли желали удивить мир оригинальным толкованием богословия, в первую очередь намереваясь посредством интересных историй улучшить продажи недешевых солдатиков. Однако по мере развития вселенной WH и насыщения ее новыми деталями вырисовалась очень интересная религиозная модель – культ Бога-Императора, ставшая одним из ярчайших примеров богословского моделирования. Именно о ней и пойдет речь в этой статье.

Сразу следует уточнить, что книги по WH, формирующие его фактологическую базу или бэкграунд, часто противоречивы. Их авторы кардинально перерабатывают характеры ключевых героев и даже особенности целых рас, однако в целом вынуждены следовать изначально заданной линии – орки любят драться, инквизиторы и эльдары – хитрить, космодесантники – превозмогать, простые солдаты – героически или трусливо умирать, а тираниды – пожирать все нетиранидское.

События в этом мире развиваются на протяжении двенадцати тысячелетий, однако преимущественно привязаны к гражданской войне – Ереси Гора в тридцатом тысячелетии и особенно тревожным событиям тысячелетия сорок второго.

Крупнейшее государство WH – Империиум было создано трудами могущественного колдуна Императора, который сначала объединил

сильно пострадавшее от серии мировых войн население Терры-Земли, попутно ликвидировав всех несогласных, а затем развернул экспансию в Космосе, названную Великим Крестовым походом. Он сформулировал новую идеологию, согласно которой во Вселенной было всего три силы – свет, гравитация и человеческая мысль [6]. По его мнению, золотой век человечества должен был наступить не раньше того момента, когда последний камень последнего храма упадет на голову последнего жреца и всячески этот момент приближал [9].

В рассказе «Последняя церковь» Император лично пришел искушать священника последнего храма на Земле, предположительно христианского и, не преуспев в этом, уничтожил и храм, и священника [12]. Ближайший сподвижник Императора, Сигиллит Малкодор, в свою очередь, в секретном месте спрятал особую книгу, о которой отзывался так: «Было время, когда этот том управлял жизнями триллионов. Теперь он не нужен никому. Но его влияние всё еще сохраняется, запечатое глубоко в нашем бессознательном» [13].

Император создал несколько разновидностей сверхлюдей – громовых воинов, кустодиев и космодесантников, однако все они были получены посредством усовершенствования людей обычных. Поэтому главным актом его творением стало создание примархов, которые имели полностью искусственное происхождение. Разумность этих существ могла объясняться как продвинутым искусственным интеллектом, заложенным в них Императором, так и вселением неких сверхъестественных сущностей в специально сформированные телесные оболочки. Вторая версия здесь кажется более вероятной – бездушными роботами примархи не были, напротив, отличаясь буйным темпераментом и гипертрофированной гордыней. Некоторые из них изначально имели откровенно демонические черты, например, Ангрон из легиона «Мироедов» (маньяк), Курц из «Ночных хозяев» (садист и психопат), Мортарион из «Смертогвардии» (любитель массовых геноцидов и экоцидов), большинство других приобрели их со временем.

Взаимоотношения Императора с его «сыновьями»-примархами изначально складывались по-разному и далеко не всегда были похожи на родственные. В итоге главный из примархов – Гор предал Императора, присягнув богам Хаоса, т. е. открытым демонам, и переманил на свою сторону половину уцелевших примархов – некоторые из них были нейтрализованы Императором еще до этих событий.

Разразившая гражданская война едва не закончилась победой Гора, но в последний момент Император вырвал у него победу, правда, ценой несовместимых с жизнью ранений. После уничтожения Гора его сторонники разбежались по всей Галактике, но сопротивления не прекратили, а Император впал в кому и потерял способность к управлению своим государством.

Мог ли Император считаться антихристом? Неизвестные родители и титул вместо имени, создание единого государства на Терре и желание распространить влияние абсолютно на всю человеческую цивилизацию, последовательное искоренение религий, минимальный гуманизм, активное использование колдовских сил свидетельствуют в пользу этой версии.

Другим выраженным намеком на сатанинскую сущность Императора является орден космодесанта «Серые рыцари», которые специализируются на демоноборчестве и ведут свое происхождение не от примархов, а напрямую от их создателя. Число 666 украшает доспехи «рыцарей», для создания которых требуются жертвоприношение десятков людей. Ритуальным убийством одной, но обязательно чистой души, «освящается» и каждый патрон их оружия – психоболтеров. Массовые человеческие жертвоприношения требуются и для поддержания жизни полумертвого Императора.

С другой стороны, большие вопросы вызывает принадлежность Императора к человечеству как таковому, поскольку четырехметровый рост и продолжительность жизни в десятки тысяч лет людям обычно не свойственны. Также он выступал с позиций воинствующего атеизма и отрицательно относился к попыткам своего обожествления, за что, в частности, поплатились «иконоборцы-словоносы» – космодесантный легион примарха Лоргара. Впрочем, тут нельзя исключать изощренный план, согласно которому слишком примитивные идеи «словоносов» следовало заменить идущей из низов общества альтернативной религией Бога-Императора, со временем ставшей единственно верной в Империи. Богословские изыскания Лоргара тогда тожегодились – ведь именно он, обидевшись на Императора, впоследствии сформировал культ богов Хаоса.

По совокупности изложенных в литературе по ВН фактов Император все-таки может считаться аналогом антихриста, вот только не успевшего выполнить свою миссию и объединить всё человечество.

Агрессии Императора смогли избежать множество отдаленных миров, в которых могла сохраниться истинная религия, вследствие чего конца света не произошло. Одной из главных интриг WH является вопрос – кем был Император? Агентом Хаоса или предавшим его демоном? И как рассматривать итоги Ереси Гора? Как тактическую победу человечества, сильно отдалившего торжество сил Хаоса, или же как стратегическую победу злых сил, которые с помощью Императора и Гора превратили жизнь людей в ад на земле?

Как бы то ни было, в наследство от Императора-антихриста людям достался не только тоталитарный Империум, но и религия, провозгласившая его богом. В книгах по WH прослеживается идея, что при столкновении с потусторонними демоническими силами даже ложная религия лучше атеизма, что не отменяет ее слабости и ущербности. Во вселенной WH описано множество историй, когда хаоситские проповедники только силой слова или колдовских чудес обращали в свою веру целые миры Империума, в то время как проповедники Имперского кредо – религии Бога-Императора такими успехами похвастаться не могли. Более того, прозелитизмом среди граждан Империума успешно занимались даже инопланетные расы, идеологически противопоставить которым тоже было нечего.

В религии Бога-Императора мало внимания уделено любви и милосердию. Люди в Империуме рассматриваются как ресурсы разной степени ценности, которые, в отличие от реликтовых механизмов, являются вполне возобновляемыми. Их спасение считается целесообразным только в случае экономической или идеологической выгоды, а иначе даже подчеркнута благородные космодесантники простым людям помогать не будут.

Имперское кредо компенсируют свою качественную слабость количеством – миллиардами священников, колоссальными соборами и солидной силовой поддержкой. Одними молитвами даже самые искренние его адепты могут добиться немногого, поэтому их методы борьбы с врагами мало отличаются от хаоситских.

Но даже такая религия в WH имеет положительные черты, поскольку множество ее ответвлений допускает существование «добрых язычников», которые не имеют представления об истинной сущности Императора, воспринимая его воплощением Бога-Творца или некой обезличенной доброй силой. Нет в WH и героизации борющихся

против имперского кредо сектантов, которые из-за отсутствия истинной религии повсеместно оказываются то замаскированными хаоситами, то агентами тиранидов.

Затянувшееся правление полумертвого антихриста превратило жизнь граждан Империи в ад на земле. Конечно, не все они живут в адских условия – элита устроилась неплохо, но и она в безопасности чувствовать себя не может – в любой момент ересь, сепаратизм планетарного губернатора, вторжение ксеносов или демонов может положить конец ее условно мирной жизни.

Символом всей вселенной WH можно назвать многострадальную планету Армагеддон, обитатели которой живут на берегах рек Стикс и Дьяболус, в мегаполисах Аид, Инферно, Тартар и Ахерон. Планета пережила три нашествия – одно демоническое и два орочьих, каждое из которых приводило к многомиллиардным жертвам и экологической катастрофе. Армагеддону посчастливилось отбиться, но угроза не миновала и скоро эту планету ждут новые войны.

Радикально изменить положение дел в Империи может лишь смерть Императора, тем более что аппаратура поддержания его жизнедеятельности – Золотой трон постепенно выходит из строя. В рамках Имперского кредо есть течения, которые верят в его «второе пришествие» и даже пытаются приблизить это событие, хотя желающих сохранить status quo гораздо больше.

Таким образом, на первый взгляд сугубо развлекательная вселенная WH предлагает интересный опыт богословского моделирования по мотивам христианской эсхатологии: искусственно отложенный конец света и хилизм наоборот – десятилетиячелетнее царство антихриста вместо тысячелетнего царства Христа. Нужно заметить, что аналогичные тенденции сейчас все чаще наблюдаются и в других фантастических сеттингах либо отдельных произведениях, что ставит на повестку дня возможность создания новой отрасли теологии – теологии вымышленных миров. Эта дисциплина могла бы изучать не только интересные примеры богословского моделирования, но и влияние религиозно ориентированной фантастики на формирование мировоззрения ее читателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдуллина Т. С., Сергеев С. А.* Киберпанки и киберготы: рождение субкультур из духа фантастики // Управление устойчивым развитием. – 2016. – № 3 (04). – С. 60–66.

2. *Абдуллина Т.С.* Молодежная субкультура «готов»: философско-культурологический анализ: дис. ... канд. филос. наук. – М., 2015. – 200 с.
3. *Беляева М.Ю.* Ономастика жанра фэнтези: между системой и средой // В кн.: Ономастикон с позиций саморегуляции текста / отв. ред. М.Ю. Беляева, Л.М. Цонева. – Славянск-на-Кубани, 2013. – С. 192–238.
4. *Вострецов Е.Ю.* Проблема религиозного статуса феномена «fictional-religions» // Философские проблемы религии, морали, политики и права материалы Всероссийской научно-практической конференции слушателей, курсантов и студентов / под общ. ред. Е.В. Пенионжек, С.В. Архиповой. – М. : б/и, 2016. – С. 120–129.
5. *Сергеев А.А.* Религии вымышленных миров: религиозность и фантастика, важность анализа религиозной составляющей в современных произведениях фантастики и фэнтези // Церковь. Богословие. История материалы IV Международной научно-богословской конференции, посвященная Собору новомучеников и исповедников Церкви Русской. – М. : б/и, 2016. – С. 268–274.
6. *Силантьев Р.А.* Инквизиция вселенского масштаба. Религии мира «Warhammer»: часть первая. – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/305725.html>
7. *Силантьев Р.А.* Религия в мире грез. – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/626625.html>
8. *Чаплюк А., Толенев А.* Огнем и мечом. Вселенная «Warhammer 40000» // Мир фантастики. – 2005. – № 3. – С. 69–73.
9. *Чекмаев С.* За веру! – URL: <http://old.mirf.ru/Articles/art2822.htm>
10. *Nancy K., Diana J., Mansell R. N.* A Guidebook to Religious and Spiritual Practices for People Who Work With People. Universe. – 2008. – P. 249–251.
11. *MacDonald H.* Warhammer universe in the U.S // Publishers Weekly. – 2003. – Т. 250. – № 51. – С. 23.
12. *McNeill G.* The Last Church. – URL: http://samlib.ru/g/gades_a/last_church.shtml
13. *Wright C.* The Sigillite (Audio Book) (Horus Heresy series). Published in 2013. – URL: <http://emiz.biz/viewtopic.php?t=309011>

УДК 81

Ф. А. Черномашенцева

аспирант кафедры мировой культуры ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: fchernomashentseva@yandex.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ РАЦИОНАЛЬНОГО И ИРРАЦИОНАЛЬНОГО В КУЛЬТУРЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются категории рационального и иррационального и их взаимосвязь в рамках понятия когнитивной картины мира. Особое внимание уделено рассмотрению проявлений иррационального как форме сохранения психологической стабильности народа: «доброкачественная» и «злокачественная» агрессия в соответствии с теорией деструктивности Э.Фромма.

Ключевые слова: когнитивная картина мира; национальная картина мира; иррациональное и рациональное познание; бессознательное; национальная культура; мировоззрение; стереотипы.

Chernomashentseva F. A

Postgraduate Student, the World Culture Faculty, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU;
e-mail: fchernomashentseva@yandex.ru

INTERRELATION BETWEEN RATIONAL AND IRRATIONAL IN CULTURE: THEORETICAL ASPECT

The categories of rational and irrational are analyzed. Their mutual connection in terms of cognitive world-building is presented. As the main aspect of the article the display forms of irrationality as a particular way of creating and preserving the psychological stability of people (according to the different types of aggression of E. Fromm's theory of disruptiveness) is considered.

Key words: cognitive world-building; national world-building; rational and irrational perception; unconscious; irrationality; national culture; stereotypes; mindset.

В современном мире мы можем наблюдать неугасающий интерес к иррациональному как альтернативной форме познания действительности и взаимодействия с ней. Это обусловлено тем, что современный человек живет в прагматичном, рациональном мире, полном технологий, машин и алгоритмов, что, безусловно, угнетает его, принижая его значимость. Поэтому всё чаще человек ищет внерациональные способы взаимодействия с действительностью, многие обращаются к новым течениям религии и философии, осваивают новые духовные практики, начинают верить в знаки, судьбу и удачу. Это возвращает человеку веру в себя и свою уникальность.

Современная массовая культура – это феномен, требующий изучения. Такие функции современной массовой культуры, как трансляционная, гносеологическая и мировоззренческая, определяют ее влияние на восприятие людьми реальности, сама же массовая культура является результатом философской рефлексии продуцирующего ее социума. Понимание взаимодействия рационального и иррационального в массовых культурах России и США поможет выявить наличие национальной когнитивной картины мира, а также возможные сценарии межкультурного взаимодействия.

В работе мы введем определение *рационального* и *иррационального* и возможные интерпретации данных категорий.

Во-первых, иррациональное в общем смысле выступает как философское понятие, «выражающее неподвластное разуму, неподдающееся рациональному осмыслению, несоизмеримое с возможностями разума» [2]. С точки зрения философии иррациональное делится на две категории, одна из которых может быть охарактеризована как *неразумное*, а вторая – как *сверхрациональное*, непостижимое на данном этапе развития человеческого разума. Безусловно, чаще всего мы оперируем именно первым термином для описания действий, которые противопоставляются логичному и рациональному. С категорией иррационального на различных этапах развития философии и культуры связывали многочисленные понятия. Так, в Античности иррациональное часто выступало как фон для рационального, как то, что не может быть осознано, хотя и существует. В христианской философии иррациональное выступает в форме веры, противостоящей разуму. Вера как альтернативная форма познания до сих пор играет огромную роль в познании действительности. В Новое время мыслители приходят к выводу о нецелесообразности деления и противопоставления веры и разума, что в итоге приводит к еще большему интересу к иррациональному в жизни и культуре человека и новым открытиям З. Фрейда и К.-Г. Юнга в области бессознательного.

Во-вторых, в более узком смысле иррациональное противопоставляется рациональному в виде естественного. Под естественным можно понимать биологически обусловленные реакции и способы взаимодействия с реальностью: это эмоции, чувства, инстинкты.

Рациональное противопоставляется эмпирическому познанию и мистическому знанию. Иными словами, рациональное познание – это способ взаимодействия с действительностью путем оперирования

образами, символами и знаками. Конечно, чаще всего рациональное ассоциируют с логикой, непротиворечивостью каким-либо принятым правилам. Следует отметить, что рациональное и иррациональное – две категории, не существующие друг без друга.

Под картиной мира в основном значении подразумевают упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном сознании. Существует два вида картин мира: непосредственная (когнитивная) и опосредованная (например, языковая). З. Д. Попова и И. А. Стернин пишут: «Непосредственная картина мира, возникающая в национальном сознании, зависит от того способа, общего метода, которым она была получена ... она может быть рациональной и чувственной ... теоретической и эмпирической; научной и “наивной”; естественно-научной и религиозной ... исторически обусловлена и тесно связана с мировоззрением, но ему не тождественна ... мировоззрение определяет метод познания, а картина мира – это уже результат познания, она существует непосредственно в сознании» [3]. Именно так эти ученые описывают принципиальную разницу между понятиями. Под национальной когнитивной картиной мира мы будем понимать результат познавательной деятельности человека (и народа в целом), отражающий в национальном сознании совокупность упорядоченных знаний. Когнитивная картина мира создается культурой, которая задает общенациональные понятия и ментальные стереотипы, призванные понимать и интерпретировать реальность.

Исторический опыт показывает, что иррациональное имеет огромное влияние на человека и культуру в целом, порой большее, чем рациональное воздействие. Именно на иррациональном построены теории управления массами, ведь управление само по себе направлено на сферу бессознательного, на неосознанное восприятие и дальнейшее применение информации. Воздействие основано не на рациональном представлении реальности, а на образах, чувствах и эмоциях, которые должны повлиять на человека так, чтобы идеи и образы стали частью когнитивной картины мира человека.

Безусловно, важной теорией, которая изучает сферу иррационального и ее влияние, является теория деструктивности Э. Фромма. Особое внимание стоит уделить понятию «агрессивность», которая, согласно Э. Фромму, существует в двух видах: *доброкачественная* и *злокачественная*. «Доброкачественная» агрессия – это инстинктивное,

присущее любому человеку и животному. «Злокачественная» агрессия представляет собой явление, порожденное биосоциальной природой человека, его характером как совокупностью превалирующих «страстей». Э. Фромм пишет: «Если обозначать словом “агрессия” все “вредные” действия, которые причиняют (или намерены причинить) ущерб другому человеку, животному или неживому объекту, то сразу надо осознать, что под эту категорию попадают нередко весьма разнообразными типы реакций и импульсов; поэтому необходимо все же строго различать агрессию биологически адаптивную, способствующую поддержанию жизни, доброкачественную, от злокачественной агрессии, не связанной с сохранением жизни» [4, с. 94].

«Доброкачественная» агрессия

«Доброкачественная» агрессия связана только с инстинктом самосохранения (в случае человека, скорее, с желанием сохранить физическую и психологическую стабильность). Следует отметить, что Э. Фромм говорит, что такой вид агрессии делится на несколько подтипов: псевдоагрессия, оборонительная агрессия (агрессивность как прием вытеснения страха, агрессия как реакция на попытку лишения иллюзий и т. д.). При этом следует подробнее рассмотреть проявления «доброкачественной» агрессии, которые могут быть вызваны условиями социальной природы человека. У такого вида агрессии есть несколько причин, которые отделяют «доброкачественную» агрессию человека от защитного «животного инстинкта»: во-первых, человек, в отличие от животного, реагирует на собственное восприятие и прогноз; во-вторых, согласно Э. Фромму, человек склонен избегать принятия ответственных решений и позволять себя убедить: человек с «поддачи» неплохого оратора готов поверить в опасность, даже если сам не уверен есть ли она. В-третьих, «доброкачественная» агрессия удовлетворяет стремление человека обеспечить себе психическое равновесие (наряду с физическими условиями), именно поэтому человек имеет тенденцию защищать свойственную ему картину мира, убеждения, веру и т. д. Социальные условия могут быть причиной подавления уверенности в себе и, соответственно, вызывать чувство страха перед неизвестным или новым, угрожающим психологической или физической стабильности. Естественным механизмом вытеснения страха является агрессивность.

«Злокачественная» агрессия

Э. Фромм в своей работе «Анатомия человеческой деструктивности» описывает агрессию, связанную с характером как набором «страстей», где страсти – результат взаимодействия человеческих потребностей с социальными условиями [4]. Иными словами, «злокачественная» агрессия – это результат влияния социальных условий на человека, который отражается в его стремлениях. По мнению Э. Фромма, деструктивность – это социальный продукт, который подразумевает самые крайние проявления агрессии, называемые жестокостью. Деструктивность представляет собой результат взаимосвязи личных экзистенциальных потребностей человека с социальными условиями. Методы удовлетворения сущностных психических потребностей могут отличаться. Эти различия обусловлены социальным или общественным положением человека. Способы удовлетворения таких потребностей находят отражение в страстях человека. Э. Фромм описывает это следующим образом: «Различные способы удовлетворения экзистенциальных потребностей проявляются в таких страстях, как любовь, нежность, стремление к справедливости, независимости и правде, в ненависти, садизме, мазохизме, деструктивности, нарциссизме. Я называю их страстями, укоренившимися в характере, или просто человеческими страстями, поскольку они в совокупности составляют характер человека (личность)» [4, с. 115].

Итак, под термином «характер» мы понимаем совокупность неинстинктивных стремлений, связывающих человека с социальным и природным мирами. Характер – это субъективное отражение культуры общества, в котором живет человек. Подводя итог вышесказанному, «злокачественная» агрессия возникает как «реакция» человека на социальные условия развития общества и личности. К формам «злокачественной» агрессии Э. Фромм относит садизм (как жажду абсолютной власти над живым существом) и некрофилию (как любовь к неживому и стремление превратить все живое в неживую материю). По мнению Э. Фромма, садизму благоприятствует доминирование одной социальной группы над другой, а развитию некрофилии способствует превалирование «принципа вещизма». В нашей работе интересен феномен совокупного взаимодействия «злокачественной» агрессии в форме садизма с «доброкачественной» агрессией, вызываемой механизмом защиты от психологической угрозы.

Так, в качестве примера преобладания иррационального над рациональным приведем события периода «охоты на ведьм» в XV–XVII вв. на территории Европы и США. Сравним когнитивную картину мира человека тех времен с когнитивной картиной мира современного человека, отвечая на следующие вопросы.

1. Сформировалась ли национальная картина мира, претерпела ли она изменения?

2. Существуют ли устойчивые мифологические образы, связанные с иррациональным, свойственные культуре, или же мы действительно живем в едином информационном и культурном пространстве?

3. Одинаково ли современная массовая культура влияет на разные национальные культуры?

Для понимания феномена «охоты на ведьм» следует принять во внимание описание основ различных типов сознания: мифологического, религиозного, философского, обыденного и др. [3]. Особенно важно для анализа событий, известных как «охота на ведьм» в Европе XV–XVII вв., понимать, что основой мифологического сознания (мировоззрения) является эмоция: страх, желание и т. д., а основой религиозного – вера в сверхъестественное и сверхпорядок. Мифологический тип сознания свойствен дорегиозным обществам, однако, так как человек биосоциальное существо, ему не чуждо возвращение в «первобытное состояние» под действием сильных эмоций. Недаром в языке существует множество пословиц и поговорок, демонстрирующих влияние эмоции на мировосприятие человека. «У страха глаза велики!» – восклицает человек, послушав необыкновенную историю об увиденном. Обстоятельства воздействуют на саму природу человека, на его поведение и восприятие.

Религиозное мировоззрение, как уже было сказано, основывается на вере в сверхъестественное, что само по себе сродни мифологическому мировоззрению, тем не менее религиозный тип сознания предполагает систематизацию убеждений, дихотомию «зла» и «добра» относительно абсолюта, идеала.

Очевидно, что в религиозном сознании категории добра и зла выстраиваются относительно веры в Бога, где Бог – есть добро, а Дьявол – абсолютное зло. Соответственно выстраивается дихотомия «свой – чужой», где «свой» – добро, а «чужой» воспринимается с подозрительной настороженностью. Системность религиозного типа сознания требует создания формул поведения и реакции – «габитуса»

у П. Бурдые [1]. Габитус религиозного человека предусматривает наличие таких компонентов, как молитва, посещение церкви, соблюдение различных обрядов и так далее. При этом совершенно не исключается влияние компонентов мифологического сознания, даже наоборот, будучи следующим за ним типом мировоззрения, религиозное мировоззрение также зиждется на страхе перед неизвестным и непонятым. Эта взаимосвязь, по нашему мнению, типична для человека «переходного» периода.

В это время фанатичные инквизиторы, энергичные политические и экономические деятели, обладающие известной долей влияния, умело создавали образы, прочно закрепившиеся в душе и воображении толпы.

Теория деструктивности Э. Фромма описывает таких влиятельных и жадных до власти людей как «садистов», которые с завидной ловкостью воспользовались ситуацией, вызвав в людях «доброкачественную» агрессию, призванную защитить их психологическое равновесие. В данном случае, конечно, это оборонительная агрессия и агрессия как метод вытеснения страха. Впрочем, признание их авторитета, можно предположить, ассоциируется с незыблительностью «сверхпорядка» в религиозном мировоззрении. Более того, наличие систематизированных псевдонаучных представлений о ведовстве свидетельствует о грядущей эпохе философии и науки, а пока это лишь желание упорядочить категории, являющимися компонентами понятия зла.

Несмотря на то, что массовая истерия происходила на рубеже эпох, в том числе и в «век разума», рациональным такое поведение вряд ли можно назвать. Это свидетельствует о том, что каким бы рациональным ни казалось время, иррациональное никуда не исчезает, оно не является ориентиром, нормой или идеалом, существует в скрытой форме, часто остается незамеченным и лишенным внимания и достойного рассмотрения, однако может быть с легкостью использовано.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр. ; сост., общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя ; М. : Институт экспериментальной социологии, 2005. – 576 с.
2. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Степина. – Т. 2. – М. : Мысль, 2010. – 634 с.

3. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Язык и национальная картина мира. – Воронеж : Истоки, 2007. – 61 с.
4. *Философия: учеб. пособие для высш. учеб. завед.* – 8-е изд. – Ростов-н/Д : Феникс, 2004. – 576 с.
5. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. Э. М. Телятникова, Т. В. Панфилова. – Минск : Попурри, 1999. – 624 с.

УДК 81

А. С. Блинова

аспирант кафедры гуманитарных и социально-экономических наук;
ст. преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
в области теологии факультета немецкого языка МГЛУ;
e-mail: asblinowa@gmail.com

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ И ГЕНЕЗИС ПРОБЛЕМЫ ТЕОДИЦИИ

В статье рассматривается социальный аспект проблемы теодицеи. Дается анализ развития идеи теодицеи в истории философии и демонстрируется актуальность изучения данной проблемы в контексте современного общества.

Ключевые слова: теодицея; зло; добро; нравственность; общество.

Blinova A. S.

Postgraduate Student, Department of Humanities and Socio Economic Sciences;
Senior Lecturer, Department of Linguistics and Professional Communication in
the Sphere of Theology, the Faculty of German;
mail: asblinowa@gmail.com

THE ORIGIN OF THE THEODICY-PROBLEM

This article revolves around the problem of theodicy and its social aspect. The development of the idea of theodicy is analyzed in the history of philosophy. This problem is now becoming ever more relevant in the context of modern society.

Key words: theodicy; good and evil; morality; society.

Сущность, соотношение добра и зла – одна из важнейших проблем человечества. Еще в древности не только философы и теологи, но и обычные люди задавались такими вечными вопросами, как «Что такое добро и зло?»; «Откуда в мире зло?»; «В чем сущность зла?». Эти вопросы человек тесно увязывал с проблемой Бога и человека. Изначально может показаться, что эти вопросы возникают лишь в

рамках определенного мировоззрения, а не при любых обстоятельствах и для каждого индивида. Однако история свидетельствует об обратном и приводит тому яркие примеры. Явления зла и добра в мире, страдания человека, искупление вины, наказание – вот, что волнует нас с древнейших времен. Особенно злободневными становятся такие темы в переломные периоды человечества, как войны, революции, социальные и экономические потрясения, кризис духовных ценностей. Инфляция происходит не только в экономике, но и в душах людей. Обесценивается всё то, что раньше было дорого, на смену приходят новые ценности, которые противоречат устоявшимся традициям и не всегда легко воспринимаются людьми. Как отмечал Конфуций: «Не пожелаю никому жить в период перемен».

Сегодня мир оказался на грани очередного социально-нравственного потрясения: терроризм, ИГИЛ, военные перевороты, информационная война, безработица, миграция, сотни тысяч беженцев покидают свои обжитые дома, ищут лучшую долю на чужбине. Обесценивается человеческая жизнь, люди не чувствуют себя защищенными. Увеличение зла в мире приводит к падению нравственности и к тому, что люди становятся восприимчивы к жестокости и несправедливости, которая превалирует над добром и любовью. Именно поэтому проблема добра и зла оказывается столь актуальной и в современном обществе [7].

Несмотря на то что философы и богословы издревле занимались проблемой добра и зла, понятие «теодицеи» (от греч. *theos* – Бог и *dike* – право, справедливость, букв. ‘Богооправдание’) ввел немецкий философ Нового Времени Готфрид Лейбниц в трактате «Опыты Теодицеи о благости Божией, свободе человека и первопричине зла» (1710). Он рассматривал мир как совершенное Божественное творение и присутствие зла считал неотъемлемым наличием добра.

Для лучшего понимания сущности добра и зла необходимо обратиться к социальным и философским истокам данного явления. Конечно, в рамках небольшой статьи невозможно обозреть все философские, религиозные концепции, ибо, на протяжении веков представления о добре и зле у разных народов отличались большим разнообразием. В этой связи уместно будет выделить лишь некоторых наиболее ярких представителей, которые уделяли внимание теодицеи.

Если мы обратимся к древнегреческой философии, увидим, что мыслители того периода пытались рационально изложить социально

значимую проблему добра и зла, а также предложить способы ее решения. В Античности существовала традиция трактовки зла как чисто относительного понятия. Так, по Демокриту: «Сладкое и горькое, холодное и горячее, доброе и дурное – все это по установлению; по природе же есть только атомы и пустота». Согласно софистам: «Нет ничего самого по себе хорошего или плохого: что для одного хорошо, для другого плохо; и что сегодня для меня хорошо, завтра плохо... Смертельная болезнь для меня зло, а для моих наследников благо. Обильный урожай для продавца зерна – зло, а для покупателя – благо».

Философ-атеист Эпикур, анализируя наличие зла в мире, риторически обращается к Творцу: если Бог желает предотвратить зло, но не может этого сделать, тогда он бессилен. Если Он мог бы это сделать, но не хочет, тогда Он исполнен злобы. Если Он имеет как силу, так и желание, тогда откуда в мире зло? Не получив ответа, Эпикур попытался дать всеохватывающее определение добра и зла. По его мнению, добро – это наслаждение жизнью, достигаемое в результате удовлетворения телесных и духовных удовольствий. Предел величины удовольствий есть устранение страданий, достижение атараксии, т.е. безмятежного состояния, когда человек не испытывает зла физического и духовного. Но эти явления сопровождают нас постоянно, поскольку связаны с нашими потребностями-удовольствиями. Эпикур проводит классификацию потребностей: естественные и необходимые (человеку необходимо есть, пить и т.п.); естественные, но не необходимые (чрезмерная роскошь); не естественные и не необходимые (наркотики, разного рода извращения, не отвечающие естественной природе человека). Чтобы избежать зло, учил Эпикур, следует избирать потребности естественные и необходимые. Атараксия души и отсутствие страданий тела суть удовольствия покоя, т.е. пассивные удовольствия, а радость и веселье рассматриваются им как удовольствие движения, т.е. активные удовольствия [5, с. 222–224]. Стремление к благу есть жизнь в согласии с природой.

Сократ считал, что природа и человек являются творением божества «великого и всемогущего». Небо и землю, богов и людей гармонично объединяют общение, дружба, порядочность. По этой причине нашу Вселенную называют «космосом» (порядком), а не «беспорядком». Понимание Сократом блага связано с его признанием бессмертия души как частицы души божественной. В ней важнейшая роль

отводится такому понятию, как «демоний» (от греч. *Daimonion* – божественный). Сократ подчеркивал «внутренний божественный голос», который звучит в человеческой душе. Посредством демона боги выделяют человека из всех других и сообщают ему смысл мироздания, предохраняют от совершения зла, ведут по пути добродетели. Важным жизненным девизом Сократа был: «познай самого себя». Мыслитель направлял свои усилия на познание духовности, нравственной основы личности, понимание ею добра, зла, совести, справедливости. Одной из важнейших добродетелей он считал знание. Поэтому следует стремиться к полному познанию истины. Если человек не ведает, что есть добро, то он может невольно ему сопротивляться и встать на путь не-добродетели. Занимаясь нравственными проблемами, философия, считал Сократ, в состоянии служить духовному воспитанию людей, способна отвратить их от порока, внушить стремление в добродетели.

Ученик Сократа Платон (настоящее имя Аристокл) также уделял особое внимание проблеме добра и зла. С его точки зрения, споры о добродетели – это наиважнейшие беседы «о великом деле, гораздо более великом, чем это кажется, – о том, быть ли человеку хорошим или плохим» [6, с. 406].

Согласно Платону, все многообразие мира материального и духовного создано божеством – Демиургом. Бессмертная душа человека тянется к вечному благу, она как бы подталкивает его к самосовершенствованию. Материальные вещи, поскольку состоят из атомов, изменяются, уничтожаются. Идеи не имеют частей, поэтому они вечны. К ним относятся и благо, красота, истина, справедливость и т. п. Все существующие вещи, временные и преходящие, имеют свои идеи-этосы. Поскольку зло реально присутствует и порой властвует в мире, рассуждал Платон, то можно подумать, что оно должно иметь свою благую идею. Подобный вариант решения им отвергался. Поскольку благо – это бытие, то зло, следовательно, это небытие. Оно есть лишь отсутствие блага, т. е. идеи, подобно тому, как незнание есть отсутствие знания, а тьма есть отсутствие света. Поэтому зло возникает не вследствие того, что якобы существует идея зла. Зло существует в мире потому, что человек отворачивается от божественного мира идей, направляя свою познавательную способность и способность действовать в другую сторону. Если зло существует, потому что человек направляет свои способности на чувственный

мир, то именно в чувственном мире Платон и видел причину зла. Не в человеке, не в его свободном выборе, но в самом чувственном мире и, в конце концов, в материи – в небытии.

В понимании Платоном зла можно выделить несколько аспектов. Во-первых, зло рассматривается как нечто объективное; во-вторых, как субстанция (по-гречески «ипостась»); в-третьих, зло содержится во всех сферах бытия – это и телесное уродство, болезнь, аномалия, и дисгармония, и душевные пороки; в-четвертых, метафизическое зло – умаление бытия и совершенства.

Аристотель был не согласен со своим учителем Платоном. Известно его изречение: «Платон мне друг, но истина дороже». Аристотель отрицает мир идей, который, если следовать Платону, существует в каком-то взеземном мире. Идеи могут находиться только в голове человека. Поэтому категории «благо», «добродетель», счастье и т. п. – плод человеческих размышлений, в которых отражается социальная реальность. Аристотель также был не согласен с Сократом, который считал, что если человек знает, что такое добро, то он не будет совершать зло. Знание добродетели не останавливает человека от не благородного поступка. Поэтому в нашей власти добродетель, точно так же, как и порок. Некоторые философы, отмечает Стагирит, называют благом удовольствие, поскольку все к нему стремятся. В то же время от чрезмерного «блага-удовольствия» бывает вред. Известно, что многих сгубило стремление к таким удовольствиям, как богатство, пьянство, т. е. не всякое удовольствие является благом. Если мы говорим, что страдание есть зло, то из этого утверждения еще не следует, что удовольствие есть благо. Конечно, удовольствие придает полноту жизни, поэтому люди к нему стремятся. Возникает вопрос о том, *что и во имя чего мы выбираем: жизнь во имя удовольствия или удовольствие во имя жизни?*

О благах рассуждает далее Аристотель, следует говорить в различных значениях. Одни из них в большей мере почитаются людьми, другие – в меньшей. Есть блага, которые связаны с вещами, приносящими пользу, а есть блага – возможности. Среди них выделяются власть, похвала. Добродетельный человек сумеет воспользоваться ими для добра, дурной – для зла, поэтому такие блага и называют возможностями. Блага подразделяются также на внешние по отношению к человеку (богатство, власть, почет, слава и т. п.) и внутренние, связанные с телом и душой. Душевные блага проявляются как

добродетель, а телесные – в здоровье, красоте. Главным в жизни человека является достижение высшего блага, т. е. счастья. Это возможно только благодаря добродетели, которая понимается не как нравственные качества человека, а как некое состояние души, достигаемое посредством образования и воспитания в обществе.

Следовательно, добродетель – склад души, способный определить середину при выборе поступка, при котором избыток и недостаток присущи порочности. «Итак, добродетель есть сознательно избираемый склад души, состоящий в обладании серединой по отношению к нам, причем определенной таким суждением, каким определит ее рассудительный человек» [1, с. 87]. Люди преступают должное либо в сторону избытка, либо – недостатка. Добродетель умеет находить середину и ее избирает.

Не менее известный древнегреческий философ Плотин, представляющий неоплатоническую школу, также задается вопросом «Откуда в мире зло?». Причиной и источником зла Плотин считает материю, которая лишена единства и является небытием, поэтому зло понимается как умаление добра, недостаток блага. Кроме того, Плотин приходит к выводу, что помимо материи источником зла является свободная воля человека. Совершая плохие и злые поступки, человек сам себя обрекает на наказание и зло, которые будут пребывать с ним и после его смерти, поэтому зло создано специально для человека, ведь без него он не может познать добро. Следовательно, зло существует для гармонии мира.

В Средневековье вопросы добра и зла также имели важное значение среди философских проблем, которыми занимались философы того времени. К примеру, выдающемуся философу Августину удалось при помощи синтеза философии Плотина и христианского богословия создать так называемый западный средневековый метод философствования. Его как философа и богослова очень волновал вопрос о существовании страданий и зла в мире. Как может существовать зло в мире, который создал всеблагий Бог? В юности Августин поддерживал идеи манихейства, ереси, которая утверждала, что в мире существуют два противоборствующих начала – доброе и злое. Такой дуализм помогал объяснить наличие зла в мире и как бы снять ответственность с Бога за творящиеся в мире ужасы. Однако позже Августин отказался от своих взглядов и благодаря философии Плотина нашел объяснение существованию зла в мире: есть два вида

зла. Естественное, не зависящее от человека, оно не имеет субстанции и является недостатком добра. Моральное же зло имеет причину в свободной воле человека и его поступках.

Как уже отмечалось ранее, огромную роль в исследовании проблемы добра и зла сыграл Г. Лейбниц, который пытался доказать, что существование зла в мире никак не противоречит идеи всеблагото Бога. Добро, по его определению, есть то, что содействует совершенству, а зло есть меньшее добро [4, с. 412].

Зло подразделяется немецким философом на различные виды: метафизическое, физическое и нравственное. Каждое из них несет в себе необходимость. Главную разновидность необходимости, из которой проистекает возможное зло, Г. Лейбниц определяет как абсолютную, называя ее также *метафизической*. Она – повелительная, допускающая только одну возможность события и исключаящую любую противоположность ему. Эта необходимость, выступающая как метафизическое зло, определяется божественным творением природы и вытекает из самого существования мира, в котором каждой вещи присуща ограниченность и несовершенство. Творения несовершенны потому, что созданы из небытия, а «если бы Бог производил совершенную субстанцию из собственного лона, он произвел бы Бога».

Следующую необходимость и зависящее от нее зло Лейбниц называет *физической*. Она проявляется в том, что разумные существа испытывают страдания, болезни. Данный вид зла можно рассматривать как наказание или воспитательное средство. Оно служит тому, чтобы сделать больше добра или предотвратить от еще большего зла. Бог мог бы устранить и этот вид физического зла, но не пожелал этого делать, так как в то же время он устранил бы и добро.

Из третьего вида необходимости выводится *нравственное* зло. Эта необходимость объясняет разнообразие морального зла в человеческих взаимоотношениях. Ее понимание особенно важно в деле обретения свободы и преодоления греха. У человека нет предназначения к моральному злу. Оно проистекает из соотношения между необходимостью и свободой человеческого духа, его воли и разума, потребностями и страстями. Именно в душевных волнениях, разумных размышлениях и волевых усилиях, подчеркивает Лейбниц, следует искать таинства добра и зла, добродетели и порока. Человек свободен от рабства чувств настолько, насколько действует в соответствии с отчетливым познанием, и поработен страстями настолько, насколько

наши восприятия бывают смутными. И в данном выборе Лейбниц указывает на роль мотивов в совершении поступка. Они склоняют к действию нашу волю. Сами мотивы не навязываются нам извне, а развиваются в недрах души.

Исследуя проблему теодицеи, Лейбниц, по существу, рассматривает добро и зло как важнейшую социальную проблему. Бог остается как бы за скобками человеческих помыслов. Он обращает внимание на волевые усилия человека, его разумный свободный выбор, мотивацию в совершении добродетели или порока.

Проблема теодицеи также занимала русских философов и писателей, на миропонимание которых сильное влияние оказали экономические, социально-политические процессы российской действительности второй половины XIX – начала XX вв., когда проблема зла вновь стала актуальной. Каждый философ старался показать свое видение данного явления, но всех их связывал национальный дух и менталитет.

В своих произведениях великие русские классики Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский показывали состояние общества в переломный момент истории через призму своего видения мира, наполненного злом и несправедливостью. Ярким примером является роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», в котором посредством размышлений и действий героев писатель передал свое авторское понимание добра и зла. Беда человека заключается в том, что он свободен в своем выборе того или иного поступка, который часто оказывается не добродетельным. И тогда на него ложится вся ответственность за себя и за других людей, которых данный поступок касается. Ф. М. Достоевский верит, что онтологически зло не всемогуще и, в конце концов, добро победит. Человек предрасположен к добру, поэтому рано или поздно он сам должен к нему прийти.

Лев Толстой придерживался понимания зла как противоположности любви, считал невозможным противление злу насилием. В ответ на такое понимание проблемы русский религиозный философ И. А. Ильин в работах «О сопротивлении злу силой», «В поисках справедливости» замечает, что толстовская проповедь трудно выполняема. При определенных социальных условиях ее вовсе невозможно в душе своей принять и осуществить. Данная позиция неприятия зла Ильиным во многом объясняется тем, что его поколению опыт зла дан с особенной силой [2].

Разрабатывая философию морали, проблемы добродетели, философ подчеркивает, что все люди объединены друг с другом всеобщей взаимной связью в добре и во зле. Надо уметь находить в этом мире душевное братство. Зло – не какое-то отвлеченное нравственное понятие, оно наличествует в социальных отношениях между людьми, а также в состоянии души, в которой доброта связывается Ильиным с такой добродетелью, как совесть. Она – творческая энергия любви и воли, высший источник нравственности. Совесть нужна человеку не только в великие моменты его жизни, но и в ежедневных делах, в обыденных отношениях. Люди порой пытаются «замуровать» совесть в тайниках своей души, вытесняют ее возможные укоры, и тогда человека часто одолевают страсти, что приводит к духовному падению. Зло начинает проявляться в низменных желаниях, агрессии, в любых формах жестокости и эгоизма. Дело не в том, чтобы все люди стали праведниками, отмечает И. А. Ильин, а в том, «чтобы каждое новое поколение расчищало в себе внутренние пути, ведущие к совести, и держало бы открытыми те священные ворота, за которыми она скрывается. Ибо *бессовестное поколение*, если оно придет когда-нибудь, погубит жизнь человека и его культуру на земле» [3, с. 141].

Опасность непротivления злым мотивам, считал И. А. Ильин, заключается в том, что непротivление злу влечет за собой его принятие. Впуская в свою душу зло, человек предоставляет ему свободу. Поэтому И. А. Ильин призывал бороться со злом, чтобы оно полностью не захватило людей. Взгляды философа были особенно актуальными на фоне происходивших революций и войн. Широкие массы людей испытывали на себе пагубные последствия несопротивления злу. Цена за такую ошибку была слишком высока – ломались человеческие судьбы, социальные потрясения уносили тысячи жизней.

Опираясь на опыт предыдущих поколений, человечество должно проанализировать уроки прошлого, осознать социальные причины всех бедствий, которые оно испытывает в конфликте глобальном мире. Выработать стратегию не только духовно-нравственного неприятия зла, но и активную противоборствующую стратегию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Соч.: в 4 т. – М. : Мысль, 1983. – 487 с.
2. *Васильев В. А.* И. А. Ильин о добре и зле, добродетелях и пороках // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – № 1. – С. 172–190.

3. *Ильин И. А.* Соч.: в 10 т. – Т. 1. – М. : Русская книга, 1998. – 487 с.
4. *Лейбниц Г.* Соч.: в 4 т. – Т. 4. – М. : Мысль, 1989. – 639 с.
5. Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. – М. : Политиздат, 1955. – 294 с.
6. *Платон.* Соч.: в 4 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1990. – 631 с.
7. Проблема зла и теодицеи: материалы Международной конференции, Москва, 6–9 июня 2015 г. / РАН. Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2006. – 239 с.

УДК 81.1

В. А. Васильев

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук МГЛУ; e-mail: filosof-mglu@yandex.ru

ПЛЮРАЛИЗМ МНЕНИЙ – ВАЖНЫЙ ФАКТОР ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются проблемы плюрализма мнений как важной духовной основы гражданского общества. Выделяются существенные принципы плюрализма мнений: свобода воззрений, толерантность, сомнение, диалог, творческая ответственность личности. Плюрализм мнений нельзя абсолютизировать, он имеет с монизмом общую онтологическую и гносеологическую основу.

Ключевые слова: гражданское общество; плюрализм и монизм мнений; свобода воззрений; толерантность; диалог; сомнение; демократия и диктатура; социальные интересы.

Vasiliev V. A.

Advanced Doctor (Philosophy), Professor, Department of Humanities and Socio-economic Disciplines, MSU; e-mail: filosof-mglu@yandex.ru

PLURALISM OF OPINIONS AS A SPIRITUAL BASIS OF CIVIL SOCIETY

The article regards problems of pluralism as an important spiritual basis of civil society. Essential principles are singled out: free-thinking, tolerance, doubt, dialogue, creative responsibility. Pluralism and monism of opinions have the same ontological and gnosiological basis.

Key words: civil society; pluralism and monism of opinions; free-thinking; doubt; democracy and dictatorship; social interests; tolerance; dialogue.

Плюрализм мнений отражает естественное состояние гражданского общества, в котором любая личность имеет реальную возможность выражать и отстаивать свои взгляды и убеждения при условии, что они не угрожают свободе других людей. Он утверждался на протяжении долгого исторического периода в борьбе с различными социальными институтами, навязывающими обществу единомыслие, единое мировоззрение, единые убеждения. В ходе защиты естественных прав граждан формировались принципы многообразия мнений, без которых невозможны не только свобода воззрений и творческая

активность личности, но и духовная основа формирования и функционирования демократического общественного устройства.

Открытый плюрализм мнений немислим без *свободы слова*, которая позволяет высказывать свое мнение и отстаивать в равных условиях свои убеждения. Отсутствие свободы слова порождает застой мысли, гражданскую пассивность, поскольку политика подчиняется узким корпоративным интересам, в условиях которых становятся возможными и экономическая стагнация, и нравственная деградация, и кумовство, и казнокрадство. В условиях правового государства создаются необходимые конституционно-демократические гарантии свободы слова, которая становится духовной средой формирования общественного мнения, мощным средством прямого воздействия народа на политику и гарантирует участие граждан в делах государства и общества.

Утверждение свободы слова, убеждений, плюрализма мнений как духовной основы демократического общества выступает важной и сложной проблемой. Общественное сознание не представляет собой некий монолит. Напротив, оно имеет сложную структуру, включающую многообразие идей индивидуального сознания, ставших достоянием сознания общественного. В свою очередь индивидуальное сознание всегда испытывает на себе влияние общественного, которое должно более или менее объективно отражать общественное бытие. Если этого не происходит, то складывается несоответствие между общественным сознанием и общественным бытием, усиливаются противоречия между сознанием общественным и индивидуальным. В то время как общественное сознание продолжает функционировать в устаревшем идеологическом режиме, в индивидуальном сознании, находящемся ближе к реальной жизни, начинает формироваться иное, отличное от официальной точки зрения мнение, более критическое к социальным недостаткам. Новые мнения постепенно отчуждаются от догматических идеологических штампов, трактующих социальные проблемы с официальных позиций, вступают в конфликт с социальными институтами. Зреющие на уровне индивидуального сознания чувства, идеи, мнения обретают форму социального протеста. Выражая интересы все больших социальных слоев, они получают и более широкое распространение, закрепляются в общественном мнении и способствуют осознанию людьми необходимости политических, социально-экономических перемен. Взаимосвязь мнений

с индивидуальным и общественным сознанием не только позволяет лучше познать механизмы «созревания» социального протеста в духовной сфере общества, где находят отражение критика нерешаемых социальных проблем, но и осознать сложности утверждения свободы воззрений.

Одним из демократических принципов плюрализма мнений является *терпимость* к иным воззрениям и убеждениям. Без терпимости нет свободы самовыражения личности. Неслучайно духовное раскрепощение человека наряду с его экономической и политической свободой приветствовали и отстаивали лучшие мыслители, опираясь на учение о естественном праве. О терпимости к различным взглядам, особенно в условиях сильной церковной цензуры, писал, например английский философ и политический деятель Дж. Локк в «Очерках о терпимости» (1667), «Письмах о терпимости» (1685). Известно высказывание великого французского просветителя Ф. Вольтера: «Я могу быть не согласным с Вашим мнением, но я отдам жизнь за Ваше право высказывать его».

Опыт мировой истории говорит о том, что методы запрета свободы в духовной жизни не эффективны. Можно было послать на костер инквизиции Джордано Бруно и устроить Галилео Галилея, но их идеи продолжали служить истине и науке. Зарождение и распространение христианства также рассматривалось как воинствующее инакомыслие, вступившее в единоборство с господствующим языческим мировоззрением. Однако, пройдя через все запреты и преграды, христианская религия обогатила общественное сознание, духовную жизнь в мировом масштабе.

Толерантность к иным воззрениям ослабляет возможность формирования монополизма, не желающего иметь никаких оппонентов в духовной сфере. Монополизм присваивает себе право на истину, подменяет собой многомиллионный коллективный разум. Это не может не вызывать, с одной стороны, злоупотребление властью и нарушение законности, с другой – отчужденность и политическую апатию, идейную опустошенность. Монопольный идейно-психологический комплекс формирует послушного исполнителя воли и приказа начальства, отражая и закрепляя иерархические отношения руководителя и подчиненных. В условиях идеологической и политической диктатуры люди вынуждены смиренно принимать лицемерные пропагандистские штампы, которыми навязчиво заполняют их сознание,

соглашаться и следовать очередным ведомственным инструкциям, в которых определяются дозволенные высказывания по общественно-политическим вопросам. Заорганизованность, скудная интеллектуальная информация, послушное повторение цитат руководителей приводит к косности мышления. У новых поколений формируется некритическое усвоение социальных явлений, заглушается творческий познавательный процесс. Сознание, впитавшее консерватизм, послушно и догматически следует установившимся стереотипам. Оно вырабатывает иммунитет ко всему новому, к нетрадиционным идеям. Преодолеть такую ситуацию весьма трудно, поскольку в общественном сознании складывается своеобразная инерция послушного единомыслия.

Негативные социальные явления увеличивают разрыв между политическими оптимистическими девизами и реальными делами, ослабляют духовность, которая уводит людей от общественно полезной деятельности в алкоголизм, наркоманию, а то и в открытое противостояние общепринятым нормам общественной жизни. Необоснованные пропагандистские восхваления действительности ведут к косности и консерватизму в мышлении, притупляя творческую мысль людей. При этом создаются условия для искусственного возведения ограничений на право человека мыслить отлично от официально признанных суждений, навязываемых сверху. Устанавливается жесткий контроль над духовной жизнью, индивидуальным сознанием вплоть до моральных и даже физических репрессий. Не имея официального выхода на публичные дискуссии, творческая мысль или смиряется с социальными условиями, или уходит в подполье. Там она начинает звучать по отношению к официально провозглашенным идеям и стоящей на их защите цензуре в форме инакомыслия, получившего в недалеком прошлом название диссидентства. Нереализованная творческая потребность, обостряя чувство социальной несправедливости, оборачивается не только драмой, но и трагедией в судьбах людей. Догматическое неприятие иных взглядов не дает в своей сути положительного результата. Запретное инакомыслие неизбежно порождает повышенный общественный интерес. Люди испытывают желание лично прочесть, увидеть и оценить то, что подвергается официальной критике. Проводимый Центром по изучению общественного мнения анализ отношения людей к диссидентству свидетельствовал об интересной особенности: официально тех, кого относили к диссидентам,

насчитывались в нашем обществе десятки человек, а их взгляды разделяли значительные группы граждан. Непонятное на первый взгляд явление объяснялось попыткой людей связать собственную позицию с позицией той группы, которая выражает определенное несогласие с социальным положением вещей, официальной политикой.

Монополизм в любой сфере общественной жизни ведет к загниванию. И в духовной сфере он препятствует свободе творчества, свободе дискуссий, свободе мнений, которые способны показать несостоятельность и некомпетентность тех, кто вместе с правом на должность получает «право» на истину. Поэтому инакомыслие подавляется. Запрещается иная мысль, которая всегда должна присутствовать при обсуждении сложных проблем. Подавление инакомыслия как реального проявления плюрализма мнений свидетельствует не о силе, а о слабости авторитарных режимов, которые пытаются заглушить голос своего же народа или отдельных его представителей. Опыт истории показывает, что социальная напряженность в стране увеличивает критические высказывания в адрес государственного руководства и к этому мнению масс нужно вовремя прислушиваться, а не ужесточать курс на его подавление. Усиление репрессивных методов только увеличивает напряженность в стране.

Рассматривая проблему духовного освобождения от авторитарной власти, русский философ и психолог С. Л. Франк отмечал, что это не просто внешнее событие политической жизни. «Прочно и окончательно такой переход может совершиться лишь на почве внутренней, духовной эволюции, на почве развития нравственно-философского мировоззрения и умонастроения. Только общество, которое не поклоняется более никаким идолам, которому чужда фанатическая вера, приводящая к обожествлению одних человеческих дел и стремлений и к деспотическому подавлению и истреблению противоположных, — только такое общество навсегда освободилось от деспотизма и только строй жизни, основанный на внутреннем моральном уважении ко всем мнениям и верам, на терпимости, истекающей из независимого критического мышления, образует прочную твердыню свободного демократического устройства» [2, с. 162–163].

Используя правовые процедуры, политический режим демократизирует духовную жизнь, общественное мнение постепенно начинает включаться в социально-политические отношения. Раскрепощение сознания, свобода мнений выступают необходимыми условиями

преодоления внутренней пассивности личности. В стране создается совершенно новая идейно-политическая атмосфера. Происходит революция в общественном сознании, утверждается плюрализм мнений, возрождается древняя мудрость: «никто не имеет монополии на истину». Плюрализм мнений раскрывает творческий потенциал и гуманистическую сущность человека, выступает важным фактором обновления страны. У каждой личности есть свой внутренний мир, жизненный опыт, свое видение социальных проблем, что неизбежно порождает огромный диапазон мнений и приближает общественную мысль к истине, к выработке правильных путей и методов преодоления негативных явлений и ликвидации социальных механизмов торможения общественного развития. В процессе поиска и осознания того, что тормозит преобразования, возрастает многообразие и во взаимоотношениях людей, в их суждениях о действительности. Сбереечь и рационально использовать богатый духовный потенциал страны – серьезная задача для практического налаживания демократических механизмов гражданского общества.

Плюрализм мнений предполагает также такой демократический принцип, как *диалог*, способствующий свободе выражения взглядов и выявления истинных путей решения какой-либо проблемы. С Античных времен диалог становится специфическим приемом обсуждения и нахождения истинных положений относительно важных мировоззренческих, общественно значимых, нравственных проблем. Диалоги Сократа соответствовали мудрому изречению, которое было начертано на фронтоне Дельфийского храма: «Познай самого себя». В беседах мудрец использовал искусство ставить перед собеседником вопросы, заставляя его душу трудиться, чтобы пытаться самостоятельно найти правильный ответ. Диалог выступал возможностью противостояния различных точек зрения для достижения истины и самопознания. Аристотель во внутреннем диалоге поднимал важную философско-нравственную проблему – проблему выбора своего поступка, от которого зависит быть нам людьми достойными или дурными.

Диалогическую форму изложения своих философских, социально-политических, религиозных воззрений использовали римские стоики, средневековые богословы-философы, представители эпохи Возрождения и Нового времени. Диалогическая традиция в философии со времен античных мыслителей продолжается до наших дней. Нами не

ставится задача выявить всесторонний генезис использования диалога. Это трудная задача специального исследования. Нами лишь подчеркивается, что диалог как социально-философская категория имеет особую значимость как на обыденном, так и на научном уровнях.

Казенно-бюрократический монолог не предполагает взаимного обмена мнениями. «Верхи» спускают в массовое сознание непререкаемое «мономнение» и изолируют себя от критических выступлений масс. В таких условиях нет равного контакта и равного обсуждения, а в сознании людей формируются страх и враждебность к власти, ибо осознается свое бессилие перед ней. Раскрепощенный диалог позволяет не только выслушать иные мнения, но и вскрыть интересы определенных социальных групп. Диалог при плюрализме мнений усиливает аргументацию позиций и получает новые импульсы для обдумывания и более глубокого понимания дискутируемых проблем.

Диалог предполагает компетентность, ответственность, достоверность фактов и информации. А информированность строится на объективном, независимом от ведомственных интересов познании прошлого и настоящего. И углубляясь в историю, можно обнаружить много так называемых закрытых зон, чья «закрытость» порой определяется не какими-либо государственными секретами, а чисто ведомственными запретами на распространение информации. Утрачивая свое «право» единолично владеть информацией, должностное лицо теряет и монополию на информированность, и истину в последней инстанции, отвечающие ведомственным интересам. Появляются иные мнения, часто вступающие в противоречие с корыстными ведомственными интересами. Соккрытие от общественности информации ведет порой к дезинформации ради защиты сугубо ведомственных интересов, а не ради объективного освещения проблемы. Информационное неравенство выступает своеобразной разновидностью неравенства социального. Только доступная для различных заинтересованных субъектов объективная информация способствует равноправному высказыванию по определенной теме, и в плюрализме мнений могут высветиться совершенно не традиционные способы ее решения.

Отсутствие в диалоге правдивой информации может привести к такому плюрализму мнений, который не будет способствовать установлению истины. Это возможно в том случае, если мнения основаны

на слухах, вымыслах, непроверенных фактах. Главной основой для циркуляции слухов среди социальных групп становится интерес к какой-либо проблеме, к какому-либо событию при отсутствии необходимой информации. Слуху верят и его воспроизводят не столько потому, что он кажется правдой, сколько потому, что он отвечает эмоциональному состоянию и интересам людей, не получивших удовлетворения из официальных каналов информации. Огромная роль в своевременном и объективном освещении событий внутри страны и на международной арене, а, следовательно, и в формировании общественного мнения, принадлежит средствам массовой информации. Они должны создавать условия для демократической атмосферы духовной жизни, способствовать раскрепощению умов и аккумулировать разнообразные точки зрения.

Плюрализм мнений предполагает и такой принцип, как *сомнение*, выступающее свойством обыденного сознания и творческого мышления, несовместимого с догматизмом командно-силовых методов руководства. Особенно опасен догматизм для науки, поиска нового. Как отмечал Ж. Ж. Руссо, творческий ум создан божеством, враждебным бюрократическому спокойствию. Человек не должен заниматься вынужденной апологетикой, уводящей его от познания объективных процессов в умозрительные догматы, лишаящей его сомнений и внутренней свободы. Прав был русский мыслитель А. С. Хомяков, когда писал: «Честное перо требует свободы для своих честных мнений, даже для своих честных ошибок. Когда по милости слишком строгой цензуры вся словесность бывает наводнена выражениями низкой лести и явного лицемерия в отношении политическом и религиозном, честное слово молчит <...>. Умственная жизнь иссыкает в своих благородных источниках, и мало-помалу в обществе растет то равнодушие к правде и нравственному добру, которого достаточно, чтобы отравить целое поколение и погубить многие, за ним следующие» [3, с. 370].

Творческая личность должна проявлять свою индивидуальность и нести ответственность, не жертвуя при этом свободой. Без нее не может существовать никакая творческая деятельность, не получит проявления основанная на добровольности приверженность гуманистическим идеалам. Для исследовательской свободы нужны демократия, дискуссии, ненаказуемость. Здесь достаточно силы мысли и осознания ответственности. Они нужны всегда, и особенно тогда, когда необходимо защищать трудно завоеванные или только утверждающиеся

ценности. Только путем разумного сомнения и терпимости, свободы мнений можно сделать выбор среди имеющихся возможных альтернативных решений, утверждая при этом единство действий в ходе их реализации.

В современной российской духовной жизни спектр борьбы мнений весьма многообразен: либерально-буржуазные и социалистические, националистические и сепаратистские. Эта борьба отражает, в конечном счете, интересы различных социальных групп. С какими критериями следует подходить к разнокачественному многообразию мнений? При попытке определить рамки плюрализма мнений выдвигаются различные критерии.

Есть точка зрения, согласно которой таким критерием может выступать общественная практика. Ей принадлежит решающая роль в оценке реальных достоинств различных мнений. Трудно не согласиться с данным положением, поскольку практика действительно является и основой, и критерием наших знаний. Но практика не является абсолютной, а исторически относительной. Подходить к определению критериев различных мнений с позиции общественно-исторической деятельности людей справедливо с общеполитических позиций, но этого недостаточно, особенно если мнения касаются судеб людей. Истории известно, что выдвигаемые мнения, идеи, признанные правильными спустя многие годы, не только не находили в свое время поддержки в обществе, но и сами носители этих идей подвергались гонениям.

Согласно иной точки зрения, многообразие мнений разворачивается на идейно-политической платформе, и их критерием выступают интересы классов, широких социальных слоев. Данное положение, безусловно, имеет положительное содержание, поскольку показывает связь мнений с социальными интересами людей. Однако подавление инакомыслия в различные периоды истории и в разных странах тоже обосновывалось, вернее, прикрывалось интересами народа.

Вопрос о содержательном характере плюрализма мнений, его связи с интересами социальных слоев, общества и государства далеко не праздный. Он всегда поднимался прогрессивными мыслителями, когда речь шла о праве личности демократическим путем отстаивать свои взгляды и убеждения. «Обязанности, которые имеет каждый человек, и его права, вытекающие из этих обязанностей, – отмечал французский философ О. Ж. Ламетри, – свидетельствуют о том, что

свобода высказывания мнений не может быть ограничена... Чтобы можно было иметь право препятствовать высказыванию какого-либо мнения, необходимо, чтобы было доказано, что это мнение повредит обществу» [1, с. 303].

Плюрализм мнений, на наш взгляд, следует рассматривать с точки зрения научности, социальных интересов и права. Плюрализм мнений предполагает объективный и всесторонний анализ, который бы уберег от догматизма и односторонности. Он должен вести к истине, выступать средством выработки правильного и эффективного решения. Выражая определенные социальные интересы, плюрализм мнений требует ставить вопросы: кому выгодны эти мнения? чьи интересы они выражают и защищают? куда ведут массы? способствуют укреплению или ослаблению общества? С точки зрения права разрешено всё, что не запрещено законом. Ушли в прошлое статьи 190 (клевета на государственный и общественный строй) и 70 (антисоветская агитация и пропаганда) Уголовного кодекса, на основании которых подавлялось инакомыслие. Закон уголовно наказуемыми признает открытые призывы к насильственному свержению государственного и общественного строя, разжиганию национальной розни, пропаганду войны. В иных случаях инакомыслие не наказуемо, но здесь должен быть определенный уровень культуры полемики и умение переубеждать людей в открытом диалоге. Свобода воззрений, плюрализм мнений не отрицают ответственности и предполагают сплочение людей с разными мнениями, но единых в своем стремлении помочь обновлению страны.

Крутой поворот в жизни общества неизменно сопровождается столкновением идей, политических оценок. Единство на позициях утверждения демократического общественного устройства не означает искусственного выравнивания, унификации взглядов, а предполагает разнообразие мнений по конкретным проблемам, многовариантность методов и путей их решения. Расхождение точек зрения, поиски и дискуссии при единстве общих позиций и целей являются условием упрочения общества. Плюрализм мнений ведет к демократизации духовной жизни, качественному совершенствованию индивидуального и общественного сознания, превращению мнений в убеждения и в действенный фактор практических преобразований страны. Это единство действий при разномыслии. Однако терпимость в условиях

свободы мнений имеет свои ограничения, если нарушаются общепринятые нравственные и юридические нормы.

При всей значимости демократического содержания плюрализма мнений, его не следует абсолютизировать. Идейный хаос не менее пагубен, чем тотальная идеологическая позиция. Разные мнения, как это ни парадоксально, имеют общие онтологические и гносеологические основания, которые, с одной стороны, содержатся в едином предмете исследования, а с другой – заключаются в сложности познавательного процесса. Предмет исследования объективно содержит в себе сложную структуру, разнообразные связи и отношения. Отдельные из этих связей могут «выхватываться» нами в ходе субъективного познания и проявляться в многообразных мнениях. Не случайно, научное методологическое положение гласит: единое потому едино, что оно есть совокупность многих определений. Единение выразителей плюрализма мнений осуществляется также в их общей нацеленности на разрешение обсуждаемой проблемы. Другое дело, что понимание социально значимой проблемы может быть разнообразным и зависит от многих субъективных и объективных факторов. Но в любом случае плюрализм выступает одной из противоположных сторон диалектического единства многообразия. В реальной жизни не существует жесткого монизма или плюрализма. Нельзя абсолютизировать ни монизм, ни плюрализм. Попытка сформировать общественное мнение с монистической структурой сама по себе не означает, что один и тот же взгляд на вещи разделяют буквально все члены общества. Такого практически никогда не случается. Также и плюрализм мнений предполагает общую позицию, с которой обсуждается та или иная проблема. Множественность мнений о настоящем, о прошлом страны должна основываться на стремлении к объективному исследованию, что позволило бы отделить все, что идет на пользу демократическим преобразованиям, от того, что идет им во вред.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ламетри О. Ж.* Сочинение. – М.: Мысль, 1983. – 510 с.
2. *Франк С. Л.* Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры. – СПб.: Издание Жуковского Д. Е., 1910. – 389 с.
3. *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. – М.: Издание И. Кушпарова. – 1911. – Т. 1. – 307 с.

УДК 304(075.8)

А. Ю. Евдокимов

доктор технических наук, кандидат культурологии, академик РАЕН,
профессор кафедры теологии факультета немецкого языка МГЛУ;
e-mail: alexevdo@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИИ И ЭКОЛОГИИ

Религия, являясь системообразующим элементом любой культуры и цивилизации, определяет миропонимание этноса, его отношение к окружающей природной среде. Религии можно классифицировать как «экологичные» и «неэкологичные». Рассмотрение вопроса автором проводится с позиций православия.

Ключевые слова: религия; экология; «экологичность» религии; экологический кризис; православие

Evdokimov A. Y.

Advanced Doctor (Engineering), Ph. D. (Culturology), Academic of RANS,
Professor, Department of Linguistics and Professional Communication in the
Sphere of Theology, Faculty of German, MSLU;
e-mail: alexevdo@yandex.ru

ISSUES OF RELIGION AND ECOLOGY

Being a cell which generates any culture or civilization, religion determines the world-outlook of any ethnos (people), its attitude to the environment. Religions therefore can be classified as “ecological” and “non-ecological” ones. The author considers the problem from the point of view of Orthodoxy.

Key words: religion; ecology; ecological compatibility of a religion; the ecological crisis; Orthodoxy.

Развитие глобального экологического кризиса, осознанное человечеством на рубеже 1960–1970-х гг., поставило вопрос о перспективах существования цивилизации при сохранении существующей идеологической парадигмы, основанной на радикал-либерализме. В этой ситуации рассмотрение проблемы без учета религиозного аспекта становится бессмысленным. Религия, являясь системообразующим элементом любой культуры и цивилизации, определяет миропонимание этноса и, как следствие, его отношение к окружающей природной среде, области распространения живого вещества – биосфере.

Это вызвало к жизни давно назревшую необходимость постепенного преодоления разобщенности гуманитарных и естественно-научных

знаний, а также определенную интеграцию внутри гуманитарной области. Как следствие сближения истории, культурологии и религиоведения – в 1960–1980-е гг. за рубежом возникла **экология религии**, истоки которой уходят в середину XX в., когда появилась **культурная экология**, основателем которой был Джулиан Стюарт. Он и его сторонники изучали процессы адаптации человеческих сообществ к природной среде («экологическую адаптацию»). Культурную экологию, т. е. приспособление к природной среде через культуру, Стюарт противопоставлял понятиям «человеческая» и «социальная» экология, которые выражали, по его мнению, просто биологическое приспособление человека к среде. Это новое научное направление и понятие помогали объяснять различные особенности культуры разных народов. Как полагал Стюарт, основные черты ее зависят от природной среды, но «сама эта зависимость детерминирована культурными факторами» [3, с. 56].

Один из зачинателей экологии религии – шведский этнограф О. Хульткранц; отличительной чертой его подхода к религии явилось выяснение «влияния окружающей среды на организацию и развитие религиозных форм». «Экология религии – сложный комплекс исследований, имеющий своим предметом изучение взаимодействия между природным окружением, религией и экологическими особенностями человека ...»; все звенья цепи: экология человека – религия – деятельность по поддержанию существования – экологическое окружение – «связаны между собой, и изменение в одной ее части рано или поздно дает о себе знать в других» [3, с. 55]. Согласно такой концепции, экология в первую очередь влияет на религию, но не исключается и обратное влияние. Таким образом, *можно говорить о большей или меньшей экологичности той или иной религии.*

В культурной экологии берет свое начало и другая научная дисциплина. С 1960-х гг. в США развивается **экологическая этнография**, иначе именуемая **экоантропологией**. В ее рамках имеются такие направления, как «экосистемная этнография», «этноэкология» и «процессуальная экоэтнография», ставящие в центр внимания те или иные аспекты взаимодействия этнокультурных общностей и природной среды.

Проблемы этнической экологии широко исследуются и в России – изучение взаимосвязи населения с географической средой, формирующей этнос в ходе исторического процесса. Исследования ведутся

на стыке этнографии и антропоэкологии; имеются зоны перекрытия с этногеографией, этнической антропологией. Отечественные антропологи и этнографы обратились к проблемам экологии во второй половине 1960-х гг. Однако область исследования здесь ограничивается лишь некоторыми историческими периодами взаимодействия человека и окружающей среды – природной, производственной, социокультурной. Эти работы, по выражению самих ученых, «разрознены и разномасштабны» [3].

Переходя к основному вопросу статьи, отметим, что известны различные классификации религий, различающиеся по основному критерию их оценки: религии мировые и национальные, политеизм и монотеизм, религии ума и Откровения и т. п. Со второй половины XX в. закономерно появляются критерии оценки (и, следовательно, классификации) религий с позиций экологии – по результатам воздействия культуры и цивилизации на биосферу: религии «экологичные» и «неэкологичные» [3; 6; 8]. Здесь, как и в любом ином случае, возможны два подхода: оценка «экологичности» будет принципиально различной, в зависимости от того, в какой научно-мировоззренческой системе действует исследователь. В чисто научном плане такие системы можно подразделить на креационизм (креационную науку) и универсальный эволюционизм, хотя такое разделение будет в определенной степени условным [5–8; 11]. Кратко характеризуя обе системы, следует отметить, что эволюционизм рассматривает исторический процесс как постепенное совершенствование, усложнение абиотических, биологических, экологических и социоестественных систем (пусть даже и с прохождением через точки бифуркации – кризисы); креационизм, напротив, базируясь на дословном понимании Ветхого Завета, историю рассматривает как процесс постепенной деградации человечества, несмотря на достижение в известные моменты высочайших духовных и интеллектуальных вершин; завершением такого процесса явится Второе пришествие Христа; отметим, что идеи креационизма используются и мусульманскими учеными [19; 21].

Таким образом, в эволюционизме и креационизме исторический процесс представляется, соответственно, бесконечным и не имеющим цели, при признании смертности отдельного человека, или конечным, имеющим цель духовного спасения человека, при вере в бессмертие души и воскресение мертвых. Эволюционизм, таким образом, пред-

ставляет собой в явной или неявной форме атеистический подход к познанию, креационизм – теистический.

Элементы веры необходимым образом присутствуют в обеих научно-мировоззренческих системах, поскольку одна наука как таковая, не способна дать ответ на важнейшие вопросы происхождения Вселенной, жизни, культуры, цивилизации и смысла бытия.

Говоря об «экологичности» религий, необходимо дать определение понятию «экологическое сознание» общества – совокупность представлений «о взаимосвязях в системе «человек – природа» и в самой природе, существующего отношения к природе, а также соответствующих стратегий и технологий взаимодействия с ней». Определение дано в атеистической научно-мировоззренческой системе [3, с. 72; 4], но является вполне объективным.

Рассмотрим проблему *с позиций универсального эволюционизма*. Здесь предполагается идея постепенного отхода человека от природы, противопоставление ей, что логически оказалось завершенным в христианстве. Таким образом, с позиций атеизма мы имеем развитие – от примитивных форм магии, анимизма и тотемизма, к политеизму, затем к более совершенному монотеизму, который, однако, в лице христианства демонстрирует окончательное отчуждение от природы, которое в XX в. привело к развитию глобального экологического кризиса.

По мнению ряда эволюционистов, в наибольшей степени с этих позиций исследованы первые стадии формирования человечества [3]. Утверждение, вызывающее улыбку, с учетом того, что важнейшим научным инструментом является наблюдение. Корректнее было бы говорить о наиболее полно разработанных мировоззренческих моделях.

В процессе социогенеза экологическое сознание претерпело значительную эволюцию. На начальном этапе своего развития люди не отделяли себя от природы, мыслили себя ее частью. Такой взгляд определялся якобы полной зависимостью человека от окружающей среды. Взаимодействие с природой в архаическую эпоху носило в целом прагматический характер, поскольку главной его целью было обеспечить роду физическое выживание. Для первобытного человека природа – это его жилище, все, что обеспечивает существование рода. «Род целиком погружен в природу не только физически, но и духовно; он как бы растворяется в ней» [3; 4]. С последним утверждением трудно не согласиться.

Полагают, что характерная для эволюции экологического сознания десакрализация (обезбоживание) природы была заложена изначально – гносеологически. Познавая мир, человек развенчивает природу. По мнению К. Г. Юнга, «сложность души росла пропорционально потере одухотворенности природы». Уже в эпоху Античности природа стала объектом научного изучения, и хотя не лишилась «души», но ее душа стала считаться менее «качественной», чем человеческая.

С таким взглядом можно было бы отчасти и согласиться – только здесь вполне очевидна не эволюция, а деградация, что подтверждает креационный взгляд на исторический процесс.

С атеистических позиций экологичными являются все языческие («доосевые» по К. Ясперсу) религии, в первую очередь – на базе пантеизма, поскольку всебожие – обожествление природы, отождествление Творца и тварного должно было, казалось бы, вести к обожествлению последнего и поклонению ему. Далее будет показано, что это происходило далеко не всегда.

В эпоху Древнего Мира, когда складывается политеистическая система, происходит дальнейшее отстранение человека от природы. Возникает «равенство в отчуждении» – человек и природа равны перед богами, но отдалены друг от друга. В эпоху Античности зарождается идея превосходства человека над животными и над всем окружающим миром, развиваемая затем в христианстве. При этом христианство и иудаизм автоматически объявляются «неэкологичными» религиями. Весьма забавно, что ислам при этом, по «странному» недоразумению, попадает в «экологичные» религии, несмотря на свою ветхозаветную основу, аналогичную иудаизму и христианству. Налицо явное противоречие, объясняемое, видимо, политическими, но не научными причинами.

В Средние века «христианство, сформировав представление о жестко иерархической картине мира ... в которой человеку отведено высшее из всего земного положение, об отсутствии какой-либо самоценности природного, санкционированном Богом прагматическом использовании природы, завершило отчуждение от нее...» [3, с. 73; 4]. Противопоставленность человека и мира природы, согласно этой концепции, определена волей Бога:

«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами

небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт 1: 26–28).

Волна критики христианства была поднята статьей Л. Уайта «Исторические корни нашего экологического кризиса», опубликованной в 1967 г. в журнале *Science*. Уайт считает, что «разрушив языческий анимизм, христианство открыло психологическую возможность эксплуатировать природу в духе безразличия к самочувствию естественных объектов» [18, с. 188–203]. Выход из кризиса Уайт видит не в совершенствовании науки и техники, так как они «выросли» из христианского отношения человека к природе, а в смене религии или переосмыслении старой. А так как новая религия, в идеале дзен-буддизм, вряд ли приживется, то предлагается следовать еретической с позиций православия идее равенства всех тварей католического святого Франциска Ассизского.

Подобную концепцию выдвинул английский историк Арнольд Тойнби. Претерпев в конце 1950-х гг. духовный кризис, Тойнби превратился из христианского философа, хотя и явно не ортодоксального, в убежденного противника христианства. В своей статье «Религиозные основы современного экологического кризиса» [21], опубликованной в 1973 г. ответственность за экологический кризис Тойнби возложил на целый ряд мест из Священного Писания, которые отводят человеку роль венца природы и ее хозяина (Быт. 1:26). Единственным выходом, по мнению Тойнби, является возврат к язычеству. В числе более экологичных религий Тойнби упоминает древнегреческие языческие культы, буддизм, синтоизм и даосизм. Даже зороастризм, по его мнению, экологичнее, чем христианство, поскольку в Авесте присутствует мотив любования природой, а не господства над нею.

Практически одновременно с ним с критикой христианства выступил известный философ контркультуры Теодор Роззак. Эта тема присутствует, в частности, в его известной книге «Там где кончается пустыня» (1973). Подобно Тойнби Роззак усмотрел источник

экологического кризиса прежде всего в христианском представлении о человеке как о венце природы.

В обвинениях христианства в экологическом кризисе можно выделить следующие составляющие:

- человеку отводится роль венца природы и ее хозяина;
- христианство открыло психологическую возможность эксплуатировать природу в духе безразличия к самочувствию естественных объектов;
- необходим возврат к язычеству или переход к восточным религиям.

Современные либерально ориентированные мыслители, говоря об идеях XIX в. – о создании расы богов на Земле, наделенных неограниченными возможностями, волей и сознанием, способными подчинить мир и управлять им, справедливо классифицируют их как крайний антропоцентризм, но, увы, выводят его не только из учений Маркса и Ницше, но и из двухтысячелетней традиции христианства.

Одновременно с этим нельзя не отметить многообразие научных направлений в эволюционной научно-мировоззренческой системе. Воистину – «Слова мудрых – как иглы и как вбитые гвозди, и составители их – от единого пастыря. А что сверх всего этого, сын мой, того берегись: составлять много книг – конца не будет, и много читать – утомительно для тела» (Еккл 12:11–12).

В *креационной системе* имеем противоположную картину: деградация падшего человечества от истинного знания о Боге к обожествлению тварного – язычеству. Обожествление это шло по разным направлениям, но при сохранении понятия о Боге: язычники не Солнце и Луну признали богами, но богов признали в Солнце и Луне, т. е. воплощение Божества в видимых материальных объектах. Это иногда называют «первобытным знанием», сохранившимся несмотря на стирание информации.

Характерной чертой почти всех направлений язычества является пантеизм – «всебожие», отождествление Творца и тварного. Можно выделить два направления деградации, или «развития», с позиций эволюционизма.

1. Единство духовной и светской власти, осуществляемое главой рода, старейшиной, вождем, князем, которые одновременно являются и верховными жрецами; жреческое сословие находится на вторых ролях; обожествление сил природы, природных стихий, поклонение

солнцу, деревьям, огню, осознание человека органичной частью природы – такие системы глубоко экологичны;

2. Возникновение в обществе сильного жреческого сословия, создающего собственную идеологию для укрепления своего господства; развитие идолопоклонства, человеческих жертвоприношений и оргиастических культов (эротической направленности); в этом случае цивилизация может продолжать двигаться по экологичному пути (Древний Египет и Китай – гедонизм в интеллектуальной сфере (искушение ума), позволяющий создать высокоэкологичную цивилизацию, индуизм, духовное наслаждение властью над самим собой и над окружающими, достигаемое с помощью методов йоги, искушение духа – также экологичная цивилизация, что подтверждается конкретными историческими данными), но может стать глубоко неэкологичной, двигаясь по пути искушения плоти (Месопотамия, Хараппа).

Представляется целесообразным с этих позиций рассмотреть конкретные исторические примеры, важнейшим из которых является **религия Древнего Египта**. Основным отличием египетской цивилизации от окружавших ее (да и от современной) является тот факт, что она не верила в их главную идею – в прогресс. Основой мировоззрения египтян была вера в необходимость циклов стабильного сосуществования цивилизации и природы. Эта мысль была почерпнута египтянами из важнейшего природного явления, во многом определявшего саму возможность существования их цивилизации – из периодических разливов Нила. Благодаря такому подходу цивилизация и просуществовала значительно дольше других – несколько тысячелетий, без демографических и экологических кризисов. Этому способствовало как мировоззрение египтян, так и созданная на его основе социально-политическая модель [10].

В Египте не было разделения светской и духовной власти. Религиозная деятельность являлась важнейшей функцией государства, определяя политические, экономические и социальные структуры. Фараон одновременно являлся и верховным жрецом. Высокоразвитая наука находилась под жестким контролем государства и жрецов и не распространялась в массовое знание. Несомненно, египтяне хорошо понимали губительность такого распространения. Все наиболее существенные знания сохранялись в строжайшей тайне, никогда не записывались в виде общедоступного текста и излагались языком, смысл которого был понятен ограниченному числу лиц, дававших обет не

распространять эти знания в миру. Именно этим объясняется, почему в иероглифической литературе до настоящего времени не удалось обнаружить системного изложения сведений по естественно-научным дисциплинам и математике. И это при том, что на высокий уровень науки указывают многие косвенные факторы, смысл которых проявляется лишь в наше время.

Резкий контраст с Древним Египтом представляют собой семитские **цивилизации Месопотамии**. Главным образом это относится к преемникам Шумеро-Аккада – Вавилону и Ассирии [9]. Идеология этих цивилизаций была пантеистической, обожествлявшей весь мир, соединяя причину и следствие – Творца и творение. В результате этого появилась, по сути, атеистическая идея о самовозникновении и саморазвитии мира. Божественное начало в соответствии с идеей пантеизма должно проявляться как в абиотических элементах биосферы, так и в биотических, но в высшей форме; человек при этом естественным образом оказывался на вершине мироздания в качестве наивысшего проявления божества. Свободная воля падшего человека становилась волей Бога, и противиться ей являлось беззаконием. Нравственные основы цивилизации оказались в корне подорванными, возникла религия человеческой гордости [14].

При рассмотрении этих цивилизаций мы сталкиваемся с мышлением, основанным на ярко выраженных рационализме, эгоцентризме и жестокости. В религии древних семитов не видно и зародыша каких-либо нравственных начал. Все религиозные верования и обряды отличались необычайной нравственной распущенностью и жестокостью – «религиозная проституция» и человеческие (в том числе и детские) жертвоприношения.

Поднять человека выше обыденных побуждений его жизни подобные религии не могли, напротив, они вынуждали его погрязать в них и находить оправдание распущенности нравов в образах богопочитания. Все семитские божества (Ваал, Молох, Иштар, Мелита и др.) – и благие, и грозные, стоят в непосредственной связи с военными подвигами. Чистого, высокого представления о божестве вне этих материальных побуждений семиты не имели.

Крупнейшие центры семитских цивилизаций – Вавилон, Содом и Гоморра, Дамаск, Алеппо, Бейрут, Библос, Сидон, Тир и Карфаген, в большинстве своем стали символами низкого нравственного уровня, распущенности и пренебрежения законами природы. Достаточно

вспомнить библейскую характеристику Вавилона – «матери блудниц и всей пакости земной». Следствием духовного кризиса закономерно явился кризис в материальной сфере – экологический, проявившийся уже в эпоху Шумеро-Аккада и усугубленный в Вавилоне. Конкретные проявления кризиса – засоление и деградация почв с падением урожайности, поскольку природные ресурсы потреблялись в количестве, превышающем экологически допустимые.

Особняком стоит *идеология древних евреев* – сквозь века пронесших веру в Единого Бога-Творца. Явившись народом Богоизбранным по духовному принципу («...не плотские дети суть дети Божии, но дети обетования...», Рим 9:8), евреи, однако, эту избранность стали считать по принципу этническому, почитая не Бога, а свои о нем представления, что явилось роковой ошибкой, и в период Вавилонского плена, при соприкосновении с пантеистическим мышлением, дало начало иудаизму (признание себя народом-богом, а не народом Божиим). Непонимание сути идеи Богоизбранности, привело к развитию особой, законнической, морали, выражавшейся в бесчисленных лицемерных правилах о соблюдении субботы и о запрещенных явствах; как следствие – идеалом праведника стал фарисей. Экологичная по сути Ветхозаветная религия постепенно стала превращаться в глубоко неэкологичный иудаизм (очередное подтверждение деградации).

Ситуацию, близкую к Месопотамии, наблюдаем в долине Инда, где протоиндийская цивилизация (Хараппа) также способствовала деградации экосистем, последствия которой явно видны и в настоящее время (западно-индийская пустыня Тар в современном Пакистане) [2].

Вторгшиеся в регион арийцы приносят с собой новое мировоззрение – ведизм: поклонение силам природы без отождествления их с божеством (ведические боги не отождествлялись с природой и были наделены духовными чертами), признание действия универсального космического порядка, которому подчинено все; представление, что все компоненты природы – биотические и абиотические, имеют живую бессмертную душу. Вырабатываются сезонные запреты на охоту и собирательство, на убийство ряда животных и сбор некоторых растений, запреты на хозяйственное использование священных рощ и водоемов. Характерным является поклонение священным растениям и животным – кобре, зебу, обезьяне. Многочисленные священные храмовые рощи становятся как бы заповедниками. В ведических

молитвах ясно слышится чувство страха перед богами, признание существования греха и расплаты за него. Привнесенное арийцами мировоззрение становится залогом экологического равновесия Индостана на весьма длительный период.

К X–IX вв. до Р. Х. ведизм последовательно трансформируется в брахманизм и индуизм, делящий общество на сословия (варны), а впоследствии – соответственно жестким рамкам каст. Кастовый строй – строй достаточно жестокий, но с другой стороны, он, предохраняя общество от развития однородности, способствует поддержанию его сложности, а, следовательно – и стабильности; кроме того, кастовый строй исключает конкуренцию за природные ресурсы – ведь каждая каста выполняет в обществе свои функции. Такая структура обеспечивала как экономическую, так и экологическую устойчивость [1].

Брахманизм следует считать экологичным мировоззрением, что изначально характерно для большинства арийцев. Господство такой идеологии в течение почти трех тысяч лет способствовало сохранению в Индостане относительного экологического равновесия – и это при весьма заметном развитии науки!

Для **древнекитайской культуры** характерным было представление о мире как об огромном живом организме, не разделяемом на природный и человеческий компоненты. Такая космология базировалась на признании двуединой природы вещей: учение о янь и инь, неразрывно связанных между собой и дополняющих друг друга; янь и инь постоянно чередуются и взаимодействуют, без этого единства невозможно существование мира.

Согласно преданию, деятельность великих китайских мыслителей Лао-цзы и Кун-цзы (Конфуция) происходила примерно в одно и то же время (VI–V вв. до Р. Х.). Лао-цзы, отрицая роль Творца, полагал, что все в мире происходит по «Всеобщему Закону Природы», «Пути Вселенной» – «дао», существующему объективно. Дао есть единое первоначало, безличное и бесформенное, безучастное к судьбам людей. Действие дао есть противоположность, т. е. все в мире движется и изменяется, превращаясь в свою противоположность; человек – не царь Вселенной, не покоритель природы. Бедствия народа происходят вследствие нарушения правителями естественного закона дао; это говорит о необходимости поддержания консервативных порядков, по возможности – возвращения к

первобытному образу жизни; активное действие, согласно дао, может привести к результатам, обратным желаемым.

Таким образом, наилучшее поведение человека: действие без нарушения меры – принцип «у-вэй», созерцательная пассивность. Одно из главнейших положений даосизма – учения о пути, гласит: «Мир – это священный сосуд, которым нельзя манипулировать. Если же кто хочет манипулировать им, уничтожит его».

Центральное понятие этического учения Конфуция – «жэнь» (гуманность), закон, определяющий взаимоотношения между людьми и строго закрепляющий их общественное положение. Конфуцианство провозглашает моральное совершенствование, верность долгу, непогрешимость традиций, почитание старших, послушание господину, презрение к производительному труду ради приумножения материальных богатств. Под «рациональным» Конфуций подразумевает следование законам природы.

В целом, для религиозно-философских систем Востока (буддизм, джайнизм, индуизм, даосизм, конфуцианство, синтоизм) характерно своеобразное уважение к природе. В синтоизме самыми страшными (смертными) грехами всегда считалось загрязнение окружающей природной среды.

Восточные системы более ориентированы на равноправие и гармонию с природой по сравнению с западным антропоцентризмом. С точки зрения чисто житейской, человеческой мудрости, основные выводы даосизма и конфуцианства следует признать правильными [12]. Однако совершенно очевидно, что оба эти учения относятся к атеистической мировоззренческой системе, несмотря на то, что представляют собой основу религий. В учениях об янь и инь, дао и жэнь для Бога просто нет места. Суть известного символа классической китайской философии (янь / инь) определяется простой русской поговоркой «бес по кругу водит», поскольку формула равнозначности добра и зла не указывает реального выхода, путей устранения несправедливости в мире. Правильно выявленная суть мирского порядка объясняет только земные дела. Китайцы, таким образом, оказались не в состоянии преодолеть «искушение ума», основывая свою деятельность исключительно на достижениях человеческого разума. Большого и невозможно было достичь в отсутствии Божественного Откровения. На примере своей истории китайцы хорошо показали практическую действенность своей идеологии с точки зрения

поддержания стабильного сосуществования общества и биосферы. Но не более того.

И, пожалуй, самое главное – цивилизация, породившая такое мировоззрение, ставила перед собой ту же цель, что и большинство остальных, включая современную Западную, – покорение природы, управление ее законами, с целью получения материальных богатств для наслаждения; необходимо, конечно, отметить у китайцев неизмеримо бóльшую значимость наслаждения интеллектуального. Именно в силу последнего, китайская цивилизация шла к цели иным путем – путем гармоничного вхождения в биосферу: «Все пронизывает единый путь – дао, все связано между собой. Жизнь едина, и стремление каждой ее части должно совпадать со стремлением целого».

Данный вывод относится и к прочим восточным мировоззрениям; в настоящее время подтверждением этого является конвергенция западной и восточной идеологий на базе нового направления в современной науке – синергетики.

Для России восточные мировоззрения являются глубоко чуждыми и враждебными как любое атеистическое учение.

С позиций креационизма христианство в изначальной, неискаженной форме, т. е. – в форме православия, является религией глубоко экологичной. Переходя к рассмотрению **православного взгляда на экологические проблемы**, сразу хочется подчеркнуть изначальную глубокую экологичность христианского учения. Экология – наука о доме. Образ мира как дома мы встречаем в евангельской притче о верном домоуправителе (Мф.24:45–51; Лк.12:42–48), где человек представлен как назначенный господином управитель большого дома, ожидающий возвращения своего господина и обязанный дать Ему отчет в своей деятельности. С точки зрения богословского подхода к созиданию мира, здесь налицо тема благоразумного отношения человека к богозаданному миру. Приведенные же выше мысли атеистов демонстрируют в первую очередь глубочайшее незнание сути христианства, почему и текст Писания цитируется неполно: «И взял Господь Бог человека, [которого создал,] и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Быт 1:15, выделено автором).

Для истинно христианского осознания бедственного состояния природы, так или иначе связанного с научно-технической и хозяйственной деятельностью человека и поражающего его самого, имеет своей глубинной причиной искажение нравственной основы изначально данного человеку господства над природой.

В Евангелии обоснована никчемность и гибельность умножения материальных богатств на этом свете. «Не собирайте себе сокровищ на земле ... но собирайте себе сокровища на небе» (Мф 6:19–21); «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их» (Мф 6:26). Это – призыв к возврату в биосферу, к единению с природой.

Повторим, обвинения христианства в современной научной, учебной и публицистической литературе в инициировании экологического кризиса, базируются на принципиальном незнании христианства как такового или на сознательном искажении сущности христианского вероучения и христианской культуры.

Исследовательских работ, проводимых в этой области с православных позиций, на наш взгляд, сегодня недостаточно, хотя исследования в настоящее время ведутся многими православными учеными: М. Я. Лемешев, Е. В. Романенко, К. В. Кивва, Н. Н. Крупенио и рядом других [13; 15]. Среди работ, посвященных анализу христианского взгляда на экологию, сборники «Православие и экология» и «Христианство и экология» (<http://www.harunyahya.ru/>) [15]. Так как все нападки на христианство в основном затрагивают 1–2 Главы Книги Бытия, где говорится о сотворении мира и человека, то нельзя не вспомнить множество святоотеческих толкований на Бытие. Самые ранние и уважаемые – работы Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Василия Великого, Григория Нисского.

Очень подробно и доступно проанализировал учения перечисленных выше святых Отцов иеромонах Серафим (Роуз), современный православный мыслитель [17], отметивший главный вопрос проблемы: если так много подробных толкований спорных мест Книги Бытия, имеющих древнюю святоотеческую традицию, каким образом могло возникнуть такое глубокое непонимание основ христианства в современном обществе?

Для ответа на этот вопрос обратимся к некоторым основным принципам подхода к пониманию Бытия, выделенным Серафимом Роузом:

- Писание – боговдохновенно. Если мы встречаем трудности в понимании отдельных вещей, мы должны скорее подозревать нехватку собственных знаний, нежели недостатки в боговдохновенном тексте;
- мы не должны спешить предлагать наши собственные объяснения «трудных» мест, но должны сперва попытаться ближе ознакомиться с тем, что святые Отцы говорили об этих местах;

– необходимо остерегаться искушения выхватывать из контекста отдельные цитаты святых Отцов, чтобы доказать желаемую точку зрения;

– мы должны быть смиренными в попытках прибавить нечто к пониманию текста для наших дней, так как наука наших дней имеет свои слабости и ошибки [17, с. 79–83].

В свете этих принципов, можно понять, почему доводы христианства против обвинений в провоцировании экологического кризиса кажутся застывшими и несовременными. В противовес постоянно развивающимся научным обоснованиям экологического кризиса в христианстве существует раз и навсегда данное понимание взаимоотношений мира и человека и причин кризиса.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в статье «Христианский взгляд на экологическую проблему» изложил основные положения этого понимания.

Во-первых, рассматривается нравственный принцип владычества и причины его утраты. «Обладайте и владычествуйте над всею землею», – эта богооткровенная истина впервые зафиксирована Бытописателем в те отдаленные времена, когда религиозные верования всех народов, за исключением его собственного, были проникнуты чувством зависимости от природы, когда ее стихии обожествлялись, и люди воспринимали их грозную власть над собой с не меньшей покорностью, чем деспотизм своих вождей и правителей. Но не о такой власти человека над природой говорит Книга Бытия. Уже та забота, с какою «насадил Господь Бог рай в Едеме, на востоке, и поместил там человека, которого создал, и произрастил ... всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи» с тем, чтобы человек «возделывал и хранил» место своего обитания, показывает, что дарованное ему владычество над природой должно быть подобно владычеству Божию над миром: это не деспотический произвол тирана, а царственное промышление о благе каждого создания.

Если заключительные слова первой главы Книги Бытия – «И увидел Бог все, что создал, и вот, хорошо весьма» воспринимаются как удовлетворение Творца гармонией и целесообразностью созданного Им космоса, в котором человек причастен всем другим земным существам, то вторая глава представляет человека как свободную разумную личность, «причастную Божественной полноте» и призванную совершенствовать окружающий мир. Нарекая имена

животным, человек исходит из познания их сущности. Поэтому человеку дано владычествовать над земной природой. Это значит, что человек, созданный по образу и подобию Божию, должен был восходить сам и возводить вместе с собою всякий род творений к Богу. Так выясняется нравственная высота господства человека над природой: постоянное попечение о благобытии всей твари, возможное лишь при любви к каждому созданию [16, с. 97–99].

Но первые люди не выполнили этого назначения. Грехопадение, усиленное самооправданием, повлекло за собой скорби, болезни и смерть. Расстроилась и жизнь природы, ставшей враждебной человеку. Его господство над нею сменилось необходимостью отстаивать свое существование от грозных природных стихий и бороться с «терниями и волчцами» земли, «в поте лица добывая у нее хлеб свой» (Быт 3:18–19).

Не было отнято у людей Божие благословение «владычествовать над всею землею». Но это владычество после грехопадения из реального в саду Едемском стало как бы потенциальным на земле производящей теперь «тернии и волчцы». Возмущенную человеком землю и всю природу ему предстояло покорять трудом постепенно, в длительном процессе исторического развития на избранном пути познания добра и зла [16, с. 99–100].

Следует признать, таким образом, что православие дает всему миру пример подлинного самоограничения, т. е. указывает реальный путь выхода из экологического кризиса.

В Западной цивилизации в эпоху Ренессанса оказались разрушенными нравственные и правовые ограничения католического мира, направленные против частного предпринимательства и ростовщичества, в определенной степени способствовавшие поддержанию экологического равновесия. В истинно христианском мировоззрении человек может только надеяться получить спасение и должен заслужить его в процессе своей жизнедеятельности. Протестантизм утверждает, что человек уже спасен искупительной жертвой Христа (догмат «оправдание верой»). Это дает человеку внутреннюю свободу от земной власти, обосновывает и освящает частное предпринимательство, лишенное в Средневековье официальной санкции. Рыцарское сословие с его идеалами чести и благородства трансформируется в сословие хозяйственников и предпринимателей.

Этот факт явился важнейшей причиной подрыва естественных основ экологического равновесия и экологической безопасности на Земле. Планета стала рассматриваться как обиталище людей, специально созданное для них Богом. Человек, действуя якобы по воле Божественного Провидения, подчиняет себе природную среду и, в известном смысле, завершает работу по сотворению мира, используя природные ресурсы среды своего обитания. Таким образом, Земля – дом для человека, а сам человек хозяин мира. Неудивительно, что менее чем через 500 лет развился глобальный экологический кризис, грозящий перерасти в экологическую катастрофу.

Нельзя, однако, сказать, что цивилизация Запада игнорирует данный аспект проблемы. Тема религии стала одной из основных в пятом докладе Римскому клубу – «Цели для человечества» (1977), подготовленном группой исследователей под руководством Эрвина Ласло. В нем, в частности, была предпринята попытка выявить контуры новой экологичной религии, составленной из элементов индуизма, буддизма, даосизма, ислама и христианства. Однако можно ли решить столь важную проблему, соединяя несоединимое? Воистину: «Зачем мнутятся народы, и племена замышляют тщетное?» (Пс 2:1) и «доколе будете любить суету и искать лжи?» (Пс 4:3), «Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?» (1Кор 1:20).

Завершить изложенный материал можно мыслями различных вероучений об отношении к человеку, погрязшему в грехах и желающему освободиться от них:

- конфуцианство: «Да будет опыт впредь тебе наукой!»
- индуизм: «В следующем перевоплощении ты будешь счастливее!»
- ислам: «На все воля Аллаха!»
- Христос: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; Ибо иго Мое благо и бремя Мое легко» (Мф 11: 28–30).

При полном признании истинности всех положений (разумеется, за исключением индуизма), все же обратим внимание на христианство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеева Н.* Экологические аспекты культурных традиций Индии // Вестник МГУ. Сер. 5. География. – 1995. – № 6. – С. 34–40.

2. *Альбедиль М. Ф.* Забытая цивилизация в долине Инда. – СПб. : Наука, 1991. – 175 с.
3. *Большаков А. А.* Древняя Русь IX–XIII вв. Очерки истории и антропо-экологии. – М. : МНЭПУ, 1997. – 104 с.
4. *Дерябо С. Д., Ясвин В. А.* Экологическая педагогика и психология. – Ростов-н/Дон, 1996. – 100 с.
5. *Евдокимов А. Ю.* Еще раз о креационизме: материалы XIII Международ. Рождественск. образоват. чтения, секция «Православное осмысление творения мира». – М. : Миссионерско-Просветительский центр «ШЕСТОДНЕВ», 2005. – С. 83–99.
6. *Евдокимов А. Ю.* Креационный подход к истории цивилизаций: материалы XIII Международ. Рождественск. образоват. чтения, секция «Православное осмысление творения мира». – М. : Миссионерско-Просветительский центр «ШЕСТОДНЕВ», 2006, С. 167–178.
7. *Евдокимов А. Ю.* Кризис современной цивилизации с позиций креационизма: материалы XVI Международ. Рождественск. образоват. чтения, секция «Православное осмысление творения мира». – М. : Миссионерско-Просветительский центр «ШЕСТОДНЕВ», 2008. – С. 132–154.
8. *Евдокимов А. Ю.* Биосфера и кризис цивилизации. – М. : Институт русской цивилизации, 2008. – 480 с.
9. *Емельянов В. В.* Древний Шумер. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2001. – 368 с.
10. *Жак К.* Египет великих фараонов. – М. : Наука, 1992. – 326 с.
11. *Кудрина О. И., Евдокимов А. Ю.* Православный взгляд на проблемы экологии (нравственные и религиозные проблемы экологической культуры) // Вестник славянских культур. Научно-информационный журнал. – М. : ГАСК. – 2008. – № 3–4 (X). – С. 206–213.
12. *Кульпин Э. С.* Человек и природа в Китае. – М. : Наука, 1990. – 150 с.
13. *Лемешев М. Я.* Пока не поздно... Размышления экономиста-эколога. Серия: Свободная трибуна. – М. : Молодая гвардия 1991. – 239 с.
14. *Максутов В. П.* История Древнего Востока. – Т. 2. – СПб. : Тип. «Бережливость», 1905. – 591 с.
15. Православие и экология. Московский патриархат. Отдел религиозного образования и катехизации. – М. : Российский Православный университет св. Иоанна Богослова. 1997. – 450 с.
16. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Христианский взгляд на экологическую проблему // Православие и экология. Московский патриархат. Отдел религиозного образования и катехизации. – М. : Российский Православный университет св. Иоанна Богослова, 1997. – 450 с.

17. *Серафим (Роуз)*. Бытие: сотворение мира и первые ветхозаветные люди. Христианское православное ведение. – М. : Братство Преп. Германа Аляскинского Платина, Калифорния, Валаамское Общество Америки, 2004. – 691 с.
18. *Уайт Л.* Исторические корни нашего экологического кризиса // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М. : Прогресс, 1990. – 450 с.
19. *Харун Яхья*. Обман эволюции. – Istanbul. Turkey: OKUR, 2000. – 78 с.
20. Христианство и экология: сб. ст. – СПб. : Русский Христианский гуманитарный институт. 1997. – 352 с.
21. *Toynbee A.* The Religious Background of the Present Enviromental Crisis. – URL: <http://www.harunyahya.ru>

УДК 81.1

А. Н. Лоцилин

профессор, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, МГЛУ; e-mail: anl888@mail.ru

КОЛЛЕКТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОРУДИЙ ТРУДА – ОСНОВА ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЗНАНИЯ, ЯЗЫКА И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается роль коллективного использования орудий труда в процессе возникновения языка, сознания и лингвистической деятельности, как начало человеческой истории. Автор предпринимает попытку раскрыть взаимосвязь чувственного и рационального в сознании и познании на основе лингвистической деятельности.

Ключевые слова: язык; лингвистическая деятельность; сознание; познание; чувственное и рациональное; орудийная деятельность.

Loshchilin A. N.

Advanced Doctor (Philosophy); Professor, Department of Humanities and Socioeconomic Disciplines, MSLU; e-mail: anl888@mail.ru

COLLECTIVE USE OF WORK TOOLS AS THE BASIS OF EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF CONSCIOUSNESS, LANGUAGE AND LINGUISTIC ACTIVITY

In article the role of collective use of instruments of labor in the course of emergence of language, consciousness and linguistic activity, as the beginning of human history is considered. The author makes an attempt to solve the problem of interrelation of sensual and rational in consciousness and knowledge on the basis of linguistic activity.

Key words: language; linguistic activity; consciousness; knowledge; sensual and rational; cannon activity.

Приступая к рассмотрению обозначенной темы, следует сразу определиться с термином «лингвистическая деятельность». Данный термин обозначает не только использование языка, но и его осознание, понимание, умение им пользоваться. В этом понимании язык выступает средством лингвистической деятельности.

В рамках марксистской философии особая роль в возникновении и развитии человеческого языка, сознания отводилась трудовой и лингвистической деятельности. Тезис: «Труд создал из обезьяны человека» – стал общепризнанным. Но при этом некоторые ехидно

замечали, что почему-то лошадь не стала человеком, хотя и много трудилась.

Наиболее значимой работой, на которую опирались в своих исследованиях многие поколения ученых, исследователей языка и сознания, была «Роль труда в происхождении и развитии сознания» Ф. Энгельса. В данной статье достаточно убедительно и последовательно было показано то, что именно трудовая деятельность способствовала совершенствованию руки, развитию мозга и языка. Именно усложнение трудовой деятельности вело к усложнению языка. С помощью языка передавался опыт одних поколений другим. При этом не только реализовывалась коммуникативная, но и адаптационная функция. С помощью языка в процессе общения передавались умения и навыки определенной профессиональной деятельности, знания и умения изготовления орудий труда, возможности их применения.

Человек никогда не был созерцательным существом, как это понималось некоторыми философами. Не природа играла ощущениями человека, в результате чего возникали человеческие знания. Человек всегда был практическим существом. Каждому необходимо было, как и сегодня, есть, пить и иметь крышу над головой, а также многое другое, по мере развития его потребностей. Даже был сформулирован закон возрастания человеческих потребностей: удовлетворение одних потребностей ведет к формированию новых. Но самоудовлетворение потребностей напрямую зависит от возможностей материального и духовного производства. Без производства нет и не может быть потребления, а без потребления любое производство теряет всякий смысл. Поэтому вполне определенно можно утверждать то, что для обеспечения жизнедеятельности человека и общества необходим процесс не просто производства, а как отмечал К. Маркс, расширенного воспроизводства. И именно расширенное воспроизводство является основой развития общества.

Для обеспечения процесса производства необходимы средства человеческой деятельности, и именно они явились основой развития человеческого сознания и языка. Не просто абстрактный или конкретный труд является основой формирования и развития общественного сознания, хотя данное положение мы не пытаемся оспаривать. Но главным в трудовой деятельности средством развития сознания и языка стали именно орудия труда. Причем не сами орудия труда, а коллективное их использование.

Орудийная деятельность в зачаточной форме присуща уже высшим животным и, в первую очередь, обезьянам. Специальные исследования показали, что обезьяны достаточно сообразительны в том, чтобы ставить ящики друг на друга, если надо достать подвешенный банан. Они не только используют палки, но и соединяют их для удлинения. В фильме «Обезьяний остров» хорошо показано то, как обезьяны пытались ветками и палками напугать тигра, чучело которого исследователи выставляли на поляну. Но использование отдельных предметов в качестве средств деятельности носило ситуативный характер, только в конкретной ситуации, а затем все выбрасывалось за ненадобностью. М. Полани отмечает, что благодаря структурному сходству двух главных типов неявного знания (практического и интеллектуального) они всегда даны в сочетании друг с другом, а иногда в равных пропорциях. Это справедливо в отношении любого инструментального действия. Инструменты схожи с деталями сложного целого, поскольку тот или иной предмет выступает для нас в качестве инструмента в силу того, что мы полагаемся на него при выполнении того, на чем фокусируется наше внимание в процессе использования инструмента. В подобном случае мы можем уподобить его объекту, который используем, но в большинстве случаев не знаем (или знаем недостаточно). Как это мы и делаем. Ибо, сконцентрировав наше внимание на инструменте, как на объекте, мы предполагаем действие [12]. Ф. Энгельс отмечал, что «объяснение возникновения языка из процесса труда и вместе с трудом является единственно правильным, доказывает сравнение с животными. То немногое, что эти последние, даже наиболее развитые из них, умеют сообщить друг другу, может быть сообщено и без помощи членораздельной речи. В естественном состоянии ни одно животное не испытывает неудобства от неумения говорить или понимать человеческую речь. Совсем иначе обстоит дело, когда животное приручено человеком. Собака и лошадь развили в себе, благодаря общению с людьми, такое чуткое ухо по отношению к членораздельной речи, что, в пределах свойственного им круга представлений, они легко научаются понимать всякий язык. Они, кроме того, приобрели способность к таким чувствам, как чувство привязанности к человеку, чувство благодарности и т. д., которые раньше им были чужды. Всякий, кому много приходилось иметь дело с такими животными, едва ли может отказаться от убеждения, что имеется немало случаев, когда они свою неспособность говорить ощущают

теперь как недостаток. К сожалению, их голосовые органы настолько специализированы в определенном направлении, что этому их горю уже никак нельзя помочь. Там, однако, где имеется подходящий орган, эта неспособность, в известных границах, может исчезнуть. Органы рта у птиц отличаются, конечно, коренным образом от соответствующих органов человека. Тем не менее, птицы являются единственными животными, которые могут научиться говорить, и птица с наиболее отвратительным голосом, попугай, говорит всего лучше. И пусть не возражают, что попугай не понимает того, что говорит. Конечно, он будет целыми часами без умолку повторять весь свой запас слов из одной лишь любви к процессу говорения и к общению с людьми. Но в пределах своего круга представлений он может научиться также и понимать то, что он говорит. Научите попугая бранным словам так, чтобы он получил представление об их значении (одно из главных развлечений возвращающихся из жарких стран матросов), попробуйте его затем дразнить, и вы скоро откроете, что он умеет так же правильно применять свои бранные слова, как берлинская торговка зеленью. Точно так же обстоит дело и при выклянчивании лакомств» [11, с. 262]. Следует отметить, что отдельным словам удалось обучить даже собак, хотя они «говорят» их с большим трудом.

Проблеме формирования языка у обезьян уделялось большое внимание многих исследований, начиная с выдвинутой Ж. О. де Ламетри идеи о возможности обучения обезьяны разговорному человеческому языку, в силу анатомической близости к человеку. До середины XX в. обезьян пытались научить разговорному языку, но все попытки приводили к отрицательным результатам. И только после внимательного исследования гортани обезьяны и полученных выводов, что они в принципе не могут говорить, обучать их стали языку глухонемых, т. е. языку жестов. Это дало положительные результаты. Отечественные исследователи смогли обучить обезьяну языку жестов в объеме 500 слов. Еще больших результатов удалось достичь в США: их обезьяна освоила около 1000 слов. Хотя этот результат ставится под сомнение многими исследователями.

Мы рассматриваем только процесс становления и развития современного человеческого языка, хотя сложные языки существуют у муравьев и дельфинов. Некоторые исследователи даже утверждают, что язык дельфинов по информационной насыщенности не уступает

человеческому. Поэтому вполне прав был Ф. де Соссюр, отмечая тот факт, что язык существовал всегда.

В этой связи возникает вопрос: где находится та граница, которая отделяет процесс биологической эволюции от начала человеческой истории?

Для исследования поведения обезьян на остров были привезены обезьяны из зоопарка и размещены в естественной среде. В ходе изучения их поведения был снят фильм «Обезьяний остров». Исследователи установили, что граница в использовании орудий труда обезьянами и человеком лежит в их коллективном использовании. Каждая обезьяна применяет отдельные предметы сугубо индивидуально, в конкретной ситуации. Первобытные люди начали пользоваться орудиями труда коллективно, что послужило началом человеческой истории, в то время как обезьяны только приблизились к этому. Лишь те из них, кто начал осуществлять коллективную трудовую деятельность в процессе труда, постепенно пошли по пути исторического прогресса. Хотя сама идея о роли коллективного использования орудий труда и их роли высказывалась Ф. Энгельсом. «Начинавшееся вместе с развитием руки, вместе с трудом господство над природой расширяло с каждым новым шагом вперед кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства. С другой стороны, развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена» [11, с. 262].

В самом начале и затем на всем протяжении человеческой истории орудия труда выполняли ряд функций, которые явились основой и причиной развития человеческого языка и сознания. Чтобы не быть голословным в данном вопросе, рассмотрим эти функции (эти функции пока не имеют специального названия, но суть их состоит в следующем).

1. Орудия труда значительно усиливали естественные возможности организма. Одно дело, когда обезьяна ударяет кулаком, но совершенно другое дело, когда удар наносится дубиной, а коллективное использование дубин во время охоты позволяло уже одолеть крупных животных и более успешно противостоять опасным хищникам.

2. Способствовали открытию тех свойств действительности, которые не лежат на поверхности, не даны в явлениях. Как говорят психологи, исследователи поведения обезьян, мышление у обезьян ручное, т. е. они видят и знают окружающий мир лишь в той степени, в какой он дан им в ощущениях или поверхностно. Поэтому можно с уверенностью говорить о том, что проникновение в сущностный уровень окружающего мира позволяло использовать специальные предметы в качестве орудий труда.

3. Как в самом начале человеческой истории, так и на всем ее протяжении орудия труда выполняли функцию абстрагирования от конкретной ситуации в знаниях меры и границ применимости в их использовании. Это, несомненно, способствовало развитию абстрактного мышления. В качестве примера можно привести то, что уже первые дубины могли быть использованы универсально и при охоте, и при защите от хищников или представителей другого племени. Невольно в качестве примера напрашивается и одна из современных реклам утюгов, на которых можно жарить яйца, с их помощью поливать цветы, забивать гвозди. Этот пример показывает универсальность орудия, которое можно использовать в разных ситуациях. Подобное универсальное применение орудий труда определенным образом способствует и развитию сознания, расширению опыта, выходу за рамки сложившихся стереотипов.

4. Орудия труда в процессе их изготовления и использования значительно расширяли сферу неосознаваемого в процессе познания, так называемую область «подсознания», то есть ту часть сознания, которая не осознается, но выполняет колоссальный объем получения и обработки информации. А коллективное использование орудийной деятельности с необходимостью предполагало расширение и усложнение информационных процессов и во многом способствовало развитию языка и лингвистической деятельности [9].

Эти функции орудий труда постоянно развивались в историческом процессе. И все современные приборы, машины, механизмы продолжают выполнять выделенные функции. Поэтому именно они являются основным двигателем исторического развития. Но орудийная деятельность основана на чувственном уровне знания. Как и каким образом чувственное познание переходит затем к рациональному уровню?

Проблема взаимосвязи чувственного и рационального возникла еще в Античности [8, с. 101–103]. Аристотель детально проанализировал структуру чувственного и рационального познания, но возник вопрос их взаимосвязи. Хотя сам Аристотель не решал его, но от Секста Эмпирика известно, что такая задача осознавалась и ставилась сначала самим Эпикуром, а затем в виде проблемы номинализма и реализма эпохи Средневековья.

С особой остротой данная проблема была поставлена в Новое время, и мнения об источнике знаний разделились. Ф. Бэкон [1], Т. Гоббс [2], Дж. Локк [6] и другие философы считали источником знаний человеческие ощущения. Нет ничего в человеческом интеллекте, чего не было в ощущениях, отмечал Дж. Локк.

Противоположную концепцию разрабатывали рационалисты. Наиболее ярко их подход отражен в работах Р. Декарта [3], В. Лейбница [5, с. 413–429] и Б. Спинозы [10], которые считали человеческий интеллект источником новых знаний.

Неудовлетворительность однобокого рассмотрения процесса познания была осознана И. Кантом [4]. Мыслитель попытался связать в единое целое чувственный и рациональный уровни в модели трансцендентального субъекта. Связывающим звеном чувственного и рационального уровней по Канту являются априорные формы чувственности и рассудка. Априорные формы (пространство и время) упорядочивают ощущения и создают мир явлений. Априорные формы рассудка, соединяясь с данными чувственности, образуют понятия как основу рационального уровня. Красивое решение, но не более. Поэтому данная концепция не была принята многими мыслителями в силу допущения априоризма. Не удовлетворял кантовский подход В. Соловьева, и ученый предпринял попытку несколько иначе решить эту проблему. По Соловьеву чувственное и рациональное являются крайностями, но единство достигается в мистике. По-своему красив и этот подход, если бы он вносил ясность в решение проблемы.

Современная философия науки относит к рациональному уровню теоретическое и эмпирическое познание. Но при этом остается вопрос о связи этих уровней с чувственным уровнем. Связывающим звеном, по нашему глубокому убеждению, является язык. Слово относится и к образу, и к понятию. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

Под воздействием других людей происходит формирование образного мира ребенка. Родители и воспитатели постоянно обращают

внимание ребенка на окружающие предметы и называют их определенными словами: это папа, это мама, это кошка, это собака и т.д. Происходит концентрация внимания ребенка на предмете, фиксация образа и соединение образа со словом. В представлении ребенка образ не только закрепляется, но и получает имя.

Может быть, в данном случае уместно вспомнить взгляды Ф. де Соссюра, который выделял слово и акустический образ. Главным для него было соединение акустического образа, слова и понятия. На первоначальном этапе развития ребенка формируется образный мир и образное мышление. Но затем постоянная практика с предметным миром ведет к тому, что одно и то же слово фиксирует внимание ребенка на предметах, которые различаются (белая, черная, рыжая, большая, маленькая собака – это все «собака»). В этом процессе осознания связи слова с разнообразными предметами происходит формирование понятий, которые относятся к целому классу предметов в виде: «дом вообще» или «собака вообще». Можно вполне уверенно утверждать, что каждое понятие человека формируется с помощью языка на основе единства акустического и зрительного образа. Данное положение не требует специального доказательства. Важно то, что связью чувственного и рационально урочней в познании и мышлении является язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бэкон Ф.* Новый органон. Новый Органон. – М. : Мысль, 1935. – 384 с.
2. *Гоббс Т.* Левиафан. – М. : Мысль, 2001. – 269 с.
3. *Декарт Р.* Рассуждения о методе для верного направления разума и отыскания истины в науках. – М. : ЭКСМО, 2015. – 128 с.
4. *Кант И.* Критика чистого разума. – М. : ЭКСМО, 2006. – 736 с.
5. *Лейбниц Г. В.* Монадология // Соч.: в 4 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1982. – С. 413–429.
6. *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении // Соч.: в 3 т. / под ред. И. С. Нарского. – Т. 1. – М. : Мысль, 1985. – 623 с.
7. *Лоцилин А. Н.* Язык, сознание и мышление // Социодинамика взаимодействия философии и культуры в условиях глобальных изменений. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – 198 с. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 11 (697). Сер. Философия и культурология).
8. *Лоцилин А. Н., Лоцилина М. А.* Связь чувственного и рационального в познании // Перспективы развития науки и образования : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 31 января 2014 г. : в 15 частях. – Ч. 3 ; М-во обр. и науки РФ. – Тамбов : Бизнес–Наука–Общество, 2014. – 163 с.

9. *Лоцилин А. Н.* Философские основания теории творчества. – М. : Всемирный следопыт, 1998. – 132 с.
10. *Спиноза Б.* Этика. – СПб. : Азбука-Аттикус, 2015. – 352 с.
11. *Энгельс Ф.* Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. – Т. 20. – С. 262.
12. *Polanyi M.* Tacit Knowing: Its bearing on Some Problems of Philosophy // Reviews of Modern Physics. – Vol. 34. – # 4. – 1962. – P. 601–616.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 1 (762)

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanitarian Sciences
Issue 1 (762)

Редакторы:

Е. М. Евдокимова, Н. М. Тимакова
Компьютерная верстка: Г. П. Лопатина
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 27.10.2016 г.
Усл. печ. л. 12,75 Формат 60x90/16
Заказ № 1461

Адрес редакции:

119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология
09.00.00 – Философские науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна